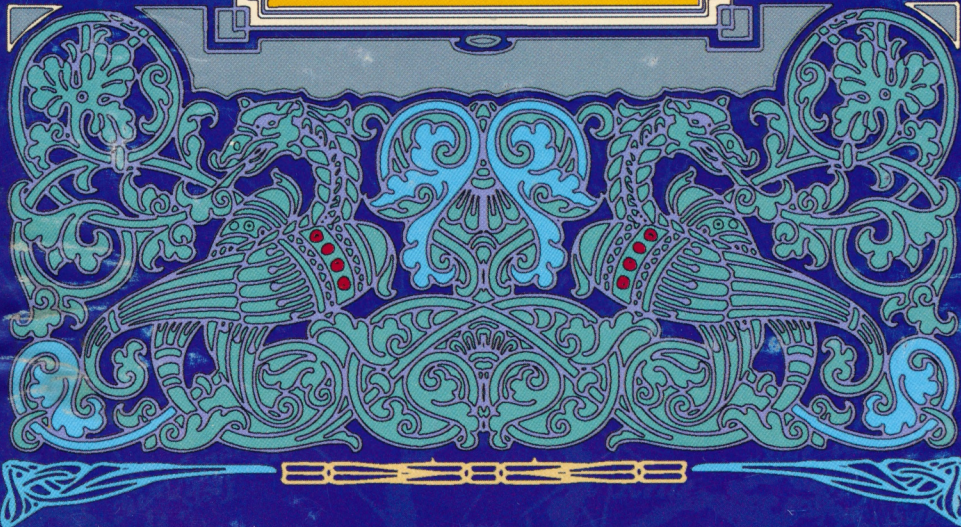

СКАЗКИ МИРА

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ
и
БЫЛИНЫ

СКАЗКИ МИРА

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ
И
БЫТИИ

В издании использованы иллюстрации

И. Билибина

на темы русских народных сказок

СКАЗКИ МИРА

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ
и
БЫЛИНЫ

ТЕРРА

МОСКВА ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ 1999

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)
Р89

Иллюстрации
И. БИЛИБИНА

Разработка оформления серии художника
И. МАРЕВА

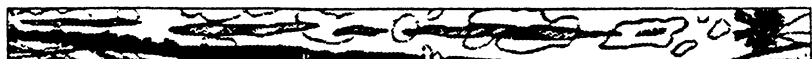
Русские народные сказки и былины. — М.:
Р89 ТЕРРА—Книжный клуб, 1999. — 368 с., 32 с. ил. —
(Сказки мира).
ISBN 5-300-02502-X

Сборник составлен из лучших сказок и былин русского народа. Прекрасные иллюстрации Билибина, которые сопровождают текст, отражают великолепие, загадочность и неповторимость чудесного мира русских народных сказок.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 5-300-02502-X

© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

Морской царь и Василиса Премудрая

За тридевять земель, в тридесятом государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Поехал царь по чужим землям, по дальним сторонам; долгое время дома не бывал; на ту пору родила ему царица сына, Ивана-царевича, а царь про то и не ведает.

Стал он держать путь в свое государство, стал подъезжать к своей земле, а день-то был жаркий-жаркий, солнце так и пекло! И напала на него жажда великая; что ни дать, только бы воды испить! Осмотрелся кругом и видит невдалеке большое озеро; подъехал к озеру, слез с коня, прилег на брюхо и давай глотать студеною воду. Пьет и не чувствует беды; а царь морской ухватил его за бороду.

— Пусти! — просит царь.

— Не пущу, не смей пить без моего ведома!

— Какой хочешь возьми откуп — только отпусти!

— Давай то, чего дома не знаешь.

Царь подумал-подумал — чего он дома не зна-

ет? Кажись, все знает, все ему ведомо, — и согласился. Попробовал — бороду никто не держит; встал с земли, сел на коня и поехал восвояси.

Вот приезжает домой, царица встречает его с царевичем, такая радостная; а он, как узнал про свое милое детище, так и залился горькими слезами. Рассказал царице, как и что с ним было, поплакали вместе, да ведь делать-то нечего, слезами дела не поправишь.

Стали они жить по-старому; а царевич растет себе да растет, словно тесто на опаре — не по дням, а по часам, и вырос большой.

«Сколько ни держать при себе, — думает царь, — а отдавать надобно: дело неминуемое!» Взял Ивана-царевича за руку, привел прямо к озеру.

— Поищи здесь, — говорит, — мой перстень; я ненароком вчера обронил.

Оставил одного царевича, а сам повернул домой.

Стал царевич искать перстень, идет по берегу, и попадается ему навстречу старушка.

— Куда идешь, Иван-царевич?

— Отвяжись, не докучай, старая ведьма! И без тебя досадно.

— Ну, оставайся... — И пошла старушка в сторону.

А Иван-царевич пораздумался: «За что обругал я старуху? Дай ворочу ее; старые люди хитры и догадливы! Авось что и доброе скажет». И стал ворочать старушку:

— Воротись, бабушка, да прости мое слово глупое! Ведь я с досады вымолвил: заставил меня

отец перстень искать, хожу-высматриваю, а перстня нет как нет!

— Не за перстнем ты здесь; отдал тебя отец морскому царю: выйдет морской царь и возьмет тебя с собою в подводное царство.

Горько заплакал царевич.

— Не тужи, Иван-царевич! Будет и на твоей улице праздник; только слушайся меня, старуху. Спрячься вон за тот куст смородины и притаись тихохонько. Прилетят сюда двенадцать голубиц — всё красных девиц, а вслед за ними и тринадцатая; станут в озере купаться; а ты тем временем унеси у последней сорочку и до тех пор не отдавай, пока не подарит она тебе своего колечка. Если не сумеешь этого сделать, ты погиб навеки; у морского царя кругом всего дворца стоит частокол высокий, на целые на десять верст, и на каждой спице по голове воткнуто; только одна порожняя, не угоди на нее попасть!

Иван-царевич поблагодарил старушку, спрятался за смородиновый куст и ждет поры-времени.

Вдруг прилетают двенадцать голубиц; ударились о сыру землю и обернулись красными девицами, все до единой красоты несказанной: ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать! Поскидали платья и пустились в озеро: играют, плещутся, смеются, песни поют.

Вслед за ними прилетела и тринадцатая голубица; ударилась о сыру землю, обернулась красной девицей, сбросила с белого тела сорочку и пошла купаться; и была она всех пригожее, всех красивее!

Долго Иван-царевич не мог отвести очей своих, долго на нее заглядывался, да припомнил, что говорила ему старуха, подкрался и унес сорочку.

Вышла из воды красная девица, хватилась — нет сорочки, унес кто-то; бросились все искать, искали, искали — не видать нигде.

— Не ищите, милые сестрицы! Улетайте домой; я сама виновата — недосмотрела, сама и отвечать буду.

Сестрицы — красные девицы ударились о сыру землю, сделались голубицами, взмахнули крыльями и полетели прочь. Осталась одна девица, осмотрелась кругом и промолвила:

— Кто бы ни был таков, у кого моя сорочка, выходи сюда; коли старый человек — будешь мне родной батюшка, коли средних лет — будешь братец любимый, коли ровня мне — будешь милый друг!

Только сказала последнее слово, показался Иван-царевич. Подала она ему золотое колечко и говорит:

— Ах, Иван-царевич! Что давно не приходил? Морской царь на тебя гневается. Вот дорога, что ведет в подводное царство; ступай по ней смело! Там и меня найдешь; ведь я дочь морского царя, Василиса Премудрая.

Обернулась Василиса Премудрая голубкою и улетела от царевича.

А Иван-царевич отправился в подводное царство; видит — и там свет такой же, как у нас, и там поля, и луга, и рощи зеленые, и солнышко греет.

Приходит он к морскому царю. Закричал на него морской царь:

— Что так долго не бывал? За вину твою вот тебе служба: есть у меня пустошь на тридцать верст и в длину и поперек — одни рвы, буераки да каменье острое! Чтоб к завтраму было там как ладонь гладко, и была бы рожь посеяна, и выросла б к раннему утру так высока, чтобы в ней галка могла схорониться. Если того не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

Идет Иван-царевич от морского царя, сам слезами обливается. Увидала его в окно из своего терема высокого Василиса Премудрая и спрашивает:

— Здравствуй, Иван-царевич! Что слезами обливаешься?

— Как же мне не плакать? — отвечает царевич. — Заставил меня царь морской за одну ночь сровнять рвы, буераки и каменье острое и засеять рожью, чтоб к утру она выросла и могла в ней галка спрятаться.

— Это не беда, беда впереди будет. Ложись с богом спать; утро вечера мудренее, все будет готово!

Лег спать Иван-царевич, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и крикнула громким голосом:

— Гей вы, слуги мои верные! Ровняйте-ка рвы глубокие, снесите каменье острое, засевайте рожью колосистою, чтоб к утру поспело.

Проснулся на заре Иван-царевич, глянул — все готово: нет ни рвов, ни буераков, стоит поле

как ладонь гладкое, и красуется на нем рожь — столь высока, что галка схоронится.

Пошел к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, — говорит морской царь, — что сумел службу сослужить. Вот тебе другая работа: есть у меня триста скирдов, в каждом скирду по триста копен — все пшеница белоярая; обмолоти мне к завтраму всю пшеницу чисто-начисто, до единого зернышка, а скирдов не ломай и снопов не разбивай. Если не сделаешь — голова твоя с плеч долой!

— Слушаю, ваше величество! — сказал Иван-царевич; опять идет по двору да слезами обливается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его Василиса Премудрая.

— Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить, а скирдов не ломать и снопов не разбивать.

— Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с богом, утро вечера мудренее.

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть — все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто.

Поутру зовет морской царь Ивана-царевича:

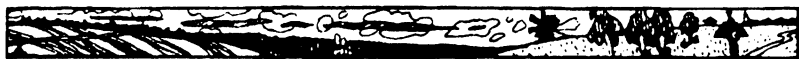
— Сослужил ли службу?

— Сослужил, ваше величество!

— Пойдем посмотрим.

Пришли на гумно — все скирды стоят нетро-

нуты, пришли в житницы — все закрома полнехоньки зерном.

— Спасибо тебе, брат! — сказал морской царь. — Сделай мне еще церковь из чистого воску, чтобы к рассвету была готова: это будет твоя последняя служба.

Опять идет Иван-царевич по двору, слезами умывается.

— О чем горько плачешь? — спрашивает его из высокого терема Василиса Премудрая.

— Как мне не плакать, доброму молодцу? Приказал морской царь за одну ночь сделать церковь из чистого воску.

— Ну, это еще не беда, беда впереди будет. Ложись-ка спать, утро вечера мудренее.

Царевич улегся спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

— Гей вы, пчелы работающие! Сколько вас на белом свете ни есть — все летите сюда и слепите из чистого воску церковь божью, чтоб к утру была готова!

Поутру встал Иван-царевич, глянул — стоит церковь из чистого воску, и пошел к морскому царю с докладом.

— Спасибо тебе, Иван-царевич! Каких слуг у меня ни было, никто не сумел так угодить, как ты. Будь же за то моим наследником, всего царства оберегателем; выбирай себе любую из тринадцати дочерей моих в жены.

Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня.

Ни много ни мало прошло времени, стосковался Иван-царевич по своим родителям, захотелось ему на святую Русь.

— Что так грустен, Иван-царевич?

— Ах, Василиса Премудрая, сгрустнулось по отцу, по матери, захотелось на святую Русь.

— Вот это беда пришла! Если уйдем мы, будет за нами погоня великая; царь морской разгневается и предаст нас смерти. Надо ухитриться!

Плюнула Василиса Премудрая в трех углах, заперла двери в своем тереме и побежала с Иваном-царевичем на святую Русь.

На другой день ранехонько приходят посланные от морского царя — молодых подымать, во дворец к царю звать. Стучатся в двери:

— Проснитесь, пробудитесь! Вас батюшка зовет.

— Еще рано, мы не выспались, приходите после! — отвечает одна слюнка.

Вот посланные ушли, обождали час-другой и опять стучатся:

— Не пора-время спать, пора-время вставать!

— Погодите немного: встанем, оденемся! — отвечает вторая слюнка.

В третий раз приходят посланные: царь-де морской гневается, зачем так долго они прохладятся.

— Сейчас будем! — отвечает третья слюнка.

Подождали-подождали посланные и давай опять стучаться: нет отклика, нет отзова! Выломали двери, а в тереме пусто.

Доложили царю, что молодые убежали; озлобился он и послал за ними погоню великую.

А Василиса Премудрая с Иваном-царевичем уже далеко-далеко! Скачут на борзых конях без остановки, без роздыху.

— Ну-ка, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич соскочил с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ!

— Это за нами гонят! — сказала Василиса Премудрая и тотчас обратила коней зеленым лугом, Ивана-царевича — старым пастухом, а сама сделалась смирной овечкою.

Наезжает погоня:

— Эй, старичок! Не видал ли ты — не проскакал ли здесь добрый молодец с красной девицей?

— Нет, люди добрые, не видал, — отвечает Иван-царевич. — Сорок лет, как пасу на этом месте — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Воротилась погоня назад:

— Ваше царское величество! Никого в пути не наехали, видали только: пастух овечку пасет.

— Что ж не хватали? Ведь это они были! — закричал морской царь и послал новую погоню.

А Иван-царевич с Василисою Премудрой давным-давно скачут на борзых конях.

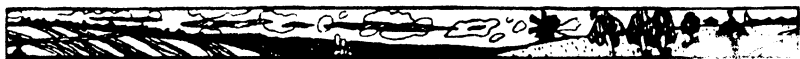
— Ну, Иван-царевич, припади к сырой земле да послушай, нет ли погони от морского царя?

Иван-царевич слез с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ.

— Это за нами гонят! — сказала Василиса

Премудрая; сама сделалась церковью, Ивана-царевича обратила стареньким попом, а лошадей — деревьями.

Наезжает погоня:

— Эй, батюшка! Не видал ли ты, не проходил ли здесь пастух с овечкою?

— Нет, люди добрые, не видал. Сорок лет тружусь в этой церкви — ни одна птица мимо не пролетывала, ни один зверь мимо не прорыскивал!

Повернула погоня назад:

— Ваше царское величество! Нигде не нашли пастуха с овечкою; только в пути и видели, что церковь да попа-старика.

— Что же вы церковь не разломали, попа не захватили? Ведь это они самые были! — закричал морской царь и сам поскакал вдогонь за Иваном-царевичем и Василисою Премудрою.

А они далеко уехали.

Опять говорит Василиса Премудрая:

— Иван-царевич! Припади к сырой земле — не слышать ли погони?

Слез Иван-царевич с коня, припал ухом к сырой земле и говорит:

— Слышу я людскую молвь и конский топ пуще прежнего.

— Это сам царь скачет.

Оборотила Василиса Премудрая коней озером, Ивана-царевича — селезнем, а сама сделалась уткою.

Прискакал царь морской к озеру, тотчас догадался, кто таковы утка и селезень, ударился о сыру землю и обернулся орлом. Хочет орел убить

их до смерти, да не тут-то было: что ни разлетится сверху... вот-вот ударит селезня, а селезень в воду нырнет; вот-вот ударит утку, а утка в воду нырнет! Бился, бился, так ничего и не смог сделать. Поскакал царь морской в свое подводное царство, а Василиса Премудрая с Иваном-царевичем выждали доброе время и поехали на святую Русь.

Долго ли, коротко ли, приехали они в тридцатое царство.

— Подожди меня в этом лесочке, — говорит Иван-царевич Василисе Премудрой, — я пойду доложусь наперед отцу, матери.

— Ты меня забудешь, Иван-царевич!

— Нет, не забуду.

— Нет, Иван-царевич, не говори, позабудешь! Вспомни обо мне хоть тогда, когда станут два голубка в окна биться!

Пришел Иван-царевич во дворец; увидали его родители, бросились ему на шею и стали целовать-миловать его. На радостях позабыл Иван-царевич про Василису Премудрую.

Живет день и другой с отцом, с матерью, а на третий задумал свататься к какой-то королевне.

Василиса Премудрая пошла в город и нанялась к просвирне в работницы. Стали просвиры готовить, она взяла два кусочка теста, слепила пару голубков и посадила в печь.

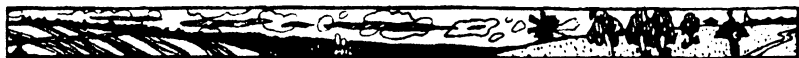
— Разгадай, хозяйюшка, что будет из этих голубков!

— А что будет? Съедем их — вот и все!

— Нет, не угадала!

Открыла Василиса Премудрая печь, отворила

окно — и в ту же минуту голуби вострепнулись, полетели прямо во дворец и начали биться в окна; сколько прислуга царская ни старалась, ничем не могла отогнать их прочь.

Тут только Иван-царевич вспомнил про Василису Премудрую, послал гонцов во все концы расспрашивать да разыскивать и нашел ее у просвирни; взял за руки белые, целовал в уста сахарные, привел к отцу, к матери, и стали все вместе жить да поживать да добра наживать.

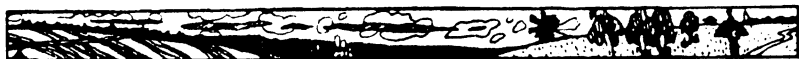
Финист — ясный сокол

Жил да был крестьянин. Умерла у него жена, осталось три дочки. Хотел старик нанять работницу — в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь, Марьюшка, сказала:

— Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести.

Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Все-то она умеет, все-то у нее ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работающая дочка растет. Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сестры ее завидующие да жадные; из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы — весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им — не платье, сапожки — не сапожки, платок — не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

— Что вам, дочери, купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочери:

— Купи по полушалку, да такому, чтоб цветы покрупнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает ее отец:

— А что тебе, доченька, купить?

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полушалки, а перышка не нашел.

Поехал отец в другой раз на базар.

— Ну, — говорит, — дочери, заказывайте подарки.

Обрадовались старшая и средняя дочери:

— Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

А Марьюшка опять заказывает:

— Купи мне, батюшка, перышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а перышка не нашел. Приехал без перышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочери говорят:

— Купи нам по платью.

А Марьюшка опять просит:

— Батюшка, купи перышко Финиста — ясна сокола.

Ходил отец весь день, а перышка не нашел. Выехал из города, а навстречу старенький старичок.

— Здорово, дедушка!

— Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь?

— К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить перышко Финиста — ясна сокола, а я не нашел.

— Есть у меня такое перышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам.

Вынул дедушка перышко и подает, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: «Что в нем Марьюшка нашла хорошего!»

Привез старик подарки дочкам; старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:

— Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи свое перышко в волоса да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону; а когда все спать легли, бросила Марьюшка перышко на пол и проговорила:

— Любезный Финист — ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!

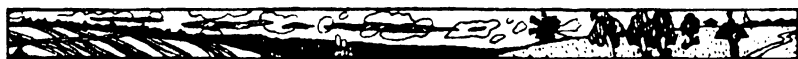
И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу.

Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днем он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвертый день сестры злые заметили — наговорили отцу на сестру.

— Милые дочери, — говорит отец, — смотрите лучше за собой.

«Ладно, — думают сестры, — посмотрим, как будет дальше».

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот летит ясный сокол. Долетел до окна и не может попасть в комнату Марьюшки. Бился-бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

— Кому я нужен, тот меня найдет. Но это будет нелегко. Тогда меня найдешь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвешь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окне остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами — смыла слезками кровавый след и стала еще краше.

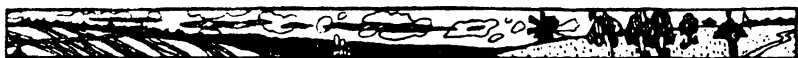
Пошла она к отцу и проговорила:

— Не брани меня, батюшка,пусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду — свидимся, умру — так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю, искать желанного Финиста — ясна сокола. Шла она чистым полем, шла темным лесом, высокими горами. Птички веселыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса темные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы — все звери

к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках — вертится. Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

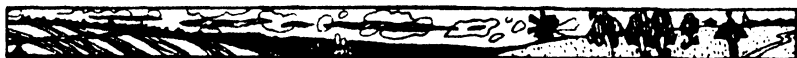
— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— О красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятом государстве. Опоила его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и золотое яичко. Когда придешь в тридевятое царство, наймись работницей к царице. Покончишь работу — бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке, боится и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

— Не бойся, Марьюшка, иди вперед. Будет еще страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потерся кот спинкой и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал еще темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прiros.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

— А у моей сестры была?

— Была, бабушка.

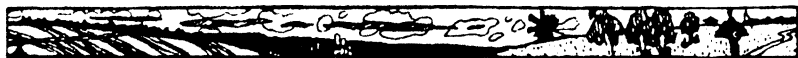
— Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пальцы, золотую иголочку. Иголочка сама будет вышивать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать — не продавай. Просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит:

— Ав, ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди! Будет еще страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал еще темнее. За ноги ее цепляет, за рука-

ва хватает... Идет Марьюшка, идет и назад не оглянется.

Долго ли, коротко ли шла — башмаки железные износила, посох железный поломала, колпак железный порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках, вокруг тын, а на кольях лошадиные черепа; каждый череп огнем горит.

Говорит Марьюшка:

— Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, а к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит баба-яга — костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама черная, а во рту один клык торчит.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

— Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

— Ищу, бабушка, Финиста — ясна сокола.

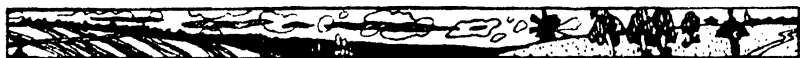
— Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретенце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

— Спасибо тебе, бабушка.

— Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретенце покупать — не продавай, а просись Финиста — ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел; поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повылезли — да все на

Марьюшку. И видит Марьюшка — бежит навстречу серый волк.

— Не горюй, — говорит он, — а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только ее и видели. Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

— Ну, — говорит волк, — слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

— Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

— Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы прять, ткать, вышивать.

— Все это я могу делать.

— Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь — возьмет Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

— Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист — ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается:

— Финист мой, Финист — ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица ее слова и говорит:

— Продай ты мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

— Нет, — говорит Марьюшка, — они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста — ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

— Ладно, — говорит, — так и быть. Ночью, как он уснет, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идет Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу. Видит она — спит ее сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка — не насмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой, — спит, не пробудится сердечный друг.

Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого...

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пальцы да золотую иголочку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

— Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста — ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться.

Подслушала царица и говорит:

— Продай, Марьюшка, серебряные пальцы, золотую иголочку.

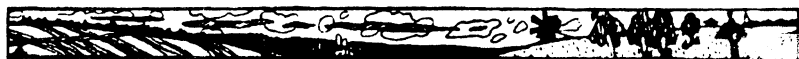
— Я не продам, — говорит Марьюшка, — а так отдам, разреши только с Финистом — ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

— Ладно, — говорит, — так и быть, приходи ночью.

Наступает ночь. Входит Марьюшка в спальню

к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист — ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка — не добудилась.

Наступает день.

Сидит Марьюшка за работой, берет в руки серебряное донце, золотое веретенце. А царица увидела:

— Продай да продай!

— Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом — ясным соколом хоть часок побыть.

— Ладно, — говорит та.

А сама думает: «Все равно не разбудит».

Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту — ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

— Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается.

Будила, будила — никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

— Любезный ты мой Финист — ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему ее прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста — ясна сокола и обожгла. Очнулся Финист — ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку. Обнял ее, поцеловал:

— Неужели это ты, Марьюшка! Трое башма-

ков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла? Поедем же теперь на родину.

Стали они домой собираться, а царица увидела и приказала в трубы трубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста — ясна сокола наказать.

Тогда Финист — ясный сокол говорит:

— Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продает да обманывает?

Согласились все, что жена Финиста — ясна сокола — Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в свое государство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят.

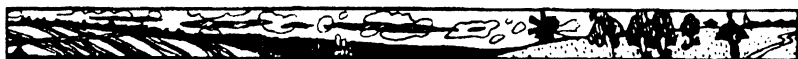
Баба-яга

Жили-были муж с женой, и была у них дочка. Заболела жена и умерла. Погоревал-погоревал мужик да и женился на другой.

Невзлюбила злая баба девочку, била ее, ругала, только и думала, как бы совсем извести, погубить.

Вот раз уехал отец куда-то, а мачеха и говорит девочке:

— Поди к моей сестре, твоей тетке, попроси у нее иголку да нитку — тебе рубашку сшить.

А тетка эта была баба-яга, костяная нога. Не посмела девочка отказаться, пошла, да прежде зашла к своей родной тетке.

— Здравствуй, тетушка!

— Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

— Послала меня мачеха к своей сестре попросить иголку и нитку — хочет мне рубашку сшить.

— Хорошо, племянница, что ты прежде ко мне зашла, — говорит тетка. — Вот тебе ленточка, масло, хлебец да мяса кусок. Будет там тебя березка в глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; будут ворота скрипеть да хлопать, тебя удерживать — ты подлей им под пяточки масла; будут тебя собаки рвать — ты им хлеба брось; будет тебе кот глаза драть — ты ему мяса дай.

Поблагодарила девочка свою тетку и пошла.

Шла она, шла и пришла в лес. Стоит в лесу за высоким тыном избушка на курьих ножках, на бараньих рожках, а в избушке сидит баба-яга, костяная нога — холст ткёт.

— Здравствуй, тетушка! — говорит девочка.

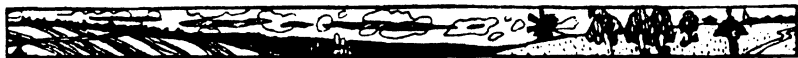
— Здравствуй, племянница! — говорит баба-яга. — Что тебе надобно?

— Меня мачеха послала попросить у тебя иголку и ниточку — мне рубашку сшить.

— Хорошо, племяннушка, дам тебе иголочку да ниточку, а ты садись покуда поработай!

Вот девочка села у окна и стала ткать.

А баба-яга вышла из избушки и говорит своей работнице:

— Я сейчас спать лягу, а ты ступай, истопи баню и вымой племянницу. Да смотри, хорошенько вымой: проснусь — съем ее!

Девочка услышала эти слова — сидит ни жива ни мертва. Как ушла баба-яга, она стала просить работницу:

— Родимая моя! Ты не столько дрова в печи поджигай, сколько водой заливай, а воду решето носи! — И ей подарила платочек.

Работница баню топит, а баба-яга проснулась, подошла к окошку и спрашивает:

— Ткешь ли ты, племяннушка, ткешь ли, милая?

— Тку, тетушка, тку, милая!

Баба-яга опять спать легла, а девочка дала коту мяса и спрашивает:

— Котик-братик, научи, как мне убежать отсюда.

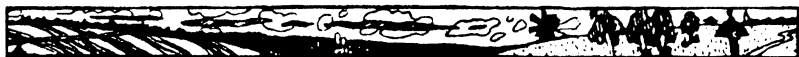
Кот говорит:

— Вон на столе лежит полотенце да гребешок, возьми их и беги поскорее: не то баба-яга съест! Будет за тобой гнаться баба-яга — ты приложи ухо к земле. Как услышишь, что она близко, брось гребешок — вырастет густой дремучий лес. Пока она будет сквозь лес продираться, ты далеко убежишь. А опять услышишь погоню — брось полотенце: разольется широкая да глубокая река.

— Спасибо тебе, котик-братик! — говорит девочка.

Поблагодарила она кота, взяла полотенце и гребешок и побежала.

Бросились на нее собаки, хотели ее рвать, кусать, — она им хлеба дала. Собаки ее и пропустили. Ворота заскрипели, хотели было захлопнуться — а девочка подлила им под пяточки маслица. Они ее и пропустили.

Березка зашумела, хотела ей глаза выстегать, — девочка ее ленточкой перевязала. Березка ее и пропустила. Выбежала девочка и побежала что было мочи. Бежит и не оглядывается.

А кот тем временем сел у окна и принялся ткать. Не столько ткет, сколько путает!

Проснулась баба-яга и спрашивает:

— Ткешь ли, племяннушка, ткешь ли, милая?

А кот ей в ответ:

— Тку, тетка, тку, милая.

Бросилась баба-яга в избушку и видит — девочки нету, а кот сидит, ткет.

Принялась баба-яга бить да ругать кота:

— Ах ты, старый плут! Ах ты, злодей! Зачем выпустил девчонку? Почему глаза ей не выдрал? Почему лицо не поцарапал?..

А кот ей в ответ:

— Я тебе столько лет служу, ты мне косточки обглоданной не бросила, а она мне мясца дала!

Выбежала баба-яга из избушки, накинута на собак:

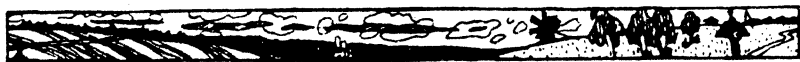
— Почему девчонку не рвали, почему не кусали?..

Собаки ей говорят:

— Мы тебе столько лет служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала!

Подбежала баба-яга к воротам:

— Почему не скрипели, почему не хлопали? Зачем девчонку со двора выпустили?..

Ворота говорят:

— Мы тебе столько лет служим, ты нам и водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица не пожалела!

Подскочила баба-яга к березке:

— Почему девчонке глаза не выстегала?

Березка ей отвечает:

— Я тебе столько лет служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она мне ленточку подарила!

Стала баба-яга ругать работницу:

— Что же ты, такая-сякая, меня не разбудила, не позвала? Почему ее выпустила?..

Работница говорит:

— Я тебе столько лет служу — никогда слова доброго от тебя не слыхала, а она платочек мне подарила, хорошо да ласково со мной разговаривала!

Покричала баба-яга, пошумела, потом села в ступу и помчалась в погоню. Пестом погоняет, помелом след замечает...

А девочка бежала-бежала, остановилась, приложила ухо к земле и слышит: земля дрожит, трясется — баба-яга гонится, и уж совсем близко...

Достала девочка гребень и бросила через правое плечо. Вырос тут лес, дремучий да высокий: корни у деревьев на три сажени под землю уходят, вершины облака подпирают.

Примчалась баба-яга, стала грызть да ломать лес. Она грызет да ломает, а девочка дальше бежит.

Много ли, мало ли времени прошло, приложила девочка ухо к земле и слышит: земля дрожит, трясется — баба-яга гонится, и уж совсем близко.

Взяла девочка полотенце и бросила через правое плечо. В тот же миг разлилась река — широкая-преширокая, глубокая-преглубокая!

Подскочила баба-яга к реке, от злости зубами закрипела — не может через реку перебраться.

Воротилась она домой, собрала своих быков и погнала к реке:

— Пейте, мои быки! Выпейте всю реку до дна! Стали быки пить, а вода в реке не убывает.

Рассердилась баба-яга, легла на берег, сама стала воду пить. Пила, пила, пила, пила, до тех пор пила, пока не лопнула.

А девочка тем временем знай бежит да бежит.

Вечером вернулся домой отец и спрашивает у жены:

— А где же моя дочка?

Баба говорит:

— Она к тетушке пошла — иголочку да ниточку попросить, да вот задержалась что-то.

Забеспокоился отец, хотел было идти дочку искать, а дочка домой прибежала, запыхалась, отдышаться не может.

— Где ты была, дочка? — спрашивает отец.

— Ах, батюшка! — отвечает девочка. — Меня мачеха посылала к своей сестре, а сестра ее — баба-яга, костяная нога. Она меня съесть хотела. Насилу я от нее убежала!

Как узнал все это отец, рассердился он на

злую бабу и выгнал ее грязным помелом вон из дому. И стал он жить вдвоем с дочкой, дружно да хорошо.

Здесь и сказке конец.

Летучий корабль

Жили-были старик да старуха. У них было три сына — два старших умниками слыли, а младшего все дурачком звали. Старших старуха любила — одевала чисто, кормила вкусно. А младший в дырявой рубашке ходил, черную корку жевал.

— Ему, дурачку, все равно: он ничего не смыслит, ничего не понимает!

Вот однажды дошла до той деревни весть: кто построит царю такой корабль, чтоб и по морям ходил и под облаками летал, — за того царь свою дочку выдаст.

Решили старшие братья счастья попытать.

— Отпустите нас, батюшка и матушка! Авось который-нибудь из нас царским зятем станет!

Снарядила мать старших сыновей, напекла им в дорогу пирогов белых, нажарила-наварила курятины да гусятины:

— Ступайте, сыночки!

Отправились братья в лес, стали деревья рубить да пилить. Много нарубили-напилили. А что дальше делать — не знают. Стали они спорить да

браниться, того и гляди, друг дружке в волосы вцепятся.

Подошел тут к ним старичок и спрашивает:

— Из-за чего у вас, молодцы, спор да брань? Может, и я вам какое слово на пользу скажу?

Накинулись оба брата на старичка — слушать его не стали, нехорошими словами обругали и прочь прогнали. Ушел старичок.

Поругались еще братья, съели все свои припасы, что им мать дала, и возвратились домой ни с чем...

Как пришли они, начал проситься младший:

— Отпустите теперь меня!

Стали мать и отец отговаривать его да удерживать:

— Куда тебе, дурню, — тебя волки по дороге съедят!

А дурень знай свое твердит:

— Отпустите — пойду, и не отпустите — пойду!

Видят мать и отец — никак с ним не сладишь. Дали ему на дорогу краюху черного сухого хлеба и выпроводили вон из дому.

Взял дурень с собой топор и отправился в лес. Ходил-ходил по лесу и высмотрел высокую сосну: верхушкой в облака эта сосна упирается, обхватить ее впору только троим.

Срубил он сосну, стал ее от сучьев очищать. Подошел к нему старичок.

— Здравствуй, — говорит, — дитятко!

— Здравствуй, дедушка!

— Что это, дитятко, ты делаешь, на что такое большое дерево срубил?

— А вот, дедушка, царь обещал выдать свою дочку за того, кто ему летучий корабль построит, я и строю.

— А разве ты сможешь такой корабль смастерить? Это дело мудреное, пожалуй, и не сладишь.

— Мудреное не мудреное, а попытаться надо: глядишь, и слажу! Вот и ты кстати пришел: старые люди бывалые, сведущие. Может, ты мне что и присоветуешь.

Старичок говорит:

— Ну, коли просишь совет тебе подать, слушай: возьми-ка ты свой топор и отеши эту сосну с боков: вот так!

И показал, как надо обтесывать.

Послушался дурень старичка — обтесал сосну так, как он показывал. Обтесывает он, диву дается: топор так сам и ходит, так и ходит!

— Теперь, — говорит старичок, — обделывай сосну с концов: вот так и вот так!

Дурень старичковы слова мимо ушей не пропускает: как старичок показывает, так он и делает.

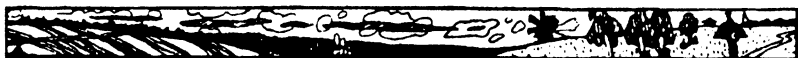
Закончил он работу, старичок похвалил его и говорит:

— Ну, теперь не грех передохнуть да закусить малость.

— Эх, дедушка, — говорит дурень, — для меня-то еда найдется, вот эта краюха черствая. А тебя-то чем угостить? Ты небось и не угрызешь мое угощение?

— А ну-ка, дитятко, — говорит старичок, — дай сюда свою краюху!

Дурень подал ему краюху. Старичок взял ее в руки, осмотрел, пощупал да и говорит:

— Не такая уж черствая твоя краюха!

И подал ее дурню. Взял дурень краюху — глазам своим не верит: превратилась краюха в мягкий да белый каравай.

Как поели они, старик и говорит:

— Ну, теперь станем паруса прилаживать!

И достал из-за пазухи кусок холста. Старичок показывает, дурень старается, на совесть все делает — и паруса готовы, прилажены.

— Садись теперь в свой корабль, — говорит старичок, — и лети, куда тебе надобно. Да смотри, помни мой наказ: по пути сажай в свой корабль всякого встречного!

Тут они и распрощались. Старичок своей дорогой пошел, а дурень на летучий корабль сел, паруса расправил. Надулись паруса, взмыл корабль в небо, полетел быстрее сокола. Летит чуть ниже облаков ходячих, чуть повыше лесов стоячих...

Летел-летел дурень и видит: лежит на дороге человек — ухом к сырой земле припал. Спустился он и говорит:

— Здорово, дядюшка!

— Здорово, молодец!

— Что это ты делаешь?

— Слушаю я, что на том конце земли делается.

— А что же там делается, дядюшка?

— Поют-заливаются там пташки голосистые, одна другой лучше!

— Экой ты, какой слухменный! Садись ко мне на корабль, полетим вместе.

Слухало не стал отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели, видят — идет по дороге человек, идет на одной ноге, а другая нога к уху привязана.

— Здорово, дядюшка!

— Здорово, молодец!

— Что это ты на одной ноге скачешь?

— Да если я другую ногу отвяжу, так за три шага весь свет перешагну!

— Вот ты какой быстрый! Садись к нам.

Скороход отказываться не стал, взобрался на корабль, и полетели они дальше.

Много ли, мало ли пролетели, глядь — стоит человек с ружьем, целится. А во что целится — неведомо.

— Здорово, дядюшка! В кого это ты целишься — ни зверя, ни птицы кругом не видно.

— Экие вы! Да я и не стану близко стрелять. Целюсь я в тетерку, что сидит на дереве верст за тысячу отсюда. Вот такая стрельба по мне.

— Садись с нами, полетим вместе!

Сел и Стреляло, и полетели все они дальше. Летели они, летели и видят: идет человек, несет за спиною большущий мешок хлеба.

— Здорово, дядюшка! Куда идешь?

— Иду добывать хлеба себе на обед.

— На что тебе еще хлеб? У тебя и так полон мешок!

— Что тут! Этот хлеб мне в рот положить да

проглотить. А чтобы досыта наестся, мне надобно сто раз по столько!

— Ишь ты какой! Садись к нам в корабль, полетим вместе.

Сел и Обьедало на корабль, полетели они дальше.

Над лесами летят, над полями летят, над реками летят, над селами да деревнями летят.

Глядь: ходит человек возле большого озера, головой качает.

— Здорово, дядюшка! Что это ты ищешь?

— Пить хочется, вот и ищу, где бы напиться.

— Да перед тобой целое озеро. Пей в свое удовольствие!

— Да этой воды мне всего на один глоточек станет.

Подивился дурень, подивились его товарищи и говорят:

— Ну, не горюй, найдется для тебя вода. Садись с нами на корабль, полетим далеко, будет для тебя много воды!

Опивало сел в корабль, и полетели они дальше.

Сколько летели — неведомо, только видят: идет человек в лес, а за плечами у него вязанка хвороста.

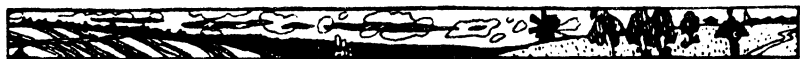
— Здорово, дядюшка! Скажи ты нам: зачем это ты в лес хворост тащишь?

— А это не простой хворост. Коли разбросать его, тотчас целое войско появится.

— Садись, дядюшка, с нами!

И этот сел к ним. Полетели они дальше.

Летели-летели, глядь: идет старик, несет куль соломы.

— Здорово, дедушка, седая головушка! Куда это ты солому несешь?

— В село.

— А разве в селе мало соломы?

— Соломы много, а такой нету.

— Какая же она у тебя?

— А вот какая: стоит мне разбросать ее в жаркое лето — и станет враз холодно: снег выпадет, мороз затрещит.

— Коли так, правда твоя: в селе такой соломы не найдешь. Садись с нами!

Холодило взобрался со своим кулем в корабль, и полетели они дальше.

Летели-летели и прилетели к царскому двору.

Царь в ту пору за обедом сидел. Увидел он летучий корабль и послал своих слуг:

— Ступайте спросите: кто на том корабле прилетел — какие заморские царевичи и королевичи?

Слуги подбежали к кораблю и видят — сидят на корабле простые мужики.

Не стали царские слуги и спрашивать у них: кто таковы и откуда прилетели. Воротились и доложили царю:

— Так и так! Нет на корабле ни одного царевича, нет ни одного королевича, а все черная кость — мужики простые. Что прикажешь с ними делать?

«За простого мужика нам дочку выдавать зазорно, — думает царь. — Надобно от таких женихов избавиться».

Спросил он у своих придворных — князей да бояр:

— Что нам теперь делать, как быть?

Они и присоветовали:

— Надо жениху задавать разные трудные задачи, авось он их и не разгадает. Тогда мы ему от ворот поворот и покажем!

Обрадовался царь, сейчас же послал слуг к дурню с таким приказом:

— Пусть жених достанет нам, пока наш царский обед не кончится, живой и мертвой воды!

Задумался дурень:

— Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды.

— А я на что? — говорит Скороход. — Мигом за тебя справлюсь.

Отвязал он ногу от уха и побежал за тридцать земель в тридесятое царство. Набрал два кувшина воды живой и мертвой, а сам думает: «Времени впереди много осталось, дай-ка малость посижу — успею к сроку возвратиться!»

Присел под густым развесистым дубом, да и задремал...

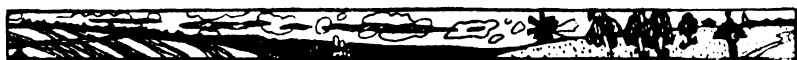
Царский обед к концу подходит, а Скорохода нет как нет.

Загоревали все на летучем корабле — не знают, что и делать. А Слухало приник ухом к сырой земле, прислушался и говорит:

— Экой сонливый да дремливый! Спит себе под деревом, храпит вовсю!

— А вот я его сейчас разбужу! — говорит Стреляло.

Схватил он свое ружье, прицелился и выстрелил в дуб, под которым Скороход спал. Посыпались с дуба желуди — прямо на голову Скороходу. Проснулся тот.

— Батюшки, да, никак, я заснул!

Вскочил он и в ту же минуту принес кувшины с водой:

— Получайте!

Встал царь из-за стола, глянул на кувшины и говорит:

— А может, эта вода не настоящая?

Поймали петуха, оторвали ему голову и sprysнули мертвой водой. Голова вмиг приросла. Sprysнули живой водой — петух на ноги вскочил, крыльями захлопал, «ку-ка-реку!» закричал.

Досадно стало царю.

— Ну, — говорит он дурню, — эту мою задачу ты выполнил. Задам теперь другую! Коли ты такой ловкий, съешь со своими сватами за один присест двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печах испечено!

Опечалился дурень, говорит своим товарищам:

— Да я и одного хлеба за целый день не съем!

— А я на что? — говорит Обьедало. — Я и с быками и с хлебами их один управлюсь. Еще мало будет!

Велел дурень сказать царю:

— Тащите быков и хлебы. Будем есть!

Привезли двенадцать быков жареных да столько хлебов, сколько в сорока печах испечено.

Обьедало давай быков поедать — одного за

другим. А хлебы так в рот и мечет, каравай за караваем. Все возы опустели.

— Давайте еще! — кричит Обьедало. — Почему так мало припасли? Я только во вкус вошел!

А у царя больше ни быков, ни хлебов нет.

— Теперь, — говорит он, — новый вам приказ: чтобы выпито было зараз сорок бочек пива, каждая бочка по сорок ведер.

— Да я и одного ведра не выпью, — говорит дурень своим сватам.

— Эка печаль! — отвечает Опивало. — Да я один все у них пиво выпью, еще мало будет!

Прикатали сорок бочек-сороковок. Стали черпать пиво ведрами да подавать Опивале. Он как глотнет — ведро и пусто.

— Что это вы мне ведрами подносите? — говорит Опивало. — Этак мы целый день проканителмся!

Поднял он бочку да и опорожнил ее зараз, без роздыху. Поднял другую бочку — и та пустая откатилась. Так все сорок бочек и осушил.

— Нет ли, — спрашивает, — еще пивца? Не вволю я напился! Не промочил горло!

Видит царь: ничем дурня нельзя взять. Решил погубить его хитростью.

— Ладно, — говорит, — выдам я за тебя свою дочку, готовься к венцу! Только перед свадьбой сходи в баню, вымойся-выпарься хорошенько.

И приказал топить баню.

А баня-то была вся чугунная.

Трое суток баню топили, докрасна раскалили. Огнем-жаром от нее пышет, за пять саженей к ней не подойти.

— Как буду мыться? — говорит дурень. — Сгорю заживо.

— Не печалься, — отвечает Холодило. — Я с тобой пойду!

Побежал он к царю, спрашивает:

— Не разрешите ли и мне с женихом в баню сходить? Я ему соломки подстелю, чтобы он пятки не испачкал!

Царю что? Он дозволил: «Что один сгорит, что оба!»

Привели дурня с Холодилой в баню, заперли там.

А Холодило разбросал в бане солому — и стало холодно, стены инеем подернулись, в чугунах вода замерзла.

Сколько-то времени прошло, отворили слуги дверь. Смотрят, а дурень жив-здоров, и старичок тоже.

— Эх, вы, — говорит дурень, — да в вашей бане не париться, а разве на салазках кататься!

Побежали слуги к царю. Доложили: так, мол, и так. Заметался царь, не знает, что и делать, как от дурня избавиться.

Думал-думал и приказал ему:

— Выстави поутру перед моим дворцом целый полк солдат. Выставишь — выдам за тебя дочку. Не выставишь — вон прогоню!

А у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он выполнить не сможет. Тут-то мы его и выгоним в шею!»

Услышал дурень царский приказ — говорит своим сватам:

— Выручали вы меня, братцы, из беды не раз и не два... А теперь что делать будем?

— Эх, ты, нашел о чем печалиться! — говорит старичок с хвостом. — Да я хоть семь полков с генералами выставлю! Ступай к царю, скажи — будет ему войско!

Пришел дурень к царю.

— Выполню, — говорит, — твой приказ, только в последний раз. А если отговариваться будешь — на себя пеняй!

Рано поутру старик с хвостом кликнул дурня и вышел с ним в поле. Раскидал он вязанку, и появилось несметное войско — и пешее, и конное, и с пушками. Трубаچی в трубы трубят, барабанщики в барабаны бьют, генералы команды подают, кони в землю копытами бьют...

Дурень впереди стал, к царскому двору войско повел. Остановился перед дворцом, приказал громче в трубы трубить, сильнее в барабаны бить.

Услышал царь, выглянул в окошко, от испугу белее полотна стал. Приказал он воеводам свое войско выводить, на дурня войной идти.

Вывели воеводы царское войско, стали в дурня стрелять да палить. А дурневы солдаты стеной идут, царское войско мнут, как траву. Напугались воеводы и побежали вспять, а за ними вслед и все царское войско.

Вылез царь из дворца, на коленках перед дурнем ползает, просит дорогие подарки принять да с царевной скорее венчаться.

Говорит дурень царю:

— Теперь ты нам не указчик! У нас свой разум есть!

Прогнал он царя прочь и не велел никогда в то царство возвращаться. А сам на царевне женился.

— Царевна — девка молодая да добрая. На ней никакой вины нет!

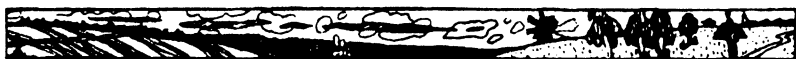
И стал он в том царстве жить, всякие дела вершить.

Сивко-Бурко, вещий Каурко

Как подумаешь: куда дивен Божий свет! Живут в нем довольные и празднуют; живут горе-мычные — и трудятся; живут богатые — через золото слезы льют; живут бедные — и радуются... Каждому своя доля.

В царских палатах, в золотых чертогах жила Милолика-царевна. Какое ей было житье, какое приволье! Всего много, ни в чем отказа нет, а она всем недовольна, от всего отворачивается. Какие за Милолику-царевну женихи сватались! И цари, и царевичи, и короли, и королевичи, и князья, и бояре, и дворяне, и сильномогучие богатыри — всем отказ, поворот от ворот. Уж и царь-отец стал на ее спесивость обижаться: «Каких тебе еще женихов надо?» «Прикажи, государь батюшка, поставить против дворца высокий терем в двадцать венцов до окна косячатого; в том окне

я сяду, и кто на коне с разлету снимет у меня с руки мое заветное колечко — за того молодца я и замуж выйду». — «Хорошо, дочь моя любезная, будь по-твоему; только смотри: от слова не отказывайся!..»

А в том царстве жил тогда старый старик, у которого было трое сыновей. Старшие — молодцы, рослые, дородные; а младший, Ваня, — гораздо поплосше: так, недоросточек, словно оципанный утенок. Вот как пришло время помирать старику, говорит он сыновьям: «Сыновья мои любезные, как умру я, вы приходите поочередно на мою могилу по одной ночи переночевать». «Хорошо, батюшка».

Только умер отец и похоронили его, как пришла от царя весть, что Милолика-царевна за того замуж выйдет, кто снимет у нее с руки заветное колечко, перескочивши на коне с разлету через двадцать венцов... Всполошился весь молодой народ: облизывается, почесывается, раздумывает, кому такая честь будет. Братья об отцовском завете и думать забыли: коней объезжают, кудри завивают... «Кто ж на отцовскую могилу ночевать нынче пойдет?» — спрашивает Ваня. «А кого охота берет, тот пусть и идет! Нам не до того, надо добиться своего», — отвечают братья. Сами заломили шапки, вскочили на коней, гикнули, свистнули, полетели-понеслись, загуляли в чистом поле...

Пошел Ваня на отцовскую могилку. В самую полночь раскрылась могила, встал из нее отец, стряхнул с чела сыру землю и спрашивает: «Кто на моей могиле? Ты, старший сынок?» «Нет, ба-

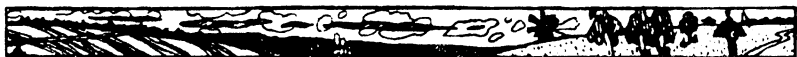
тюшка, это я, младший сын, Ваня». — «Сиди, мое дитятко, Господь с тобою!» И закрылась опять темная могила. Перебыл Ваня ночь, утром пришел домой и говорит братьям: «Выходил ко мне сегодня ночью батюшка из могилы и благословил меня. Теперь ваша очередь идти; кто пойдет?» А братья ему: «Кто охоч, тот и ступай, а нам не мешай».

Опять пошел Ваня на отцовскую могилку. В полночь раскрылась могила, встал из нее старик отец, стряхнул с чела сыру землю и спрашивает: «Кто здесь? Ты, средний сынок?» «Нет, батюшка, опять я, Ваня». — «Ну, благослови тебя Бог, дитятко!» И закрылась темная могила.

На третью ночь пошел Ваня на могилку в свою очередь. В полночь раскрылась могила, встал-поднялся из нее отец: «Опять ты здесь, Ванюшка?» «Я, батюшка». — «Благослови тебя Бог, дитятко, за то, что отцовского завета слушаешься, и я тебя награжу». Вытянулся старик, выпрямился, свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком: «Сивко-Бурко, вещий Каурко! Стань передо мной, как лист перед травой!..» Конь бежит — земля дрожит, из очей искры сыпятся, из ноздрей дым столбом валит... Огладил-поласкал его старик: «Прощай, слуга мой верный! Служи этому моему сынку, как мне служил». И скрылся отец в могиле на веки вечные.

Отпустил Ваня коня гулять в зеленые луга, а сам домой пошел. Дома братья к царю на испытанье собираются: усы закрутили, шапки заломили, бодрятся, охорашиваются. «Ну, мы поедем

Милолику-царевну добывать, а ты, Ванюшка, дома сиди, по хозяйству гляди. Куда уж тебе, убогому, с нами!» Как уехали братья, Ваня вышел за околицу и крикнул громким голосом: «Сивко-Бурко, вещий Каурко! Стань передо мной, как лист перед травой!» Прибежал конь и стал перед ним, словно вкопанный. Ваня в правое ушко ему влез, в левое вылез, наелся, напился, в богатое платье нарядился, стал таким молодцом, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Вскочил на коня — рукой махнул, ногой толкнул и понесся; его конь бежит — земля дрожит, высокие горы хвостом застилает, глубокие доли под собой пропускает...

Кипит народ у царских ворот: едут со всех сторон и царевичи, и королевичи, и князья, и бояре, и дворяне... Все свою удаль пробуют: борзых коней разгоняют, через двадцать венцов прыгать заставляют. Только куда! Выше третьего венца никто не достал. Вдруг словно ясный сокол прилетел в воронью стаю — примчался неведомый молодец; размахнулся, скакнул — только двух венцов не достал. Повернул коня — и был таков: видели, откуда приехал; не видали, куда уехал...

Братья домой вернулись, Ване рассказывают: «Ну, видели мы чудо, видели диво: об таком молодце и не слыхано, этакой красоты и не видно — словно, вот солнцем все поле осветило, как он выехал... Завтра опять царь назначил всем приезжать. Коли этот молодец опять выедет — достанет он Милолику-царевну!...» А Ваня только усмехается.

На другое утро, лишь братья уехали, вышел

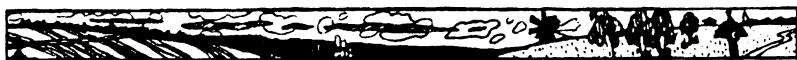

Ваня в чистое поле, свистнул, крикнул: «Сивко-Бурко, вещий Каурко! Стань передо мной, как лист перед травой!» Прибежал дивный конь и стал перед ним, словно вкопанный. Ваня в одно ушко ему влез, в другое вылез — стал красавцем-молодцом и помчался к царскому терему. Подскакавши, разогнал коня — полетел конь, словно птица: чуть-чуть не достал молодец Милолики-царевны. Весь народ так и ахнул. «Кто такой неведомый молодец? Держи, лови!» А он повернул коня и улетел, словно из лука стрела...

На третий день позвал Ваня своего коня из чиста поля, стал перед ним конь, словно вкопанный. Клал он на коня седельце золотое черкасское с стремянами булатными; подтянул двенадцать подпруг шелковых — не для басы-красы, ради крепости: шелк не рвется, булат не трется, аравитское золото не ржавеет... Он бил коня по крутым бедрам; под ним конь възъяряется, прочь от земли подымается, несет седока выше леса стоячего, только ниже облака ходячего. Подскакал к высокому терему — все двадцать венцов перелетел и умчался, у народа с глаз пропал. Только-только успел Ваня на лету у царевны заветное колечко выхватить да себе на палец надеть.

Приехал Ваня домой, сидит, братьев дожидается, будто нигде и не был. Вернулись братья, рассказывают: «Нынче тот самый молодец перескочил все двадцать венцов и кольцо у царевны выхватил. Приказал царь, чтоб из всего царства весь молодой народ к нему завтра на пир соби-рался: хочет молодца узнать, потому что, если он царевнино кольцо надел, так уж снять его с паль-

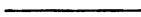

ца нельзя». «Стало быть, братцы, — говорит Ваня, — и мне ехать надо?» «Ну, ты хоть и не езд; чего тебе там делать, убогому!» — «Нет, уж если царь приказывает, и я на пир пойду».

На другой день опять кипит народ у царских ворот. Собралось молодцов — и глазом не окинешь. Приехали старшие братья, пришел и Ваня пешочком, тихо, смирно, словно он никогда царя с царевной и не видывал. Начались пиры, полились меды... Сам царь с царевною гостей обходит. Всякого гостя царевна из своих рук угощает, всякому чару наливает: не окажется ли у кого на руке ее заветного колечка. Все столы обошли, между боярами, между генералами перебрали — ни на ком того колечка не заметили. Ваня сидит в уголке, улыбается; а царевна к нему-то подойти и не догадается. Наконец повернулась и к нему, к последнему, подошла. Взял Ваня чару в правую руку — так и осветились все палаты от царевниного колечка.

Нечего делать: нельзя царевне от своего слова отказаться, вышла она замуж за Ваню. Тогда и старшие его братья узнали, что значит отцовского завета слушаться...

Было у царя, кроме царевны Милолики, еще две старших дочери, обе уже замужние. Старшая — за королевичем, средняя — за княжевичем. Вот раз призывает к себе царь своих старших зятьев и говорит: «Зятья мои милые, зятья любезные! Донесли мне, будто есть на краю моей земли озеро, а на том озере плавает уточка — зо-

лотые перышки с двенадцатью золотыми утятами. Сослужите мне службу: добудьте ту уточку. Надо мной соседние короли смеются, что я в своем царстве такого чуда не ведаю. Коли добудете — я вам при жизни полцарства отдам».

Оседлали старшие зятя своих добрых коней и поехали добывать для тестя уточку — золотые перышки. Вскорости говорит Ваня, младший царский зять, своей жене: «Любезная супруга, Милолика-царевна! Пойди попроси у твоего батюшки мне какого-нибудь коня: поеду и я добывать уточку — золотые перышки». Пошла Милолика-царевна, попросила, а царь ей отвечает: «Ну, куда твоему мужу ехать! Коли старшие зятя утки не добудут — ему и подавно ее не достать. Ну а коли хочет — пусть едет; дам ему старую водовозку: для такого богатыря и кляча сойдет».

Сел Ваня верхом на хромую водовозку, выехал в поле и крикнул: «Эй, слуга мой верный, Сивко-Бурко, вещий Каурко! Стань передо мной, как лист перед травой!..» И стал перед Ваней конь, словно вкопанный. Ваня в одно ушко ему влез, в другое вылез, стал молодцем-красавцем и говорит своему коню: «Слушай, верный мой слуга, надо мне достать уточку — золотые перышки с двенадцатью золотыми утятами. Помоги!» Отвечает ему вещий Каурко человеческим голосом: «Садись на меня, хозяин, поедем добывать то, что тебе надобно».

И помчался Сивко-Бурко, вещий Каурко; полетел конь выше леса стоячего, чуть ниже облака ходячего; высоки горы конь хвостом застилает,

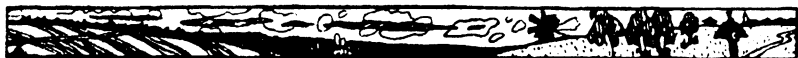
глубоки доли под собой пропускает... Долго ли, коротко ли — привез седока к широкому озеру и говорит: «Сплети, хозяин, из моей гривы сеть; в ту сеть только и можно поймать уточку — золотые перышки, как выплывет она на озеро».

Добыл Ваня утку — золотые перышки с двенадцатью утятами и поехал домой. По дороге в чистом поле раскинул он шатер; сам в шатре сидит, возле уточка на привязи ходит. А старшие царевы зятя ездили-ездили, уточки не нашли; стали уж домой ворочаться да и наехали на шатер. Остановились они и спрашивают: «Кто в шатре, кто в шелковом? Коли стар старичок — будь нам дедушка, коли средних лет — будь нам дядюшка!» Отвечает Ваня: «В вашу пору — братец вам». «Не продашь ли, братец, уточку с утятами?» — «Непродажная уточка, заветная...» — «А каков завет?» — «Отрежьте по пальцу с ноги, тогда даром отдам». Зятя, чтоб тестю прислужиться, отрезали себе по мизинцу с ноги и отдали их Ване за уточку.

Зятя домой воротились, перед тестем хвалились: «Ездили мы за уткой на самый край земли, за болота зыбучие, за горы толкучие. Семиглавого змея победили, с бою у него утку отбили...» А Ваня пришел себе пешочком, сел в уголочек, тихо, смирно — точно он и знать ничего не знает.

Недолго спустя, призывает к себе царь старших зятьев и говорит: «Зятя мои любезные, храбрые витязи! Прослышал я, будто в моем царстве есть где-то в дремучих лесах свинка — золотая щетинка с двенадцатью поросятами. Добудьте — отдам вам при жизни полцарства».

Сели зятя на своих добрых коней и поехали куда глаза глядят. И Ваня тоже задумал ехать — свинку добывать: послал жену к царю, чтоб выпросила она ему лошадь. Говорит царь дочери: «И чего твой заморыш за людьми тянется — только лошадей у меня изводит!.. Ну да ладно уж: пусть возьмет со двора еще одну хромую водовозку».

Ваня на водовозку взмогился, прутиком ее погоняет; кляча брыкает, хвостом вертит, а с места не едет — всему народу на потеху. Только Милолике-царевне не до смеху: увидавши в окно своего мужа, спряталась царевна в темный чулан и проплакала весь день от стыда.

А Ваня выбрался кое-как на своей кляче в чистое поле, слез с нее и крикнул громким голосом: «Сивко-Бурко, вещий Каурко! Стань передо мной, как лист перед травой!..» Откуда ни возмись, примчался конь; Ваня сел на него и поехал добывать свинку — золотую щетинку с двенадцатью золотыми поросятами.

Старшие зятя, попусту проездивши, домой ворочаются. И видят: на зеленом лугу палатка раскинута, а около нее ходит свинка — золотая щетинка с двенадцатью поросятами. «Что ни дать, а надо купить! — говорят зятя друг другу. — Продашь, молодец, свинку с поросятами?» «Не продажные они, а заветные». — «А каков завет?» — «По мизинцу с руки...» «Что ж, — подумали зятя, — полцарства дороже мизинца стоит; будем в перчатках ходить». Отрезали себе мизинцы, отдали их Ване, а от него взяли свинку с поросятами.

Ваня мизинцы спрятал и пошел домой пешочком, смирно, потихоньку, точно и знать ничего не знает... А в царском дворце зятя величают, хвастаются, тестю рассказывают, как они весь свет объездили, трех неверных султанов победили, двух семиглавых змеев убили — все из-за свинки — золотой щетинки с двенадцатью поросятами.

Тесть-царь их похвалил, наградил, а на Ваню и взглянуть не захотел...

Вскоре после того опять зовет царь своих старших зятьев и говорит им: «Зятя мои милые, зятя мои любимые, храбрые витязи! Сослужите мне последнюю службу: прослышал я, будто пasetся на моих лугах златогривая кобылица — что шерстинка, то серебринка — с двенадцатью жеребятами. Добудьте мне ее: я вам при жизни полцарства отдам».

Зятя сели на своих борзых коней и поехали разыскивать не кобылицу златогривую, а того молодца, что променял им уточку — золотые перышки и свинку — золотую щетинку. «Нет ли у него, — думают, — и кобылицы златогривой...»

Стал и Ваня посылать свою жену к тестю себе за лошадью. Милолика-царевна отказывается: «Нечего тебе, Ваня, и ездить: только народ смешишь, меня стыдишь — а толку нет». Отвечает Ваня Милолике-царевне: «Не надо мной народ смеется, а над теми водовозками, что мне тестюшка жаловал. Не стыдись за меня — погоди до времени: будешь мной хвалиться. Иди-ка к батюшке».

Рассердился царь, когда Милолика-царевна стала просить у него коня, чтоб ее мужу ехать за кобылицей златогривой; прогнал ее с глаз долой:

«Ступай к своему шуту-мужу! И слышать об нем не хочу: только срамит он меня!»

Пошел Ваня пешком в чистое поле, свистнул молодецким посвистом, крикнул-гаркнул громким голосом: «Эй, мой Сивко-Бурко, вещий Каурко! Стань передо мной, как лист перед травой!» Конь бежит — земля дрожит, из очей искры сыпятся, из ноздрей дым столбом валит... Прибежал и остановился перед Ваней, словно вкопанный. Ваня в одно ушко ему влез, в другое вылез — стал таким молодцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать... И говорит Ваня своему коню: «Хочет царь-тесть добыть кобылицу златогривую — что шерстинка, то серебринка — с двенадцатью жеребятами. Помоги ее мне достать, слуга мой верный». Отвечает ему вещий конь человеческим голосом:

«Сослужил я тебе, хозяин, две службы — те службы были ребячьи, а вот эта задача настоящая... Повезу я тебя в зеленые луга, где пасется та страшная кобылица; только наперед заготовь ты три прута железных, три медных да три оловянных. Кинется за мной кобылица, чтоб меня ногами растоптать, зубами разорвать, и будет гнать за нами три дня, три ночи. Как станет она меня догонять — тут ты и меня и себя от злой смерти выручай: оборачивайся живо да бей ее раз всеми прутьями промежду ушей. Хорошо ударишь — она на колени падет; а ты смотри, не давай ей опаматоваться: вскочи на нее верхом и держись крепко-накрепко. Станет тебя кобылица носить по долам, по горам, по бездонным пропастям — ты не плошай: держись крепче да бей ее

промежду ушей без отдыха; сломаешь прутья железные — бери медные; изорвешь медные — бери оловянные... Может, и удастся тогда тебе покорить златогривую кобылицу».

Клал Ваня на своего коня седельце черкасское с стремянами булатными, подтянул двенадцать подпруг шелковых пряжками красна золота — не для басы-красы, ради крепости: шемаханский шелк не рвется, булат не трется, аравитское золото не ржавеет... Он сел на добра коня, под ним конь возъяряется, прочь от земли поднимается, несет выше леса стоячего, чуть пониже облака ходячего...

Долго ли, коротко ли — едут старшие зятя домой, не разыскавши кобылицы. Глядь: под самым царским стольным городом, на зеленом лугу, раскинута палатка; а около той палатки пасется кобылица златогривая — что шерстинка, то серебринка — с двенадцатью жеребятами. Подъехали зятя к палатке и спрашивают: «Кто в шатре, кто в шелковом? Отзовись! Коли стар старичок — будь нам дедушка; коли средних лет — будь нам дядюшка». Отзывается Ваня: «В вашу пору — братец вам». «Не продашь ли, братец, кобылицу с жеребятами?» — «Не продажная она, братцы, а заветная». — «А каков завет?» — «По левому уху отрезать, да мне отдать...» Жались-жались царские зятя. «Ну, ничего, — думают, — полцарства дороже стоит! Будем ухо волосами закрывать». Отрезали себе по левому уху, отдали их Ване, а себе забрали кобылицу с жеребятами.

В царском дворце идет пир на весь мир. Царь своих старших зятев угощает, собирается их пол-

царством наградить за то, что добыли они ему кобылицу златогривую — что шерстинка, то серебрянка — с двенадцатью жеребятами, всю землю за ней проехавши, трех девятиглавых змеев победивши... Вдруг растворились двери белокаменных палат, и вошел Ваня, младший царский зять. Клад Ваня поклон на все четыре стороны — царю-тестю в особицу, — говорил Ваня таковы слова: «Государь тесть-батюшка! Чествуешь ты, награждаешь твоих старших зятьев, а меня-то ничем не пожадуешь!» «За что тебя, заморыша, жаловать? — говорит тесть-царь. — Неужели за то, что ты у меня двух лошадей извел да меня перед народом срамил». Отвечает Ваня, младший царский зять: «Я добыл и уточку — золотые перышки, и свинку — золотую щетинку, и кобылицу златогривую, а старшие твои зятья только их у меня купили». Вынул Ваня из кармана два пальца с ног, два мизинца с рук да два уха. «Вот, — говорит, — пальцы с ног — за уточку — золотые перышки; вот мизинцы с рук — за свинку — золотую щетинку; вот уши — за кобылицу златогривую. Прикажи, государь, старшим зятьям сапоги да перчатки снять и волосы с ушей откинуть». Глянул царь — не хватает у его старших зятьев по пальцу на ноге, по мизинцу на руке и по левому уху...

Только приставил их Ваня на места — они и приросли, точно отрезаны не были.

Нечего делать: пришлось старшим зятьям признаться, что ни султанов они не воевали, ни змеев не побивали, а что так дело было, как Ваня рассказывает.

Повел тогда Ваня царя-тестя с дочерьми и с

зятьями в чистое поле. Свистнул-гаркнул: «Сивко-Бурко, вещий Каурко! Стань передо мной, как лист перед травой!» Конь бежит — земля дрожит, из очей искры сыпятся, из ноздрей дым столбом валит — и остановился перед хозяином, словно вкопанный... Ваня коню в одно ушко влез, в другое вылез — и стал таким молодцем-красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Все сразу узнали в нем того витязя, который через двадцать венцов доставал от Милолики-царевны ее перстень. Брала мужа царевна за белые руки, целовала в уста и спрашивала:

«Ты скажи, поведай мне, богоданный муж: почему ты нам сразу в своем настоящем виде не показался; зачем скрывал свое молодечество?» Отвечал жене Ваня: «А затем, Милолика-царевна, что была ты больно горда да разборчива, пока за меня замуж поневоле не вышла; затем, чтобы ты через меня, твоего мужа, смиренью научилась».

С того времени стал Ваня жить со своей женой по-царски: ездил в коляске, пиры задавал. На тех пирах и я был, мед-пиво пивал, сколько ни пил — только усы намочил.

Царевна-лягушка

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь с царицей; у них было три сына, удальцы такие, что ни в сказке сказать, ни

пером описать. Младшего звали Иван-царевич. Как стали сыновья на возрасте, собрал их царь и говорит:

— Вот что, сынки, пора вам жениться, возьмите каждый по стреле, выходите в чистое поле, натяните тугие луки и стреляйте в разные стороны. Куда чья стрела упадет, там и ищите себе жену.

Стрела старшего брата упала на боярский двор, подняла ее боярская дочь и подала царевичу. Стрела среднего брата полетела на широкий купеческий двор, подала ему стрелу молодая дочь купеческая. Пустил свою стрелу младший брат — улетела стрела никто не знает куда.

Вот он шел-шел, дошел до грязного болота и видит, сидит на кочке лягушка-квакушка и его стрелу держит.

Воротился Иван-царевич к отцу и говорит ему:

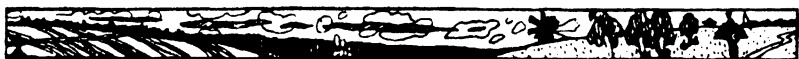
— Что мне делать? Нельзя же мне лягушку за себя взять! Век жить — не поле перейти. Лягушка не ровня мне.

— Бери! — отвечает ему царь. — Знать, судьба твоя такая.

Вот поженились царевичи: старший на боярышне, средний на купеческой дочери, а Иван-царевич на лягушке-квакушке. Много ли, мало ли времени проходит, призывает их царь и приказывает:

— А ну-ка, которая из невесток хозяйничает лучше всех. Чтобы жены ваши испекли мне к завтраму по мягкому белому хлебу.

Воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Что закручинился? — спрашивает его лягушка. — Аль услышал от отца своего слово неприветливое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка приказал тебе к завтраму изготовить мягкий белый хлеб.

— Не тужи, царевич, не горюй! Ложись-ка спать-почивать, утро вечера мудренее!

Уложила царевича спать да сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась девицей-красавицей, Василисой Премудрою, вышла на красное крыльцо, ударила в ладоши и закричала громким голосом:

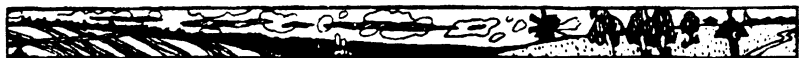
— Мамки, няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь, испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой по праздникам едала я у моего родного батюшки.

Наутро проснулся Иван-царевич, у квакушки хлеб давно готов — пышный, румяный и такой красоты, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен хлеб разными хитростями, выведены сверху города и с заставами. Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в полотенце и понес к отцу. Принесли свои хлебы и другие сыновья.

Царь сперва принял хлеб от старшего сына, посмотрел-посмотрел и отослал на кухню. Принял от среднего сына и отослал туда же. Подал свой хлеб Иван-царевич, а царь и говорит:

— Вот это хлеб так хлеб, его только в празд-

ник есть! — и приказал подать его к царскому столу.

После того царь сказал сыновьям:

— Хочу теперь посмотреть, которая из невесток лучше всех рукодельничает. Чтобы жены ваши соткали мне за единую ночь по коври.

Воротился домой Иван-царевич невесел, опять ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Что закручинился? Аль царю-батюшке мой хлеб не по нраву пришелся, аль услышал от него слово жесткое, неприветливое?

— Как мне не кручиниться, как не печалиться? Государь мой батюшка за хлеб велел благодарить, да еще приказал тебе за единую только ночь соткать ему шелковый ковер.

— Не тужи, царевич, не горюй! Ложись-ка спать, сам увидишь, что утро вечера мудренее!

Уложила его спать, а сама сбросила лягушечью кожу и обернулась девицей-красавицей, Василисою Премудрой, вышла на красное крыльцо, ударила в ладоши и закричала громким голосом:

— Мамки, няньки! Собирайтесь, снаряжайтесь шелковый ковер ткать — чтоб таков был, на каком сиживала я у моего родного батюшки!

Наутро проснулся Иван-царевич, лягушка по полу скачет, а ковер у нее давно готов — и такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать! Изукрашен ковер златом-серебром, вышито на нем все царство, с городами и деревнями, с горами и лесами, с реками и озерами. Обрадовался Иван-царевич, взял ковер и понес к

отцу. В это время принесли ковры и другие сыновья.

Старший царевич протянул свой ковер, царь велел принять его, посмотрел и сказал:

— Благодарствуй, пригодится у порога постелить!

Тут подал свой ковер средний царевич. Царь принять повелел, потрогал его и сказал:

— Об этот ковер хорошо ноги вытирать!

Как развернул свой ковер Иван-царевич, все так и ахнули. Царь сам принял его, загляделся, а потом приказ отдал:

— Постелить этот ковер перед моим царским тронем!

И приказал царь своим сыновьям, чтобы завтра же явились к нему на пир вместе со своими женами. Опять воротился Иван-царевич невесел, ниже плеч буйну голову повесил.

— Ква-ква, Иван-царевич! Что закручинился? Али от отца услышал слово не приветливое?

— Как мне не кручиниться? Государь мой батюшка велел, чтобы я с тобой к нему на пир приходил. Как я тебя в люди покажу!

— Не тужи, царевич! Ступай один к царю, а я вслед за тобой буду, как услышишь стук да гром, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет!»

Вот старшие братья явились к царю со своими женами, разодетыми, разубранными, стоят да над Иваном-царевичем смеются:

— Что ж ты без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес! И где ты такую красавицу выискал? Чай все болота исходил?

Вдруг поднялся великий стук да гром — весь дворец затрясся. Гости испугались, повскакивали с мест, а Иван-царевич говорит:

— Не бойтесь, честные гости! Это моя лягушонка в коробчонке приехала.

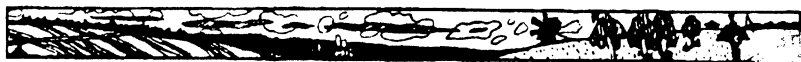
Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета, в шесть лошадей запряжена, и вышла оттуда Василиса Премудрая — такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Взяла Ивана-царевича за руку и повела за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть-пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила, закусила лебедем да косточки за правый рукав спрятала. Жены старших царевичей увидали ее хитрости и давай то же делать. Попили-поели, пришел черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и в пляс пошла. Махнула левым рукавом — сделалось озеро, махнула правым и поплыли по воде белые лебеди. Царь и гости диву дались. А старшие невестки пошли плясать, махнули левыми рукавами — гостей забрызгали, махнули правыми — кость царю прямо в глаз попала! Царь рассердился да и прогнал их.

Тем временем Иван-царевич улучил минуточку, побежал домой, нашел лягушечью кожу и спалил ее на большом огне. Приезжает Василиса Премудрая, хватилась — нет лягушечьей кожи, приуныла, запечалилась.

— Ох, Иван-царевич! Что же ты наделал? Если б ты немножко подождал, я бы навечно твоей стала, а теперь прощай! Ищи меня за тридевять

земель, в тридесятом царстве — у Кощея Бессмертного.

Обернулась белой лебедью и улетела в окно.

Иван-царевич горько заплакал, потом собрался, простился с отцом, с матерью и пошел куда глаза глядят. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — попадаетеся ему навстречу старый старичок.

— Здравствуй, — говорит, — добрый молодец! Чего ищешь, куда путь держишь?

Царевич рассказал ему свое несчастье.

— Эх, Иван-царевич! Зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе и снимать было! Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел три года лягушкою быть. Ну да я тебе помогу. Вот тебе клубок, куда он покатится — ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старика и пошел за клубочком. Идет частым полем, попадаетеся ему медведь. Нацелился в зверя Иван-царевич, а медведь и говорит человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Когда-нибудь пригожусь тебе.

Идет он дальше, глядь, а над ним летит селезень. Царевич прицелился из лука, хотел было его застрелить, как вдруг говорит селезень человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе когда-нибудь пригожусь.

Пожалел он его и пошел дальше. Бежит косой заяц. Царевич опять за лук, стал целиться, а заяц сказал ему человеческим голосом:

— Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе сам пригожусь.

Пожалел его царевич и пошел дальше — к синему морю, видит — на песке лежит, издыхает щука.

— Ах, Иван-царевич, — сказала щука, — сжался надо мною, пусти меня в море.

Он бросил ее в море и пошел берегом.

Долго ли, коротко ли — прикатился клубочек к маленькой избушке.

На самом берегу стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

Говорит Иван-царевич:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — ко мне передом, а к морю задом.

Избушка повернулась. Царевич взошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпиче лежит Баба-яга.

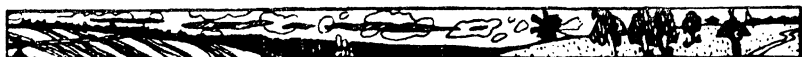
— Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал?

— Ты бы прежде меня, дорожного человека, накормила-напоила, в бане выпарила, да тогда бы и спрашивала.

Баба-яга накормила его, напоила, выпарила в бане. Тогда царевич рассказал ей, что ищет свою жену — Василису Премудрую.

— А, знаю! — сказала Баба-яга. — Она теперь у Кощея Бессмертного. Трудно ее достать, нелегко с Кощеем сладить. Ну уж так и быть, скажу я тебе, где спрятана смерть Кощеева. Смерть его на конце иглы, та игла в яйце, то яйцо в утке, та

утка в зайце, тот заяц в сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей, как свой глаз, бережет.

Указала Баба-яга, где растет этот дуб. Иван-царевич дошел до него и не знает, что ему делать, как сундук достать. Он и так и эдак пробовал его раскачать, нет, не поддается дуб.

Вдруг откуда ни возьмись прибежал медведь и выворотил дерево с корнем, сундук упал и разбился вдребезги. Из сундука выскочил заяц и во всю прыть бежать пустился.

Глядь — а за ним уж другой заяц гонится, нагнал, ухватил и в клочки разорвал.

Тут вылетела из зайца утка и поднялась высоко-высоко. А за ней селезень кинулся, как ударит ее, так из утки яйцо выпало прямо в синее море. Иван-царевич при такой беде сел на берегу и залился горькими слезами.

Вдруг подплывает к берегу щука и в зубах яйцо держит. Взял он то яйцо и пошел к Кощей-ву жилищу. Кощей, как увидел яйцо у него в руках, так весь и затрясся. А Иван-царевич зачал яйцо с руки на руку перекидывать. Он кидает, а Кощей-то бьется, мечется. Но сколько ни бился Кощей, сколько ни метался во все стороны, а когда разбил Иван-царевич яйцо, достал из него иглу, да отломил кончик, так и пришлось Кощею помереть. Тогда Иван-царевич пошел в Кошечьи палаты, взял Василису Премудрую и воротился с ней домой в свое государство. Царь на радостях устроил пир на весь мир. После того они жили вместе и долго и счастливо.

Хрустальная гора

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына.

Вот дети и говорят ему:

— Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Младший сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь, около этой падали собралось много всяких зверей, птиц и гадов.

Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

— Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить — не придумаем.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол. — За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридцатое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу:

— Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?

— Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью.

Стала просить царевна:

— Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали.

Подъезжают к хрустальной горе, вдруг, откуда ни возьмись, выскочила золотая коза.

Царевич погнал за ней; скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю:

— Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

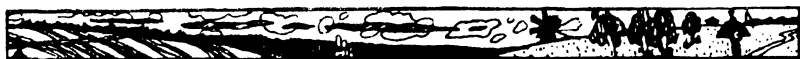
— Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитывай двенадцать коров.

Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах:

— Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сразаться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка, — говорит, — отгони мне трех коров.

— Не жирно ли будет? — отвечает царевич. — Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой.

— Что, дедушка, — спрашивает царь, — прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?

— Нет, ваше величество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

— Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов.

Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

— Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?

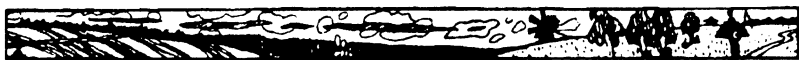
— Прилетать-то прилетал, но ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна.

— Здравствуй, — говорит Иван-царевич, — как ты сюда попала?

— Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на батюшкином озере. В том змее сундук тaitся, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те поры

можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

— Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

— Жирно будет! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко.

Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе — гора скоро растаяла.

Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу:

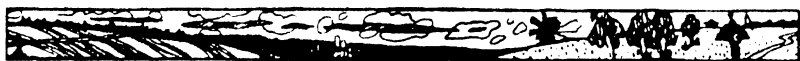
— Будь ты моим зятем!

Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

Заколдованная королева

В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его верную службу при-

казал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею.

Простился солдат с своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла, и другая, и третья — не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошадь, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой замок. «Ну-ка, — думает, — не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут — что-нибудь да заработаю».

Поворотил к замку, въехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошел. В палатах стол накрыт, на столе еда, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь, — думает, — и соснуть можно!»

Вдруг входит медведица:

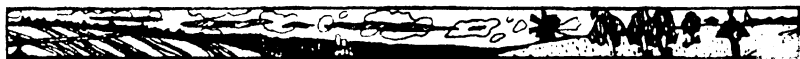
— Не бойся меня, добрый молодец, ты на добро сюда попал: я не лютая медведица, а красная девица — заколдованная королевна. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится — я сделаюсь по-прежнему королевною и выйду за тебя замуж.

Солдат согласился; медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше — тем сильнее.

На третьи сутки до того дошло, что решился солдат бросить все и бежать из замка; только как ни бился, как ни старался — не нашел выхода. Нечего делать, поневоле пришлось оставаться.

Переночевал и третью ночь; поутру является к

нему королева красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться. Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат об своей родной стороне, захотел туда побывать; королева стала его отговаривать:

— Оставайся, друг, не езди; чего тебе здесь не хватает?

Нет, не могла отговорить. Прощается она с мужем, дает ему мешочек — сполна семечком насыпан — и говорит:

— По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадет, там в ту же минуту деревья вырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать.

Сел добрый молодец на своего заслуженного коня и поехал в дорогу; где ни едет, по обеим сторонам семя бросает, и следом за ним леса поднимаются, так и ползут из сырой земли!

Едет день, другой, третий и увидал: в чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят, в карты поигрывают, а возле них котел висит; хоть огня и нет под котлом, а варево ключом кипит.

«Экое диво! — подумал солдат. — Огня не видать, а варево в котле так и бьет ключом; дай поближе взгляну». Своротил коня в сторону, подъезжает к купцам:

— Здравствуйте, господа честные!

А того и невдомек, что это не купцы, а все черти.

— Хороша ваша штука: котел без огня кипит! Да у меня лучше есть.

Вынул из мешка одно зернышко и бросил на-земь — в ту ж минуту выросло вековое дерево, на том дереве дорогие плоды красуются, разные птицы песни поют, заморские коты сказки сказывают.

Тотчас узнали его черти.

— Ах, — говорят меж собой, — да ведь это тот самый, что королевну избавил. Давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит.

Принялись его угощать и опоили волшебным зельем. Солдат упал на траву и заснул крепким, беспробудным сном, а купцы, караван и котел вмиг исчезли.

Вскоре после того вышла королевна в сад погулять; смотрит — на всех деревьях стали верхушки сохнуть. «Не к добру! — думает. — Видно, с мужем что худое приключилось! Три месяца прошло, пора бы ему и назад вернуться, а его нет как нету!»

Собралась королевна и поехала его разыскивать. Едет по той дороге, по какой и солдат путь держал, по обеим сторонам леса растут, и птицы поют, и заморские коты сказки мурлыкают.

Доезжает до того места, что деревьев не стало больше — извивается дорога по чистому полю, и думает: «Куда ж он девался? Не сквозь землю же провалился!» Глядь — стоит в сторонке такое же чудное дерево и лежит под ним ее милый друг.

Подбежала к нему и ну толкать-будить — нет, не просыпается; принялась щипать его, колоть

под бока булавками, колола, колола — он и боли не чувствует, точно мертвый лежит, не ворохнется. Рассердилась королевна и в сердцах проклятье промолвила:

— Чтоб тебя, соню негодного, буйным ветром подхватило, в неизвестные страны занесло!

Только успела вымолвить, как вдруг засвистали-зашумели ветры, и в один миг подхватило солдата буйным вихрем и унесло из глаз королевны.

Поздно одумалась королевна, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинехонька.

А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридешатое государство, и бросило на косе промеж двух морей; упал он на самый узенький клинышек: направо ли сонный оборотится, налево ли повернется — тотчас в море свалится, и поминай как звали!

Полгода проспал добрый молодец, ни пальцем не шевельнул; а как проснулся, сразу вскочил прямо на ноги, смотрит — с обеих сторон волны подымаются, и конца не видать морю широкому; стоит да в раздумье сам себя спрашивает: «Каким чудом я сюда попал? Кто меня затащил?»

Пошел по косе и вышел на остров; на том острове — гора высокая да крутая, верхушкою до облаков хватает, а на горе лежит большой камень. Подходит к этой горе и видит — три черта дерутся, клочья так и летят.

— Стойте, окаянные! За что вы деретесь?

— Да, вишь, третьего дня помер у нас отец, и остались после него три чудные вещи: ковер-са-

молет, сапоги-сороходы да шапка-невидимка, так мы поделить не можем.

— Эх вы! Из таких пустяков бой затеяли. Хотите, я вас разделю? Все будете довольны, никого не обижу.

— А ну, земляк, раздели, пожалуйста!

— Ладно! Бегите скорей по сосновым лесам, наберите смолы по сто пудов и несите сюда.

Черти бросились по сосновым лесам, набрали смолы триста пудов и принесли к солдату.

— Теперь притащите из пекла самый большой котел.

Черти приволокли большущий котел — бочек сорок войдет! — и покладали в него всю смолу.

Солдат развел огонь и, как только смола растаяла, приказал чертям тащить котел на гору и поливать ее сверху донизу. Черти мигом и это исполнили.

— Ну-ка, — говорит солдат, — пихните теперь вон тот камень; пусть он с горы катится, а вы трое за ним вдогонку приударьте. Кто прежде всех догонит, тот выбирай себе любую из трех дикувинок; кто второй догонит, тот из двух остальных бери, какая покажется; а затем последняя дикувинка пусть достанется третьему.

Черти пихнули камень, и покатился он с горы шибко-шибко; бросились все трое вдогонку. Вот один черт нагнал, ухватился за камень — камень тотчас повернулся, подворотил его под себя и вогнал в смолу. Нагнал другой черт, а потом и третий, и с ними то же самое! Прилипли крепко-накрепко к смоле.

Солдат взял под мышку сапоги-сороходы да

шапку-невидимку, сел на ковер-самолет и полетел искать свое царство.

Долго ли, коротко ли — прилетает к избушке; входит — в избушке сидит баба-яга — костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королевну?

— Не знаю, голубчик! Видом ее не видала, слыхом про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя средняя сестра, она знает больше моего; может, она тебе скажет.

Солдат сел на ковер-самолет и полетел; долго пришлось ему по белу свету странствовать. Захочется ли ему есть-пить, сейчас наденет на себя шапку-невидимку, спустится в какой-нибудь город, зайдет в лавки, наберет — чего только душа пожелает, на ковер — и летит дальше.

Прилетает к другой избушке, входит — там сидит баба-яга — костяная нога, старая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где найти мне прекрасную королевну?

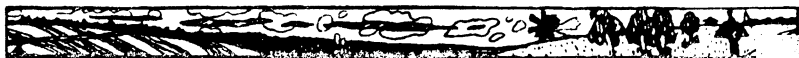
— Нет, голубчик, не знаю. Поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя старшая сестра; может, она ведает.

— Эх ты, старая! Сколько лет на свете живешь, все зубы повывалились, а доброго ничего не знаешь.

Сел на ковер-самолет и полетел к старшей сестре.

Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец прилетел на край

света; стоит избушка, а дальше никакого ходу нет — одна тьма крошечная, ничего не видать! «Ну, — думает, — коли здесь не добьюсь толку, больше лететь некуда!»

Входит в избушку — там сидит баба-яга — ко-
стяная нога, седая, беззубая.

— Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне ис-
кать мою королевну?

— Подожди немножко; вот я созову всех сво-
их ветров и у них спрошу. Ведь они по всему све-
ту дуют, так должны знать, где она теперь
проживает.

Вышла старуха на крыльцо, крикнула гром-
ким голосом, свистнула молодецким посвистом;
вдруг со всех сторон поднялись-повеяли ветры
буйные, только изба трясется!

— Тише, тише! — кричит баба-яга.

И как только собрались ветры, начала их
спрашивать:

— Ветры мои буйные, по всему свету вы дуете,
не видали ль где прекрасную королевну?

— Нет, нигде не видали! — отвечают ветры в
один голос.

— Да все ли вы налицо?

— Все, только южного ветра нет.

Немного погода прилетает южный ветер.
Спрашивает его старуха:

— Где ты пропадал до сих пор? Еле дождалась
тебя!

— Виноват, бабушка! Я зашел в новое царст-
во, где живет прекрасная королевна; муж у ней
без вести пропал, так теперь сватают ее разные
цари и царевичи, короли и королевичи.

— А сколь далеко до нового царства?

— Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нестись; а я повею — в три часа доставлю.

Солдат начал просить, чтобы южный ветер взял его и донес в новое царство.

— Пожалуй, — говорит южный ветер, — я тебя донесу, коли дашь мне волю погулять в твоём царстве три дня и три ночи.

— Гуляй хоть три недели!

— Ну хорошо; вот я отдохну денька два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь.

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату:

— Ну, брат, собирайся, сейчас отправимся, да смотри не бойся, цел будешь!

Вдруг зашумел-засвистал сильный вихорь, подхватило солдата на воздух и понесло через горы и моря под самыми облаками, и ровно через три часа был он в новом царстве, где жила его прекрасная королева.

Говорит ему южный ветер:

— Прощай, добрый молодец! Жалеючи тебя, не хочу гулять в твоём царстве.

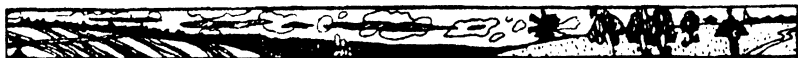
— Что так?

— Потому, если я загуляю, ни одного дома в городе, ни одного дерева в садах не останется: все вверх дном поставлю!

— Ну прощай! Спасибо тебе! — сказал солдат, надел шапку-невидимку и пошел в белокаменные палаты.

Вот пока его не было в царстве, в саду все де-

ревя стояли с сухими верхушками, а как он явился, тотчас ожили и начали цвести.

Входит он в большую комнату, а там сидят за столом разные цари и царевичи, короли и королевичи, что приехали за прекрасную королевну свататься, сидят да сладкими медами угощаются. Какой жених ни нальет стакан, только к губам поднесет — солдат тотчас хватъ кулаком по стакану и сразу вышибет. Все гости тому удивляются, а прекрасная королевна в ту ж минуту догадалась. «Верно, — думает, — мой друг воротился!»

Посмотрела в окно — в саду на деревьях все верхушки ожили, и стала она своим гостям загадку загадывать:

— Была у меня золотая нитка с золотой иглой; я ту иглу потеряла и найти не чаяла, а теперь та игла нашлась. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду.

Цари и царевичи, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали свои мудрые головы, а разгадать никак не могли. Говорит королевна:

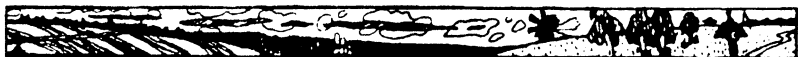
— Покажись, мой милый друг!

Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял ее за белые руки и стал целовать в уста сахарные.

— Вот вам и разгадка! — сказала прекрасная королевна. — Золотая нитка — это я, а золотая иглолка — это мой верный муж. Куда иглолка — туда и ниточка.

Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королевна стала с своим мужем жить-поживать да добра наживать.

Вещий сон

Жил-был купец, у него было два сына: Дмитрий да Иван. Раз вечером сказал им отец:

— Ну, дети, кому что во сне привидится, поутру мне поведайте; а кто утаит свой сон, того казнить велю.

Вот наутро приходит старший сын и рассказывает отцу:

— Снилось мне, батюшка, будто брат Иван высоко летал по поднебесью на двенадцати орлах; да еще будто пропала у тебя любимая овца.

— А тебе, Ваня, что привиделось?

— Не скажу! — отвечал Иван.

Сколько отец ни принуждал его, он уперся и на все увещания одно твердил: «Не скажу!» да «Не скажу!» Купец рассердился, позвал своих приказчиков и велел взять непослушного сына и привязать к столбу на большой дороге.

Приказчики схватили Ивана и, как сказано, привязали его к столбу крепко-накрепко. Плохо пришлось доброму молодцу: солнце печет его, голод и жажда измучили.

Случилось ехать по той дороге молодому царевичу; увидел он купеческого сына, сжалился и велел освободить его, нарядил в свою одежду, привез к себе во дворец и начал расспрашивать:

— Кто тебя к столбу привязал?

— Родной отец прогневался.

— Чем же ты провинился?

— Не хотел рассказать ему, что мне во сне привиделось.

— Ах, как же глуп твой отец, за такую безделицу да так жестоко наказывать... А что тебе снилось?

— Не скажу, царевич!

— Как не скажешь? Я тебя от смерти избавил, а ты мне грубить хочешь? Говори сейчас, не то худо будет!

— Отцу не сказал и тебе не скажу!

Царевич приказал посадить его в темницу; тотчас прибежали солдаты и отвели его в каменный мешок.

Прошел год, вздумал царевич жениться, собрался и поехал в чужедальнее государство свататься к Елене Прекрасной. У того царевича была родная сестра, и вскоре после его отъезда случилось ей гулять возле самой темницы.

Увидал ее в окошечко Иван — купеческий сын и закричал громким голосом:

— Смилуйся, царевна, выпусти меня на волю! Может, и я пригожуся. Ведь я знаю, что царевич поехал к Елене Прекрасной свататься; только без меня ему не жениться, а разве головой поплатиться. Чай, сама слышала, какая хитрая Елена Прекрасная и сколько женихов на тот свет спровадила.

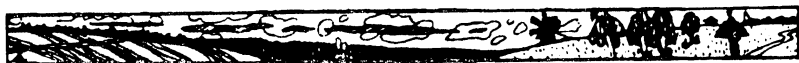
— А ты берешься помочь царевичу?

— Помог бы, да крылья у сокола связаны.

Царевна тотчас же отдала приказ выпустить его из темницы.

Иван — купеческий сын набрал себе товарищей, и было всех их и с Иваном двенадцать чело-

век, а похожи друг на дружку словно братья родные — рост в рост, голос в голос, волос в волос. Нарядились они в одинаковые кафтаны, по одной мерке шитые, сели на добрых коней и поехали в путь-дорогу.

Ехали день, и два, и три; на четвертый подъезжают к дремучему лесу, и слышался им страшный крик.

— Стойте, братцы! — говорит Иван. — Подождите немножко, я на тот шум пойду.

Соскочил с коня и побежал в лес; смотрит — на поляне три старика ругаются.

— Здравствуйте, старые! Из-за чего у вас спор?

— Эх, молодой юноша! Получили мы от отца в наследство три диковинки: шапку-невидимку, ковер-самолет и сапоги-скороходы; да вот уже семьдесят лет как спорим, а поделиться никак не можем.

— Хотите, я вас разделю?

— Сделай милость!

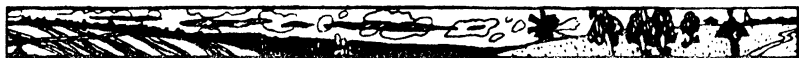
Иван — купеческий сын натянул свой тугой лук, наложил три стрелочки и пустил в разные стороны; одному старику велит направо бежать, другому — налево, а третьего посылает прямо:

— Кто из вас первый принесет стрелу, тому шапка-невидимка достанется; кто второй явится, тот ковер-самолет получит; а последний пусть возьмет сапоги-скороходы.

Старики побежали за стрелками, а Иван — купеческий сын забрал все диковинки и вернулся к своим товарищам.

— Братцы, — говорит, — пускайте своих доб-

рых коней на волю да садитесь ко мне на ковер-самолет.

Живо уселись все на ковер-самолет и полетели в царство Елены Прекрасной.

Прилетели к ее стольному городу, опустились у заставы и пошли разыскивать царевича. Приходят на его двор.

— Что вам надобно? — спросил царевич.

— Возьми нас, добрых молодцев, к себе на службу; будем тебе радеть и добра желать от чистого сердца.

Царевич принял их на свою службу и распределил: кого в повара, кого в конюхи, кого куда.

В тот же день нарядился царевич по-праздничному и поехал представляться Елене Прекрасной. Она его встретила ласково, угостила всякими яствами и дорогими напитками и потом стала спрашивать:

— А скажи, царевич, по правде, зачем к нам пожаловал?

— Да хочу, Елена Прекрасная, к тебе посвататься; пойдешь ли за меня замуж?

— Пожалуй, я согласна; только выполни наперед три задачи. Если выполнишь — буду твоя, а нет — готовь свою голову под острый топор.

— Задавай задачу!

— Будет у меня завтра, а что — не скажу; ухитрись-ка, царевич, да принеси к моему незнакомому свое под пару.

Воротился царевич на свою квартиру в большой кручине и печали. Спрашивает его Иван — купеческий сын:

— Что, царевич, невесел? Али чем досадила

Елена Прекрасная? Поделись своим горем со мною, тебе легче будет.

— Так и так, — отвечает царевич, — задала мне Елена Прекрасная такую задачу, что ни один мудрец в свете не разгадает.

— Ну, это еще небольшая беда! Ложись спать; утро вечера мудренее, завтра дело рассудим.

Царевич лег спать, а Иван — купеческий сын надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы — и марш во дворец к Елене Прекрасной; вошел прямо в почивальню и слушает. Тем временем Елена Прекрасная отдавала такой приказ своей любимой служанке:

— Возьми эту дорогую материю и отнеси к башмачнику; пусть сделает башмачок на мою ногу, да как можно скорее.

Служанка побежала куда приказано, а следом за ней и Иван пошел.

Мастер тотчас же за работу принялся, живо сделал башмачок и поставил на окошко; Иван — купеческий сын взял тот башмачок и спрятал потихоньку в карман.

Засуетился бедный башмачник — из-под носу пропала работа; уж он искал, искал, все уголки обшарил — все понапрасну! «Вот чудо! — думает. — Никак, нечистый со мной пошутил!» Нечего делать, взялся опять за иглу, сработал другой башмачок и понес к Елене Прекрасной.

— Экий ты мешкотный! — сказала Елена Прекрасная. — Сколько времени за одним башмаком провозился!

Села она за рабочий столик, начала вышивать

башмак золотом, крупным жемчугом унизовать, самоцветными камнями усаживать.

А Иван тут же очутился, вынул свой башмачок и сам то же делает: какой она возьмет камушек, такой и он выбирает; где она приткнет жемчужину, там и он насаживает.

Кончила работу Елена Прекрасная, улыбнулась и говорит:

— С чем-то царевич завтра покажется!

«Подожди, — думает Иван, — еще неизвестно, кто кого перехитрит!»

Воротился домой и лег спать; на заре на утренней встал он, оделся и пошел будить царевича; разбудил и дает ему башмачок.

— Поезжай, — говорит, — к Елене Прекрасной и покажи башмачок — это ее первая задача!

Царевич умылся, принарядился и поскакал к невесте; а у ней гостей собрано полны комнаты — все бояре да вельможи, люди думные. Как приехал царевич, тотчас заиграла музыка, гости с мест повскакивали, солдаты на караул сделали.

Елена Прекрасная вынесла башмачок, крупным жемчугом унизанный, самоцветными камнями усаженный; а сама глядит на царевича, усмехається. Говорит ей царевич:

— Хорош башмак, да без пары ни на что не пригоден! Видно, надо подарить тебе другой такой же!

С этим словом вынул он из кармана другой башмачок и положил его на стол. Тут все гости в ладоши захлопали, в один голос закричали:

— Ай да царевич! Достоин жениться на нашей государыне, на Елене Прекрасной.

— А вот увидим! — отвечала Елена Прекрасная. — Пусть исполнит другую задачу.

Вечером поздно воротился царевич домой еще пасмурней прежнего.

— Полно, царевич, печалиться! — сказал ему Иван — купеческий сын. — Ложись спать, утро вечера мудренее.

Уложил его в постель, а сам надел сапоги-скороходы да шапку-невидимку и побежал во дворец к Елене Прекрасной. Она в то самое время отдавала приказ своей любимой служанке:

— Сходи поскорей на птичий двор да принеси мне утку.

Служанка побежала на птичий двор, а Иван за нею; служанка ухватила утку, а Иван — селеня и тем же путем назад пришел.

Елена Прекрасная села за рабочий столик, взяла утку, убрала ей крылья лентами, хохолок бриллиантами; Иван — купеческий сын смотрит да то же творит над селенем.

На другой день у Елены Прекрасной опять гости, опять музыка; выпустила она свою утку и спрашивает царевича:

— Угадал ли мою задачу?

— Угадал, Елена Прекрасная! Вот к твоей утке пара, — и пускает тотчас селеня...

Тут все бояре в один голос крикнули:

— Ай да молодец царевич! Достоин взять за себя Елену Прекрасную!

— Постойте, пусть исполнит наперед третью задачу.

Вечером воротился царевич домой такой пасмурный, что и говорить не хочет.

— Не тужи, царевич, ложись лучше спать: утро вечера мудренее, — сказал Иван — купеческий сын.

Сам поскорей надел шапку-невидимку да сапоги-скороходы и побежал к Елене Прекрасной. А она собралась на синее море ехать, села в коляску и во всю прыть понеслася; только Иван — купеческий сын ни на шаг не отстает.

Приехала Елена Прекрасная к морю и стала вызывать своего дедушку. Волны заколыхались, и поднялся из воды старый дед — борода у него золотая, на голове волосы серебряные. Вышел он на берег:

— Здравствуй, внучка! Давненько я с тобою не виделся: все волосы перепутались — причеши.

Лег к ней на колени и задремал сладким сном. Елена Прекрасная чешет деда, а Иван — купеческий сын у ней за плечами стоит.

Видит она, что старик заснул, и вырвала у него три серебряных волоса; а Иван — купеческий сын не три волоса — целый пучок выхватил. Дед проснулся и закричал:

— Что ты! Ведь больно!

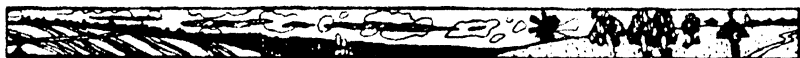
— Прости, дедушка! Давно тебя не чесала, все волоса перепутались.

Дед успокоился и немного погода опять заснул. Елена Прекрасная вырвала у него три золотых волоса; а Иван — купеческий сын схватил его за бороду и чуть не всю оторвал.

Страшно вскрикнул дед, вскочил на ноги и бросился в море.

«Теперь царевич попался! — думает Елена Прекрасная. — Таких волос ему не добыть».

На следующий день собрались к ней гости; приехал и царевич. Елена Прекрасная показывает ему три волоса серебряные да три золотые и спрашивает:

— Видал ли ты где этакое диво?

— Нашла чем хвастаться! Хочешь, я тебе целый пучок подарю?

Вынул и подал ей клочок золотых волос да клочок серебряных.

Рассердилась Елена Прекрасная, побежала в свою почивальню и стала смотреть в волшебную книгу: сам ли царевич угадывает или кто ему помогает? И видит по книге, что не он хитер, а хитер его слуга, Иван — купеческий сын.

Воротилась к гостям и пристала к царевичу:

— Пришли ко мне своего любимого слугу.

— У меня их двенадцать.

— Пришли того, что Иваном зовут.

— Да их всех зовут Иванами!

— Хорошо, — говорит, — пусть все приедут!

— А в уме держит: «Я и без тебя найду виноватого!»

Отдал царевич приказание — и вскоре явились во дворец двенадцать добрых молодцев, его верных слуг; все на одно лицо, рост в рост, голос в голос, волос в волос.

— Кто из вас большой? — спросила Елена Прекрасная.

Они разом все закричали:

— Я большой! Я большой!

«Ну, — думает она, — тут спроста ничего не узнаешь!» — и велела подать одиннадцать простых чарок, а двенадцатую золотую, из которой

завсегда сама пила; налила те чарки и стала добрых молодцев потчевать.

Никто из них не берет простой чарки, все к золотой потянулись и давай ее вырывать друг у друга; только шуму наделали да вино расплескали!

Видит Елена Прекрасная, что шутка ее не удалась; велела этих молодцев накормить-напоить и спать во дворце положить.

Вот ночью, как уснули все крепким сном, она пришла к ним с своею волшебною книгою, глянула в ту книгу и тотчас узнала виновного; взяла ножницы и остригла у него висок.

«По этому знаку я его завтра узнаю и велю казнить».

Попутру проснулся Иван — купеческий сын, взялся рукою за голову — а висок-то острижен; вскочил он с постели и давай будить товарищей:

— Полно спать, беда близко! Берите-ка ножницы да стригите виски.

Через час времени позвала их к себе Елена Прекрасная и стала отыскивать виноватого... Что за чудо? На кого ни взглянет — у всех виски острижены. С досады ухватила она свою волшебную книгу и забросила в печь.

После того нельзя было ей отговариваться, надо было выходить замуж за царевича. Свадьба была веселая; три дня народ веселился.

Как покончились пиры, царевич собрался с молодою женой ехать в свое государство, а двенадцать добрых молодцев вперед отпустил.

Вышли они за город, разостлали ковер-самолет, сели и поднялись выше облака ходячего; ле-

тели, летели и опустились как раз у того дремучего леса, где своих добрых коней покинули.

Только успели сойти с ковра, глядь — бежит к ним старик со стрелкою. Иван — купеческий сын отдал ему шапку-невидимку. Вслед за тем прибежал другой старик и получил ковер-самолет, а там и третий — этому достались сапоги-скороходы.

Говорит Иван своим товарищам:

— Седлайте, братцы, лошадей, пора в путь отправляться.

Они тотчас изловили лошадей, оседлали их и поехали в свое отечество.

Приехали и прямо к царевне явились; та им сильно обрадовалась, расспросила о своем родном братце; как он женился и скоро ль домой будет?

— Чем же вас, — спрашивает, — за такую службу наградить?

Отвечает Иван — купеческий сын:

— Посади меня в темницу, на старое место.

Как его царевна ни уговаривала, он таки настоял на своем; взяли его солдаты и отвели в темницу.

Через месяц приехал царевич с молодою супругою; встреча была торжественная: музыка играла, в пушки палили, в колокола звонили, народу собралось столько, что хоть по головам ступай!

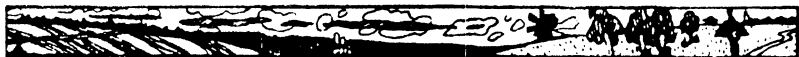
Пришли бояре и всякие чины представляться царевичу; он осмотрелся кругом и стал спрашивать:

— Где же Иван, мой верный слуга?

— Он, — говорят, — в темнице сидит.

— Как в темнице? Кто смел посадить?

Говорит ему царевна:

— Ты же сам, братец, на него опалился и велел держать в крепком заточении. Помнишь, ты его про какой-то сон расспрашивал, а он сказать не хотел?

— Неужли ж это он?

— Он самый; я его на время к тебе отпускала.

Царевич приказал привести Ивана — купеческого сына, бросился к нему на шею и просил не попомнить старого зла.

— А знаешь, царевич, — говорит ему Иван, — все, что с тобою случилось, мне было наперед ведомо, все это я во сне видел; оттого тебе и про сон не сказывал.

Царевич наградил его генеральским чином, наделил богатыми именьями и оставил во дворце жить.

Иван — купеческий сын выписал к себе отца и старшего брата, и стали они все вместе жить-поживать, добра наживать.

Волшебное кольцо

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой, и был у них сын Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью кормил. Пришло время — заболел старик и помер. Остался Мартынка с матерью,

потужили-поплакали, да делать-то нечего: мертвого назад не воротишь. Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был.

Видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься, а старик-то оставил им двести рублей. Больно не хотелось ей начинать кубышку, однако сколько ни крепилась, а начинать нужно — не с голоду же умирать! Отсчитала сто рублей и говорит сыну:

— Ну, Мартынка, вот тебе сто целковиков, пойди попроси у соседей лошадь, поезжай в город да купи хлеба. Авось как-нибудь зиму промаячим, а весной станем работу искать.

Мартынка выпросил телегу с лошастью и поехал в город. Едет он мимо мясных лавок — шум, брань, толпа народу. Что такое? А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют ее палками — собака рвется, визжит, огрызается... Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:

— Братцы, за что вы бедного пса так бьете немилостиво?

— Да как его не бить, — отвечают мясники, — когда он целую тушу говядины испортил!

— Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.

— Пожалуйста, купи, — говорит один мужик шутя. — Давай сто рублей.

Мартынка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой. Пес начал к нему ласкаться, хвостом так и вертит: понимает, значит, кто его от смерти спас.

Вот приезжает Мартынка домой, мать тотчас стала спрашивать:

— Что купил, сынок?

— Купил себе первое счастье.

— Что ты завираешься! Какое там счастье?

— А вот он, Журка! — и показывает ей собаку.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы, только вся сотня за собаку пошла.

Старуха заругалась.

— Нам, — говорит, — самим есть нечего, нынче последние поскребушки по закромам собрала да лепешку испекла, а завтра и того не будет!

На другой день вытащила старуха еще сто рублей, отдает Мартынке и наказывает:

— На, сынок! Поезжай в город, купи хлеба, а задаром денег не бросай.

Приехал Мартынка в город, стал ходить по улицам да присматриваться, и попался ему на глаза злой мальчишка: поймал кота, зацепил веревкой за шею и давай тащить на реку.

— Поймай! — закричал Мартынка. — Куда Ваську тащишь?

— Хочу его утопить, проклятого!

— За какую провинность?

— Со стола пирог стянул.

— Не топи его, лучше продай мне.

— Пожалуй, купи. Давай сто рублей.

Мартынка не стал долго раздумывать, полез за пазуху, вытащил деньги и отдал мальчишке, а кота посадил в мешок и повез домой.

— Что купил, сынок? — спрашивает его старуха.

— Кота Ваську.

— А больше ничего не купил?

— Коли б деньги остались, может, и купил бы еще что-нибудь.

— Ах ты дурак этакой! — закричала на него старуха. — Ступай же из дому вон, ищи себе хлеба по чужим людям!

Пошел Мартынка в соседнее село искать работу. Идет дорогою, а следом за ним Журка с Васькой бегут. Навстречу ему поп:

— Куда, свет, идешь?

— Иду в батраки наниматься.

— Ступай ко мне. Только я работников без ряды беру: кто у меня прослужил три года, того и так не обижу.

Мартынка согласился и без устали три лета и три зимы на попа работал. Пришел срок к расплате, зовет его хозяин:

— Ну, Мартынка, иди — получай за свою службу.

Привел его в амбар, показывает два полных мешка и говорит:

— Какой хочешь, тот и бери.

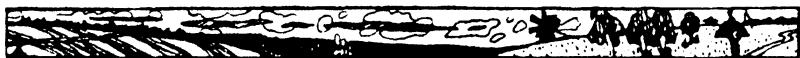
Смотрит Мартынка — в одном мешке серебро, а в другом песок, и задумался:

«Эта шутка неспроста приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а уж я попытаю, возьму песок — что из того будет?»

Говорит он хозяину:

— Я, батюшка, выбираю себе мешок с мелким песочком.

— Ну, свет, твоя добрая воля. Бери, коли серебром брезгаешь.

Мартынка взвалил мешок на спину и пошел искать другого места. Шел, шел и забрел в темный, дремучий лес. Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Говорит красная девица:

— Мартын, вдовьин сын! Если хочешь добыть себе счастья, избавь меня: засыпь это пламя песком, за который ты три года служил.

«И впрямь, — подумал Мартынка, — чем таскать с собою такую тяжесть, лучше человеку пособить. Невелико богатство — песок, этого добра везде много!»

Снял мешок, развязал и давай сыпать. Огонь тотчас погас, красная девица ударилась оземь, обернулась змеею, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи. Мартынка испугался.

— Не бойся! — сказала ему змея. — Иди теперь за тридевять земель, в тридешатое государство, в подземное царство, там мой батюшка царствует. Как придешь к нему на двор, будет он давать тебе много злата, и серебра, и самоцветных камней — ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста колечко. То кольцо не простое: если перекинуть его с руки на руку — тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им ни будет приказано, все за единую ночь сделают.

Отправился добрый молодец в путь-дорогу. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — подходит к тридешатому царству и видит огром-

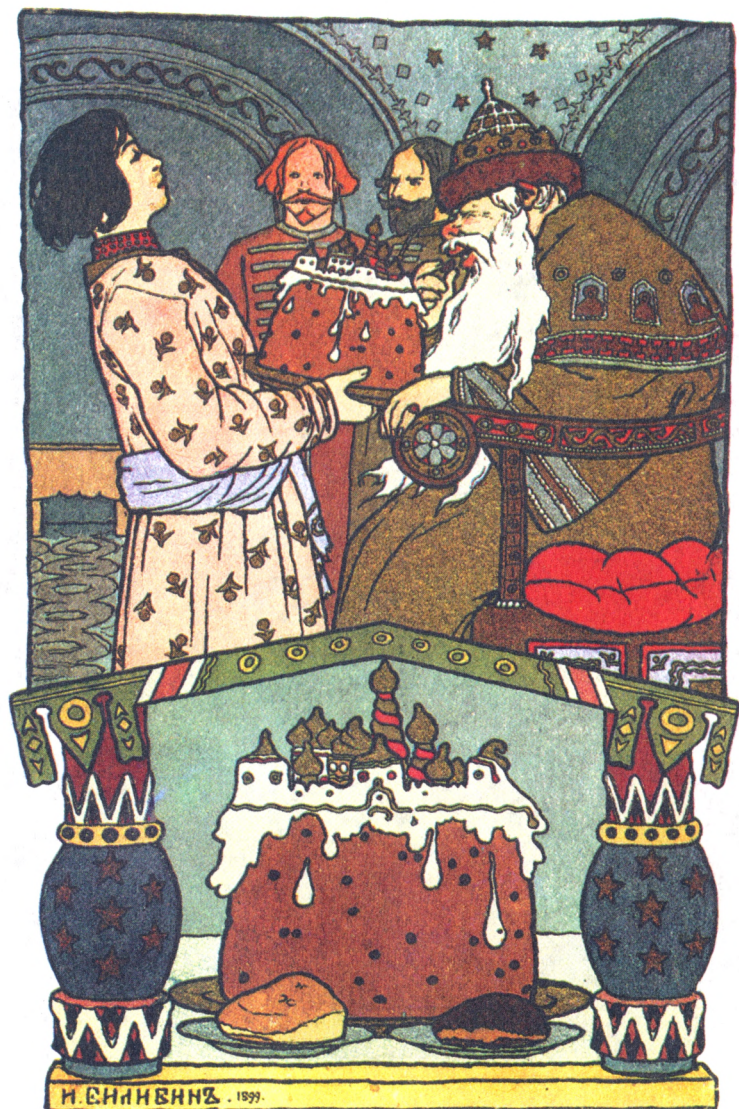

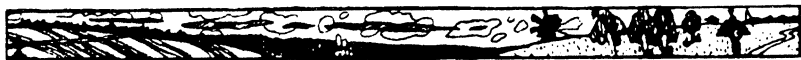

ный камень. Тут соскочила с его шеи змея, ударилась о сырую землю и сделалась по-прежнему красною девицей.

— Ступай за мной! — говорит красная девица и повела его под тот камень.

Долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжил свет — все светлей да светлей, и вышли они на широкое поле, под ясное небо. На том поле великолепный дворец выстроен, а во дворце живет отец красной девицы, царь той подземной стороны.

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково.

— Здравствуй, — говорит, — дочь моя милая! Где ты столько лет скрывалась?

— Свет ты мой батюшка! Я бы совсем пропала, если бы не этот человек: он меня от злой, неминуемой смерти освободил и сюда, в родные места, привел.

— Спасибо тебе, добрый молодец! — сказал царь. — За твою добродетель наградить тебя надо. Бери себе и злата, и серебра, и камней самоцветных, сколько твоей душе хочется.

Отвечает ему Мартын, вдовьин сын:

— Ваше царское величество! Не требуется мне ни злата, ни серебра, ни камней самоцветных. Коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки — с мизинного перста. Я человек холостой, стану на колечко почаще поглядывать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять.

Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну:

— На, владей на здоровье! Да смотри никому

про кольцо не рассказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!

Мартын, вдовьин сын, поблагодарил царя, взял кольцо да малую толику денег на дорогу и пустился обратно тем же путем, каким прежде шел. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли — воротился на родину, разыскал свою мать-старуху, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали.

Захотелось Мартынке жениться; пристал он к матери, посылает ее свахою.

— Ступай, — говорит, — к самому королю, высватай за меня прекрасную королевну.

— Эй, сынок, — отвечает старуха, — рубил бы ты дерево по себе, лучше бы вышло! А то вишь что выдумал! Ну зачем я к королю пойду! Известное дело, он осердится и меня и тебя велит казни предать.

— Ничего, матушка! Небось, коли я посылаю, значит, смело иди. Какой будет ответ от короля, про то мне скажи, а без ответа и домой не возвращайся.

Собралась старуха и поплелась в королевский дворец. Пришла на двор и прямо на парадную лестницу, так и прет без всякого доклада. Ухватили ее часовые:

— Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут? Здесь даже генералы не смеют ходить без доклада...

— Ах вы такие-сякие! — закричала старуха. — Я пришла к королю с добрым делом, хочу высватать его дочь-королевну за моего сынка, а вы хватаете меня за полы!

Такой шум подняла! Король услышал крики, глянул в окно и велел допустить к себе старушку. Вот вошла она в комнату и поклонилась королю.

— Что скажешь, старушка? — спросил король.

— Да вот пришла к твоей милости. Не во гнев тебе сказать: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то — мой сынок Мартынка, пребольшой умница, а товар — твоя дочка, прекрасная королевна. Не отдашь ли ее замуж за моего Мартынку? То-то пара будет!

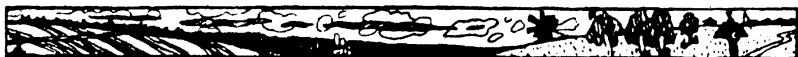
— Что ты! Или с ума сошла? — закричал на нее король.

— Никак нет, ваше королевское величество! Извольте ответ дать.

Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать этой старухе. И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит богатейший дворец, и чтобы от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех же деревьях пели бы разные птицы. Да еще пусть выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять. Если старухин сын все это сделает, тогда можно за него и королевну отдать: значит, больно мудрен. А если не сделает, то и старухе и ему срубить за провинность головы.

С таким-то ответом отпустили старуху. Идет

она домой — шатается, горючими слезами заливается. Увидала Мартынку. Кинулась к нему.

— Ну, — говорит, — сказывала я тебе, сынок, не затевай лишнего, а ты все свое! Вот теперь и пропали наши бедные головушки, быть нам завтра казненными.

— Полно, матушка! Авось живы останемся. Ложись почивать — утро, кажись, мудренее вечера.

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широкий двор, перекинул кольцо с руки на руку — и тотчас явились перед ним двенадцать молодцев, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

— Что тебе понадобилось, Мартын, вдовьин сын?

— А вот что: сделайте мне к свету на этом месте богатейший дворец, и чтобы от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы. Да еще выстройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять.

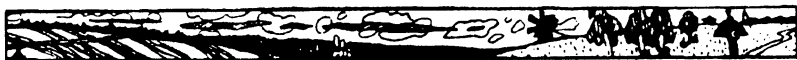
Отвечали двенадцать молодцев:

— К завтраму все будет готово!

Бросились они по разным местам, согнали со всех сторон мастеров и плотников и принялись за работу: все у них спорится, быстро дело делается.

Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях; вышел на высокое крыльцо, смотрит — все как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья

с золотыми и серебряными яблоками. В ту пору и король выступил на балкон, глянул в подзорную трубочку и диву дался: все по приказу сделано! Призывает к себе прекрасную королевну и велит к венцу снаряжаться.

— Ну, — говорит, — не думал я, не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя.

Вот, пока королевна умывалась, притиралась, в дорогие уборы рядилась, Мартын, вдовьин сын, вышел на широкий двор и перекинул свое колечко с руки на руку — вдруг двенадцать молодцев словно из земли выросли:

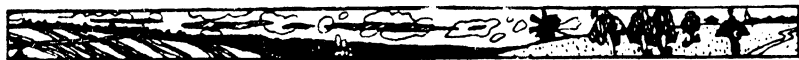
— Что угодно, что надобно?

— А вот, братцы, оденьте меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску и шестерку лошадей.

— Сейчас будет готово!

Не успел Мартынка три раза моргнуть, а уж притащили ему кафтан; надел он кафтан — как раз впору, словно по мерке сшит. Оглянулся — у подъезда коляска стоит, в коляску чудные кони запряжены — одна шерстинка серебряная, а другая золотая. Сел он в коляску и поехал в собор. Там уже давно к обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо. Вслед за женихом приехала и невеста со своими няньками и мамками, и король со своими министрами. Отстояли обедню, а потом, как следует, взял Мартын, вдовьин сын, прекрасную королевну за руку и принял закон с нею. Король дал за дочкой богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир.

Живут молодые месяц, и два, и три. Мартынка, что ни день, все новые дворцы строит да сады разводит.

Только королевне больно не по сердцу, что выдали ее замуж не за царевича, не за королевича, а за простого мужика. Стала думать, как бы его со света сжить. Прикинулась такою лисою, что и на поди! Всячески за мужем ухаживает, всячески ему услуживает да все про его мудрость спрашивает. Мартынка крепится, ничего не рассказывает.

Вот как-то раз был Мартынка у короля в гостях, вернулся домой поздно и лег отдохнуть. Тут королевна и пристала к нему, давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать — и так умаслила: не утерпел Мартынка, рассказал ей про свое чудодейное колечко.

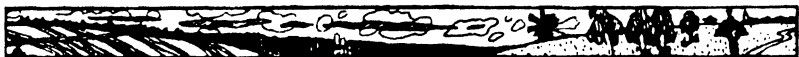
«Ладно, — думает королевна, — теперь я с тобою разделаюсь!»

Только заснул он крепким сном, королевна хватить его за руку, сняла с мизинного пальца колечко, вышла на широкий двор и перекинула то кольцо с руки на руку. Тотчас явились перед ней двенадцать молодцев:

— Что угодно, что надобно, прекрасная королевна?

— Слушайте, ребята! Чтоб к утру не было здесь ни дворца, ни собора, ни моста хрустального, а стояла бы по-прежнему старая избушка. Пусть мой муж в бедности остается, а меня унесите за тридевять земель, в тридесятое царство, в мышье государство. От одного стыда не хочу здесь жить!

— Рады стараться, все будет исполнено!

В ту же минуту подхватило ее ветром и унесло в тридесятое царство, в мышье государство.

Утром проснулся король, вышел на балкон посмотреть в подзорную трубочку — нет ни дворца с хрустальным мостом, ни собора пятиглавого, а только стоит старая избушка.

«Что бы это значило? — думал король. — Куда все делось?»

И, не мешкая, посылает своего адъютанта раз-
узнать на месте: что такое случилось? Адъютант поскакал верхом и, воротясь назад, докладывает государю:

— Ваше величество! Где был богатейший дворец, там стоит по-прежнему худая избушка, в той избушке ваш зять со своей матерью поживает, а прекрасной королевы и духу нет, и неведомо, где она нынче находится.

Король созвал большой совет и велел судить своего зятя: зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королеву. Осудили Мартынку посадить в высокий каменный столб и не давать ему ни есть, ни пить — пусть умрет с голоду. Явились каменщики, вывели столб и заму-
ровали Мартынку наглухо, только малое окошечко для света оставили. Сидит он, бедный, в заключении, не ест, не пьет день, и другой, и третий да слезами обливается.

Узнала про ту напасть собака Журка, прибежала в избушку, а кот Васька на печи лежит мурлыкает. Напустился на него Журка:

— Ах ты подлец, Васька! Только знаешь на печи лежать да потягиваться, а того не ведаешь,

что хозяин наш в каменном столбу заточен. Видно, позабыл старое добро, как он сто рублей заплатил да тебя от смерти освободил. Кабы не он, давно бы тебя, проклятого, черви источили. Вставай скорей! Надо помогать ему всеми силами.

Вот Васька соскочил с печки и вместе с Журкою побежал разыскивать хозяина. Прибежал к столбу, вскарабкался наверх и влез в окошечко:

— Здравствуй, хозяин! Жив ли ты?

— Еле жив, — отвечает Мартынка. — Совсем отощал без еды, приходится умирать голодной смертью.

— Постой, не тужи! Мы тебя и накормим и напоим, — сказал Васька, выпрыгнул в окно и спустился на землю. — Ну, брат Журка, ведь хозяин с голоду умирает! Как бы нам ухитриться да помочь ему?

— Дурак ты, Васька! И этого не придумаешь. Пойдем-ка по городу. Как только встретится булочник с лотком, я живо подкачусь ему под ноги и собою у него лоток с головы. Тут ты смотри не плошай! Хватай поскорей калачи да булки и тащи к хозяину.

Вот вышли они на большую улицу, а навстречу им мужик с лотком. Журка бросился ему под ноги, мужик пошатнулся, выронил лоток, рассыпал все хлеба да с испугу пустился бежать в сторону: боязно ему, что собака, пожалуй, бешеная — долго ли до беды! А кот Васька цап за булку и потащил к Мартынке; отдал одну — побегал за другой, отдал другую — побегал за третьей.

После того задумали кот Васька да собака

Журка идти в тридесятое царство, в мышье государство — добывать чудодейное кольцо. Дорога дальняя, много времени утечет...

Натаסקали они Мартынке сухарей, калачей и всякой всячины на целый год и говорят:

— Смотри же, хозяин! Ешь-пей, да оглядывайся, чтобы хватило тебе запасов до нашего возвращения.

Прощались и отправились в путь-дорогу.

Близко ли, далеко, скоро ли, коротко — приходят они к синему морю. Говорит Журка коту Ваське:

— Я надеюсь переплыть на ту сторону. А ты как думаешь?

Отвечает Васька:

- - Я плавать не мастак, сейчас потону.

— Ну, садись ко мне на спину!

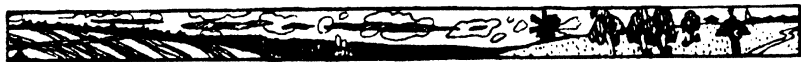
Кот Васька сел собаке на спину, уцепился когтями за шерсть, чтобы не свалиться, и поплыли они по морю. Перебрались на другую сторону и пришли в тридесятое царство, в мышье государство.

В том государстве не видать ни души человеческой, зато столько мышей, что и сосчитать нельзя: куда ни сунься, так стаями и ходят! Говорит Журка коту Ваське:

— Ну-ка, брат, принимайся за охоту, начинай этих мышей душить-давить, а я стану загребать да в кучу складывать.

Васька к той охоте привычен: как пошел расправляться с мышами по-своему, что ни цапнет — то и дух вон! Журка едва поспевает в кучу складывать и в неделю накладал большую скирду.

На все царство налегла кручина великая. Видит мышиный царь, что в народе его недочет оказывается, что много подданных злой смерти предано, вылез из норы и взмолился перед Журкою и Ваською:

— Бью челом вам, сильномогучие богатыри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца. Лучше скажите, что вам надобно? Что смогу, все для вас сделаю.

Отвечает ему Журка:

— Стоит в твоём государстве дворец, в том дворце живет прекрасная королева. Унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадешь и царство твое сгинет: все как есть запустошим!

— Пойдите, — говорит мышиный царь, — я соберу своих подданных и спрошу у них.

Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выпрашивать: не возьмется ли кто из них пробраться во дворец к королеве и достать чудодейное кольцо? Вызвался один мышонок.

— Я, — говорит, — в том дворце часто бываю: днем королева носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладет его в рот.

— Ну-ка, постарайся добыть его. Коли сослужишь эту службу, не поскуплюсь, награжу тебя по-царски.

Мышонок дождался ночи, пробрался во дворец и залез потихоньку в спальню. Смотрит — королева крепко спит. Он вполз на постель, всунул королеве в нос свой хвостик и давай щeko-

тать в ноздрях. Она чихнула — кольцо изо рта выскочило и упало на ковер. Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнес к своему царю. Царь мышинный отдал кольцо сильномогучим богатырям — коту Ваське да собаке Журке. Они на том царю благодарствовали и стали друг с дружкой совет держать: кто лучше кольцо сбережет?

Кот Васька говорит:

— Давай мне, уж я ни за что не потеряю!

— Ладно, — говорит Журка. — Смотри же, береги его пуце своего глаза.

Кот взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

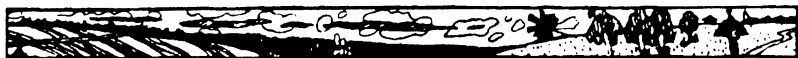
Вот дошли до синего моря.

Васька вскочил Журке на спину, уцепился лапами как можно крепче, а Журка в воду — и поплыл через море.

Плывет час, плывет другой. Вдруг, откуда ни взялся, прилетел черный ворон, пристал к Ваське и давай долбить его в голову. Бедный кот не знает, что ему и делать, как от врага оборониться. Если пустить в дело лапы — чего доброго, опрокинешься в море и на дно пойдешь; если показать ворону зубы — пожалуй, кольцо выронишь. Беда, да и только! Долго терпел он, да под конец немоготу стало — продолбил ему ворон буйную голову до крови. Озлобился Васька, стал зубами обороняться — и уронил кольцо в синее море. Черный ворон поднялся вверх и улетел в темные леса.

А Журка, как выплыл на берег, тотчас же про кольцо спросил. Васька стоит голову понуривши.

— Прости, — говорит, — виноват, брат, перед тобою: ведь я кольцо в море уронил!

Напустился на него Журка:

— Ах ты олух! Счастлив ты, что я прежде того не узнал, я бы тебя, разиню, в море утопил! Ну с чем мы теперь к хозяину явимся? Сейчас полезай в воду: или кольцо добудь, или сам пропадай!

— Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше давай ухитряться: как прежде мышей ловили, так и теперь станем за раками охотиться; авось, на наше счастье, они нам помогут кольцо найти.

Журка согласился; стали они ходить по морскому берегу, стали раков ловить да в кучу складывать. Большой ворох наклали! На ту пору вылез из моря огромный рак, захотел погулять на чистом воздухе. Журка с Васькой сейчас его слапали и ну тормошить его во все стороны!

— Не душите меня, сильномогучие богатыри! Я — царь над всеми раками. Что прикажете, то и сделаю.

— Мы уронили кольцо в море, разыщи его и доставь, коли хочешь милости, а без этого все твое царство до конца разорим!

Царь-рак в ту же минуту созвал своих подданных и стал про кольцо расспрашивать. Вызвался один малый рак.

— Я, — говорит, — знаю, где оно находится. Как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах.

Тут все раки бросились по морю разыскивать

рыбу-белужину, зацапали ее, бедную, и давай щипать клещами; уж они гоняли-гоняли ее — просто на единый миг покоя не дают. Рыба и туда и сюда, вертелась-вертелась и выскочила на берег.

Царь-рак вылез из воды и говорит коту Ваське да собаке Журке:

— Вот вам, сильномогучие богатыри, рыба-белужина, теревите ее немилостиво: она ваше кольцо проглотила.

Журка бросился на белужину и начал ее с хвоста уписывать. «Ну, — думает, — досыта теперь наемся!»

А шельма-кот знает, где скорее кольцо найти, принялся за белужье брюхо и живо на кольцо напал. Схватил кольцо в зубы и давай бог ноги — что есть силы бежать, а на уме у него такая думка: «Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похвалюсь, что один все устроил. Будет меня хозяин и любить и жаловать больше, чем Журку!»

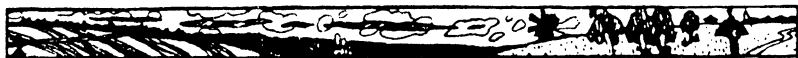
Тем временем Журка наелся досыта, смотрит — где же Васька? И догадался, что товарищ его себе на уме: хочет неправдой у хозяина выслужиться.

— Так врешь же, плут Васька! Вот я тебя нагоню, в мелкие куски разорву!

Побежал Журка в погоню; долго ли, коротко ли — нагоняет он кота Ваську и грозит ему бедой неминучею. Васька усмотрел в поле березку, вскарабкался на нее и засел на самой верхушке.

— Ладно! — говорит Журка. — Всю жизнь не просидишь на дереве, когда-нибудь и слезть захочешь, а уж я ни шагу отсюда не сделаю.

Три дня сидел кот Васька на березе, три дня караулил его Журка, глаз не спуская; проголодались оба и согласились на мировую. Помирились и отправились вместе к своему хозяину. Прибежали к столбу. Васька вскочил в окошечко и спрашивает:

— Жив ли, хозяин?

— Здравствуй, Васька! Я уж думал, вы не воротитесь. Три дня, как без хлеба сижу.

Кот подал ему чудодейное кольцо. Мартынка дождался глухой полночи, перекинул кольцо с руки на руку — тотчас явились двенадцать молодцев:

— Что угодно, что надобно?

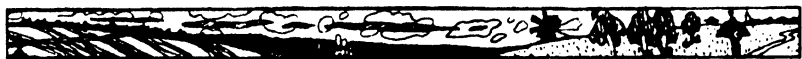
— Поставьте, ребята, мой прежний дворец, и мост хрустальный, и собор пятиглавый и перенесите сюда мою неверную жену. Чтобы к утру все было готово.

Сказано — сделано. Поутру проснулся король, вышел на балкон, посмотрел в подзорную трубочку: где избушка стояла, там высокий дворец выстроен, от того дворца до королевского хрустальный мост тянется, по обеим сторонам моста растут деревья с золотыми и серебряными яблоками. Король приказал заложить коляску и поехал разведать, впрямь ли все стало по-прежнему, или только ему это привиделось. Мартынка встречает его у ворот.

— Так и так, — докладывает, — вот что со мной королева сделала!

Король присудил ее наказать. А Мартынка и теперь живет, хлеб жует.

Белая уточка

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись, не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить.

Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось — такая простая, сердечная!

— Что, — говорит, — ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошла, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда — и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

— Что, — говорит женщина, — день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

— Нет, нет, не хочу! — А там подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине.

— Плыви ты, — говорит, — белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек: двух хороших, а третьего — заморышка; и деточки ее вышли — ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

— Ох, не ходите туда, дети! — говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше — и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить, — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

— Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

— Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

— Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

— Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукой — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

— Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Темну ночь недосыпала,
Сладок кус недоедала!

— Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

— Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

— Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного — моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живет — величается!

«Эге!» — подумал князь и закричал:

— Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

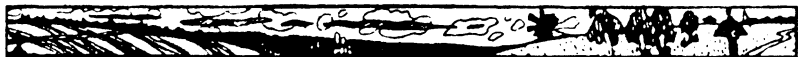
Взял он ее за крылышко и говорит:

— Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой — говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забы-

вать. А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга; где рука — там грабли; где голова — там куст да колода. Налетели птицы — мясо поклевали, поднялись ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

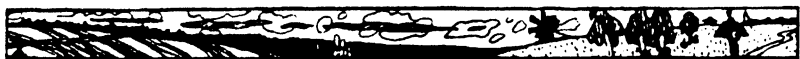
По щучьему веленью

Пришло время помирать старику; позвал он к себе двух своих старших сыновей — у него три сына было, только младший, Емеля, был вовсе дурак — и говорит им: «Прощайте, детки, живите дружно вместе, Емелю не обижайте. Вам оставляю, двоим поровну, усадьбу, скотину, лошадей и все хозяйство, а Емеле — деньги, триста рублей». Благословил старик детей и умер.

Стали жить братья вместе. Раз задумали старшие ехать в город за покупками и говорят Емеле: «Мы твоих денег пятьдесят рублей возьмем, а ты дома сиди, слушайся наших жен: что прикажут по хозяйству — все делай. Коли будешь слушаться, мы тебе из города привезем и рубашку красную, и шапку красную, и сапоги красные». А дурак сидит на печи грязный, всклоченный, слюни распустил, золу с ладони на ладонь пересыпает: «Ну-к что ж, — бормочет, — буду слушаться». Братья уехали.

Дело было зимой, мороз лютый стоял. Невест-

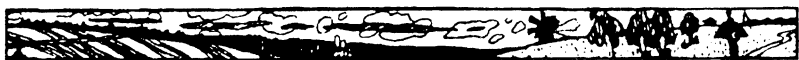

ки говорят: «Сходи, Емеля, за водой на речку». А дурак с печи: «А вы-то что?» «Нам по хозяйству дела много, да и холодно очень». — «А мне лень, не хочется». «Ну, ладно, — говорят невестки, — не принесешь воды, мы и щей варить не будем, у соседей без тебя пообедаем. А как мужья приедут, мы им скажем — ни рубашки тебе, ни шапки, ни сапог красных не будет». Дурак почесался-почесался: «Ну-к что ж, — говорит, — я пойду». Слез с печи, обулся-оделся, взял ведра и пошел.

Идет-не идет, болтается по улице без пути, ведрами, руками машет да во всю глотку орет: «Тпрунды, баба! Тпрунды, дед!» Самая дурацкая песня, а он еще подплясывает. Смеются над ним: «Ведро растеряешь, Емеля!» «Ну-к что ж!..» Пришел к речке, налил ведра и уселся над прорубью — страсть ему не хочется полные ведра в гору тащить. Сидит, в воду уставился. Вдруг видит: всплыла к самому верху пребоольшая щука. Он — как глуп ни был, догадался — ухватил ее за жабры и на лед выкинул. Вышвырнул и давай кругом плясать да присвистывать. «О-го-го! — кричит. — Рыбу поймал! Щи с рыбой есть буду!»

А Щука лежит на льду и вдруг взговорила ему человеческим голосом: «Пусти меня, Емеля, назад в воду. Я тебе так сделаю, что все, что ты ни захочешь, сейчас исполнится». А дурак, знай, свое: «Щи с рыбой есть буду!» Опять просит его Щука: «Отпусти! Что захочешь, то тебе и будет». Подумал дурак, подумал: щи еще когда будут, а ведра сейчас в гору нести надо. «Ну, — говорит, — пускай ведра сами домой дойдут и не рас-

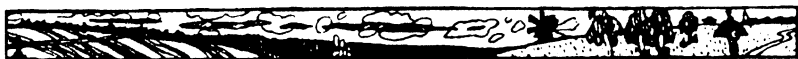

плещутся, тогда отпущу». «Скажи, — говорит ему Щука, — «по щучьему веленью, по моему прошению, идите ведра домой!»

Только дурак эти слова вымолвил — поднялись ведра с коромыслом и пошли сами к деревне. «И всегда так будет?» — спрашивает Емеля. «Всегда; скажи только, когда чего захочешь: «по щучьему веленью, по моему прошению, чтоб было мне то-то и то-то!» — «Ну-к что ж, это ничего, ладно: теперь я уж сам ничего делать не буду, буду на печи лежать». И пустил Щуку назад в прорубь.

По улице народ дивуется: ведра с коромыслом сами идут, а Емеля сам по себе сзади плетется: «Ишь, дурак, а как ухитрился!» Подивились и невестки, а дурак разделся, залез па печь и давай сопеть да в золе копать. Еще через недолгое время говорят ему невестки: «Ты б, Емеля, в лес съездил, а то дров нету». «А вы-то что?» — «Разве женское дело дрова рубить — ты мужчина, небось». — «А мне не хочется». — «Ну, когда так, лежи на холодной печи, да еще мы мужьям скажем — ни шапки, ничего тебе не будет». — «Ну-к что ж, коли так, я поеду». Слез, оделся, вышел на двор с топором, ввалился в сани и говорит невесткам: «Отворяйте ворота». «Да ты лошадь, дурак, сперва запряги!» — «А вам какое дело, отворайте!» Отворили бабы ворота — пускай дурак всем прохожим на смех в санях на морозе валяется, а он бормочет: «По щучьему веленью, по моему прошению, поезжайте сани в лес». Как дернулись сани — и покатили. На тройке за ними не угонишься.

Катят сани, дурак лежит в них, песни горланит, на дорогу и не смотрит. А в лес ему нужно было ехать через большой город. Известно, в городе по улицам народ постоянно ходит; дурак не кричит: «берегись» — и передавил в городе много народу. Гнались за ним, да где догнать!

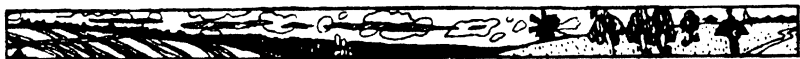
В лес приехал, остановился и говорит: «По щучьему веленью, по моему прошенью, ступай, топор, дрова рубить, а поленья сами в сани укладывайтесь!». Живо сани полны дровами наложались. Приказал дурак топору здоровую дубинку вырубить для закрутки, чтоб дрова увязать, а веревке — самой вокруг дров обвязаться, сел на дрова и покатиł домой.

Едет дурак через город — его там уж дожидаются, поймать хотят, за то что народ передавил. Наскочил народ в его сани, тащут его с саней, колотить начали... Он видит, что дело плохо: «Эй, — кричит, — дубинка! По щучьему веленью, по моему прошенью, валяй-ка их!» Дубинка соскочила с саней и давай всех бить без милосердия. Бросился народ бежать, а дубинка, как управлялась, покатиłась колесиком вслед за санями. Приехал Емеля домой и залез на печь.

Долго ли, коротко ли, пошла в народе молва про Емелю, явились горожане к тамошнему королю, стали на дурака жаловаться, что он много народу передавил, перекалечил. Король сейчас послал офицера с солдатами, чтоб взяли дурака и привели к нему на суд.

Является офицер в Емелину избу: «Где здесь, — спрашивает, — дурак, который в городе народ передавил?» А он с печи: «Тебе на что?»

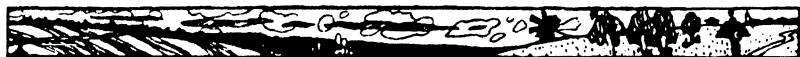
«Сейчас собирайся, я тебя к королю повезу». — «А что мне там делать? Мне и тут хорошо». «Ах, ты, невежа, грубиян, — говорит офицер. — Как ты смеешь мне так отвечать!» Да хлоп его по щеке. Дурак видит, что его бьют, и завопил: «По щучьему веленью, по моему прошенью, кочерга, ухваты, сковородники, бейте-ка их!» Налетело на офицера и солдат все бабье оружие и ну их колотить. Насилу они из избы выбрались и назад в город ускакали.

«Эх, — сказал король, как узнал про офицерovu неудачу, — дурака я за дураком послал!» Выбрал самого хитрого подьячего и приказал ему ехать и без Емели не ворочаться.

Подьячий приехал в деревню, где Емеля жил, остановился у старосты и приказал, чтоб от дурака потихоньку пришли его невестки. «Как, — спрашивает их, — дурака сманить? Что он любит?» Те говорят, что он любит, чтоб его попросили, охотник хорошо, сладко поест и в красное платье нарядиться. Послал подьячий наскоро в город за разными сладостями — за пряниками, леденцами и орехами — да рубашку, шапку и сапоги, все красное, приказал привезти.

Пришел он со всем этим добром в дуракову избу и говорит: «Здравствуй, Емелюшка, поедем со мной к королю». А дурак с печи отвечает: «Мне и тут тепло». «Там, Емелюшка, еще теплее, и даст тебе король вот все эти сласти да еще рубашку, сапоги и шапку, гляди, красные. На-ка пряничка, попробуй». Дурак съел пряник — вкусно. «Ну-к что ж, — говорит, — я, пожалуй, поеду». «Вот и ладно, одевайся-ка, садись ко мне в сани,

лихо прокачу». — «Мне слезать с печи да одеваться лень». — «Да как же быть? Надо слезать, а то сладко не поешь, в красное платье не оденешься!» «Ну вот, — говорит дурак, — я и так доеду. По щучьему веленью, по моему прошенью, вези меня, печь, в королевский дворец!» Затрещала печь — целая стена вывалилась — и выскочила печь с дураком на улицу.

Летит печь по дороге, народ дивуется, а дурак ухватился за трубу, весь грязный, чумазый, всклоченный: «Эх ты, — орет, — валяй шибче! К королю в гости еду!» Подьячий, было, его догонять, чтоб король видел, что он дурака привез, да куда там — на целый час позже Емели приехал!

Вломился дурак на печи в королевский дворец. «Ну, вот он я, — кричит, — давайте-ка пряника!» А король ему: «Постой, я тебе задам безобразничать, народ по улицам давить!» «Ишь ты, дяденька, сердитый какой! — говорит дурак. — Я чем виноват, что они не сторонились». Король поглядел-поглядел на него. «Что, — думает, — с дурака взять. Он вовсе без смысла». Дал ему пряник и приказал позвать свою дочь, чтоб она пришла, на такую красоту полюбовалась. Королевна пришла, смотрит: сидит дурак посреди залы на печи, весь в золе, рваный, рожаслюнявая и большущий пряник за обе щеки уплетает. Давай королевна над дураком смеяться. А дурак смотрел на нее, смотрел — и обиделся. «Чего, — говорит, — девка, ржешь? Больно весело? Вот как по щучьему веленью, по моему прошенью, выйдешь за меня замуж, так, небось,

отучу зубы без толку скалить!» Повернулся к королю драной спиной: «Ну-ка, печь, вези меня домой: нечего мне тут делать!» И уехал в свою избу.

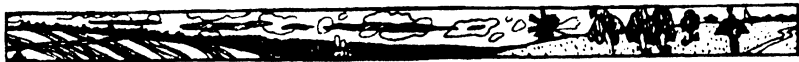
С той поры затосковала королевна, ходит по дворцу, точно в воду опущенная, глаза в одно место уставлены, ничего не видят, а сама все шепчет, все шепчет: «Надо идти, надо идти, уйду!..» Раз утром хватились — а ее нету, пропала.

Сидит дурак на печи, печатные пряники ест — надумал, чтобы, по щучьему веленью, у него полна печь пряников была, — вдруг входит в избу королевна и села на лавку. Дурак свесил голову с печи, сопит, слюни распустил и спрашивает: «Тебе, девка, чего?» А она ему: «Пришла, — говорит, — как ты приказал, замуж за тебя выйти». Невестки так и ахнули: «Барышня! Да ведь он дурак отпетый, куда ему жениться». «Ну-к что ж, — говорит дурак, — я женюсь. Полежай ко мне на печь». Королевна лезет. Тут на скакали королевские посланные, стащили ее с печи насильно и во дворец увезли. А она, сердечная, бьется: «Пустите, — кричит, — должна я за Емелю замуж выйти!»

Страх как рассердился король, как узнал, где его дочь пропадала, запер ее в светелку на замок. А она — дня не прошло — окно выломала и опять к дураку убежала. Срам, огласка по всему королевству: королевна в слюнявого Емельку влюбилась, живмя-живет у него на печи.

Бился-бился король; пробовал дурака в тюрьму запирать, а тот, как увидит, что не на своей

печи сидит, сейчас: «По щучьему веленью...» И опять дома на печи в золе копается. Как дочь король ни запирает — дня не просидит взаперти, глядь — убежала к дураку. Ничего поделывать нельзя, а огласка все пуще... «Ну, — говорит король, — ладно! Пусть по-ихнему будет». Обвенчал дочь с Емелькой-дураком, напоил зятя на свадьбе сладкой водкой до полумертва и приказал молодых в старый корабль запереть, паруса натянуть и пустить корабль по ветру, куда его ветер занесет.

Плывет корабль да плывет, а Емеля спит да спит. Наконец через трое суток опамятовался, почесался... «А где же моя печь? — спрашивает. — Нечего мне тут делать; хочу на свою печь». А королевна, как ее с дураком обвенчали, в себя пришла, одумалась за трое суток и говорит ему: «Постой, Емеля, погоди. Теперь за тобой не одна твоя голова, а и моя — ведь я твоя законная жена». «Ну-к что ж, полезем на печь, там тепло». «Эх, муженек, — говорит королевна, — мало одного тепла, надо, чтоб люди тебя уважали, чтоб добрые, на тебя глядя, радовались, а злые — завидовали... Пожелай-ка ты лучше стать умным да красивым, а счастье у тебя в руках; с умом сумеешь им и пользоваться как следует». «Ну-к что ж, — говорит дурак, — по щучьему веленью, по моему прошенью, пусть я красивым да умным буду!»

Только он это вымолвил, вдруг стал таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером описать — настоящий королевич. «Здравствуй, — говорит, — женушка моя дорогая, бого-

данная!» Обнялись они тут, поцеловались и повели между собою речи сладкие, радостные. Королевна на мужа наглядеться не может, не может наслушаться — что ни скажет, как рублем подарит; так-то все хорошо, разумно.

А корабль все плывет себе да плывет. Прошла ночь, загорелась заря утренняя; вышли молодые наверх из каюты, свежим ветерком вздохнуть, на ясное солнышко полюбоваться, глядь — а корабль к тому самому месту подходит, откуда выплыл. К королевскому стольному городу его назад ветром принесло.

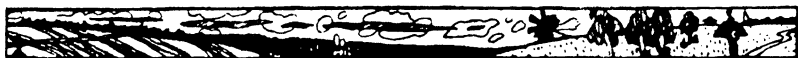
«Пойдем, муженек богоданный, батюшке поклонимся», — говорит королевна. «Нет, подожди, рано еще теперь, да и нам надо с дороги отдохнуть, своим домком обзавестись. По щучьему, — говорит, — веленью, по моему прошенью, стань на море против королевских хором для нас дворец лучше королевского, чтоб кругом были заморские сады посажены, на деревьях сидели бы птицы райские, пели песни царские, коты-баюны сказки сказывали, чтоб во дворце было богатое убранство и чтоб от него к королевским хоромам был хрустальный мост наведен».

Вмиг все исполнено.

Проснулся старый король, выглянул в окно. Что такое? Сияет на море золотой дворец, глядеть на него больно. «Узнать, — приказывает король, — чей дворец?» Сбежал министр и докладывает: «Иностранного королевича, и просит он ваше величество сегодня к нему откушать».

Королю любопытно, собрался ко времени, едет во дворец по хрустальному мосту со всеми при-

дворными, — а на золотом крыльце встречает его дочь-королевна с мужем. Удивился король: «Это кто же, дочка, с тобою?» Отвечает королевнин супруг: «Был Емеля-дурак, а теперь вашего королевского величества зять». И рассказал, как его королевна научила дурацкий вид с себя скинуть и какая у него сила.

Обрадовался старый король, брал дочь с зятем за белые руки, целовал в уста, и сели они за дубовые столы, за званый пир.

На том пиру и я был, мед-вино пил, по губам текло, а в рот не попало.

Говорила мне еще бабушка, эту сказку сказывавши, будто, когда помер старый король, стал королем на его место Емеля и что, будто, когда вспоминал он свое житье-бытье в дураках, говорил: «Хорошо мне тогда жилось: лучше красной шапки ничего на свете не знал. А теперь мне и моего королевства мало».

Окаменелое царство

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был солдат; служил он долго и безупречно, службу знал хорошо, на смотры, на ученья приходил чист и исправен. Стал последний год дослуживать — как на беду, невзлюбило его начальство, не только большое, да и малое: то и дело под палками отдувайся.

Тяжело стало солдату, и задумал он бежать; ранец через плечо, ружье на плечо и начал прощаться с товарищами, а те его спрашивать:

— Куда идешь? Аль батальонный требует?

— Не спрашивайте, братцы! Подтяните-ка ранец покрепче да лихом не поминайте!

И пошел он, добрый молодец, куда глаза глядят.

Много ли, мало ли шел — оказался в ином государстве, усмотрел часового и спрашивает:

— Нельзя ли где остановиться и отдохнуть?

Часовой сказал ефрейтору, ефрейтор — офицеру, офицер — генералу, генерал доложил самому королю. Король приказал позвать служивого перед свои светлые очи.

Вот явился солдат — как следует, при форме, сделал ружьем на караул и стал как вкопанный. Говорит ему король:

— Скажи мне по совести, откуда и куда идешь?

— Ваше королевское величество, не велите казнить, велите слово вымолвить.

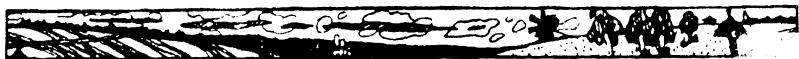
Признался во всем королю по совести и стал на службу проситься.

— Хорошо, — сказал король, — наймись у меня сад караулить. У меня теперь в саду неблагополучно — кто-то ломает мои любимые деревья, — так ты постарайся, сбереги его, а за труд дам тебе плату немалую.

Солдат согласился, стал в саду караул держать.

Год и два служит — все у него исправно; вот и третий год на исходе, пошел однажды сад оглядывать и видит: половина что ни есть лучших деревьев поломана.

«Боже мой! — думает сам с собою. — Вот какая беда приключилась! Как заметит это король, сейчас велит схватить меня и повесить».

Взял ружье в руки, прислонился к дереву и крепко-крепко призадумался.

Вдруг послышался треск и шум; очнулся добрый молодец, глядь — прилетела в сад огромная, страшная птица и ну валить деревья! Солдат выстрелил в нее из ружья, убить не убил, а только ранил ее в правое крыло; выпало из того крыла три пера, а сама птица по земле наутек пустилась. Солдат — за нею. Ноги у птицы быстрые, скорехонько добежала до провалища и скрылась из глаз.

Солдат не убоился и вслед за нею кинулся в то провалище: упал в глубокую-глубокую пропасть, отшиб себе все печенки и целые сутки лежал без памяти.

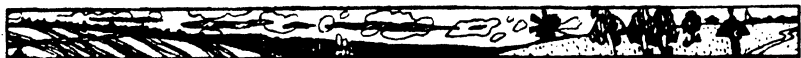
После опомнился, встал, осмотрелся. Что же? — и под землей такой же свет.

«Стало быть, — думает, — и здесь есть люди!»

Шел, шел — перед ним большой город, у ворот караульня, при ней часовой; стал его спрашивать — часовой молчит, не движется; взял его за руку — а он совсем каменный!

Вошел солдат в караульню. Народу много — и стоят и сидят, — только все окаменелые; пустился бродить по улицам — везде то же самое: нет ни единой живой души человеческой, все как есть камень! Вот и дворец — расписной, вырезной. Марш туда, смотрит — комнаты богатые, на столах закуски и напитки всякие, а кругом тихо и пусто.

Солдат закусил, выпил, сел было отдохнуть, и слышалось ему, словно кто к крыльцу подъехал; он схватил ружье и стал у дверей.

Входит в палату прекрасная царевна с мамками, с няньками. Солдат отдал ей честь, а она ему ласково поклонилась.

— Здравствуй, служивый! Расскажи, — говорит, — какими судьбами ты сюда попал?

Солдат начал рассказывать:

— Нанялся-де я царский сад караулить, и повадилась туда большая птица летать да деревья ломать. Вот я подстерег ее, выстрелил из ружья и выбил у ней из крыла три пера; бросился за ней в погоню и очутился здесь.

— Эта птица — мне родная сестра; много она творит всякого зла и на мое царство беду наслала — весь народ мой окаменила. Слушай же: вот тебе книжка, становись вот тут и читай ее с вечера до тех пор, пока петухи не запоют. Какие бы страсти тебе ни казались, ты знай свое — читай книжку да держи ее крепче, чтоб не вырвали, не то жив не будешь! Если прстоишь три ночи, то выйду за тебя замуж.

— Ладно! — отвечал солдат.

Только стемнело, взял он книжку и начал читать.

Вдруг застучало, загремело — явилось во дворец целое войско, подступили к солдату его прежние начальники и бранят его и грозят за побег смертью; вот уж и ружья заряжают, прицеливаются. Но солдат на то не смотрит, книгу из рук не выпускает, знай себе читает.

Закричали петухи — и все разом сгнуло!

На другую ночь страшней было, а на третью и того пуще: прибежали палачи с пилами, топорами, молотами, хотят ему кости дробить, жилы тянуть, на огне его жечь, а сами только и думают, как бы книгу из рук выхватить. Такие страсти были, что едва солдат выдержал.

Запели петухи — и наваждение сгнуло!

В тот самый час все царство ожило, по улицам и в домах народ засуетился, во дворец явилась царица с генералами, со свитой, и стали все благодарствовать солдату и величать его своим государем.

На другой день женился он на прекрасной царевне и зажил с нею в любви и радости.

Птичий язык

В одном городе жил купец с купчихой, и родился у них сын не по годам смышленный, назвали его Василием.

Раз как-то обедали они втроем; а над столом висел в клетке соловей и так жалобно пел, что купец не вытерпел и проговорил:

— Если б сыскался такой человек, который отгадал бы мне, что соловей распевает и какую судьбу предвещает, — кажись, при жизни бы отдал ему половину имения, да и по смерти отказал много добра.

А мальчик — ему было лет шесть тогда — посмотрел отцу с матерью в глаза и сказал:

— Я знаю, что соловей поет, да сказать боюсь.

— Говори без утайки! — пристали к нему отец с матерью.

И Вася со слезами вымолвил:

— Соловей предвещает, что придет пора-время, будете вы мне служить: отец станет воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать.

Слова эти больно огорчили купца с купчихою, и решились они сбыть свое детище; построили небольшую лодочку, в темную ночь положили в нее сонного мальчика и пустили в открытое море.

На ту пору вылетел из клетки соловей-вещун, прилетел в лодку и сел мальчику на плечо.

Вот плывет лодка по морю, а навстречу ей корабль на всех парусах летит. Увидал корабельщик мальчика, жалко ему стало, взял его к себе, расспросил про все и обещал держать и любить его, как родного сына.

На другой день говорит мальчик новому отцу:

— Соловей напевает, что подымется буря, поломает мачты, прорвет паруса; надо поворотить в становище.

Но корабельщик не послушался.

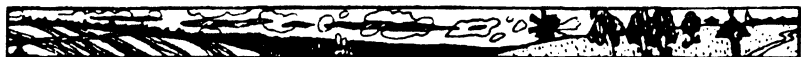
И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса.

Делать нечего, прошлого не воротишь; поставили новые мачты, поправили паруса и поплыли дальше. А Вася опять говорит:

— Соловей напевает, что навстречу идут двенадцать кораблей, все разбойничьих, во полон нас возьмут!

На тот раз корабельщик послушался, приворотил к острову и видел, как те двенадцать кораб-

лей, все разбойничьих, пробежали мимо. Выждал корабельщик сколько надобно и поплыл дальше.

Ни мало, ни много прошло времени, пристал корабль к городу Хвалынску; а у короля тех мест уже несколько годов перед дворцовыми окнами летают и кричат ворон с ворониhoю и вороненком, ни днем, ни ночью никому угомонu не дают.

Что ни делали, никакими хитростями не могут их от окошек отжить. И приказано было от короля прибить на всех перекрестках и пристанях такову грамоту: ежели кто сможет отжить от дворцовых окошек ворона с ворониhoю, тому король отдаст в награду полцарства своего и меньшую королевну в жены; а кто возьмется за такое дело, а дела не сделает, тому отрублена будет голова.

Много было охотников породниться с королем, да все головы свои под топор положили.

Узнал про то Вася, стал проситься у корабельщика:

— Позволь пойти к королю — отогнать ворона с ворониhoю.

Сколько ни уговаривал его корабельщик, никак не мог удержать.

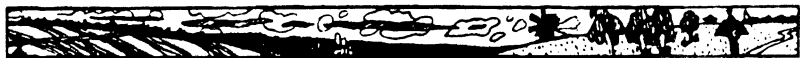
— Ну, ступай, — говорит, — да если что недоброе случится, на себя пеняй!

Пришел Вася во дворец, сказал королю и велел открыть то самое окно, возле которого воронье летало.

Послушал птичьего крику и говорит королю:

— Ваше величество, сами видите, что летают здесь трое: ворон, жена его ворониха и сын их вороненок; ворон с ворониhoю спорят, кому принадлежит сын — отцу или матери, и просят рас-

судить их. Ваше величество! Скажите, кому принадлежит сын?

Король говорит:

— Отцу.

Только сказал король это слово, ворон с вороненком полетели вправо, а ворониха — влево.

После того король взял мальчика к себе, и жил он при нем в большой милости и чести; вырос и стал молодец молодцом, женился на королевне и взял в приданое полцарства.

Вздумалось ему как-то поездить по разным местам, по чужим землям, людей посмотреть и себя показать; собрался и поехал странствовать.

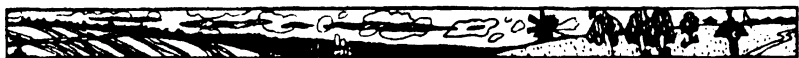
В одном городе остановился он ночевать; переночевал, встал поутру и велит, чтоб подали ему умываться.

Хозяин принес ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился с ними королевич и узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским; а после взял их с собою в город Хвалынск, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

Два Ивана — солдатских сына

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик. Пришло время — записали его в солдаты; оставляет он жену, стал с нею прощаться и говорит:

— Смотри, жена, живи хорошенько, добрых людей не смеши, домишка не разори, хозяйничай да меня жди; авось назад приду. Вот тебе пятьдесят рублей. Дочку ли, сына ли родишь — все равно сбереги деньги до возрасту: станешь дочь выдавать замуж — будет у нее приданое; а коли бог сына даст да войдет он в большие года — будет и ему в тех деньгах подспорье немалое.

Попрощался с женою и пошел в поход, куда было велено. Месяца три погода родила жена двух близнецов-мальчиков и назвала их Иванами — солдатскими сыновьями.

Пошли мальчики в рост; как пшеничное тесто на опаре, так кверху и тянутся. Стукнуло ребятам десять лет, отдала их мать в науку; скоро они научились грамоте и боярских и купеческих детей за пояс заткнули — никто лучше их не сумеет ни прочитать, ни написать, ни ответу дать.

Боярские и купеческие дети позавидовали и давай тех близнецов каждый день поколачивать да пощипывать.

Говорит один брат другому:

— Долго ли нас колотить да щипать будут? Матушка и то на нас платица не нашьется, шапочек не накупится; что ни наденем, всё товарищи в клочки изорвут! Давай-ка расправляться с ними по-своему.

И согласились они друг за друга стоять, друг друга не выдавать. На другой день стали боярские и купеческие дети задирать их, а они — полно терпеть! — как пошли сдачу давать. Всем досталось! Тотчас прибежали караульные, связали их, добрых молодцев, и посадили в острог.

Дошло то дело до самого царя; он призвал тех мальчигов к себе, расспросил про все и велел их выпустить.

— Они, — говорит, — не виноваты: не зачинщики!

Выросли два Ивана — солдатские дети и просят у матери:

— Матушка, не осталось ли от нашего родителя каких денег? Коли остались, дай нам: мы пойдем в город на ярмарку, купим себе по доброму коню.

Мать дала им пятьдесят рублей — по двадцати пяти на брата — и приказывает:

— Слушайте, детушки! Как пойдете в город, отдавайте поклон всякому встречному и поперечному.

— Хорошо, родимая!

Вот отправились братья в город, пришли на конную, смотрят — лошадей много, а выбрать не из чего; все не под стать им, добрым молодцам!

Говорит один брат другому:

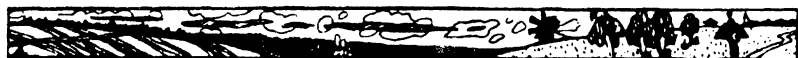
— Пойдем на другой конец площади; глядь-ка, что народу там толпится — видимо-невидимо!

Пришли туда, протолкались вперед — у дубовых столбов стоят два жеребца, на железных цепях прикованы: один на шести, другой на двенадцати; рвутся кони с цепей, удила кусают, роют землю копытами. Никто подойти к ним близко не смеет.

— Что твоим жеребцам цена будет? — спрашивает Иван — солдатский сын у хозяина.

— Не с твоим, брат, носом соваться сюда! Есть товар, да не по тебе, нечего и спрашивать.

— Почем знать, чего не ведаешь; может, и купим, надо только в зубы посмотреть.

Хозяин усмехнулся:

— Смотри, коли головы не жаль!

Тотчас один брат подошел к тому жеребцу, что на шести цепях был прикован, а другой брат — к тому, что на двенадцати цепях держался. Стали было в зубы смотреть — куда! Жеребцы поднялись на дыбы, так и храпят...

Братья ударили их коленками в грудь — цепи разлетелись, жеребцы на пять сажен отскочили, на землю попадали.

— Вот чем хвастался! Да мы этих клячей и даром не возьмем.

Народ ахает, дивуется: что за сильные богатыри появились! Хозяин чуть не плачет: жеребцы его поскакали за город и давай разгуливать по всему чистому полю; приступить к ним никто не решается, как поймать, никто не придумает.

Сжалились над хозяином Иваны — солдатские дети, вышли в чистое поле, крикнули громким голосом, молодецким посвистом — жеребцы прибежали и стали на месте словно вкопанные; тут надели на них добрые молодцы цепи железные, привели их к столбам дубовым и приковали крепко-накрепко. Справили это дело и пошли домой.

Идут путем-дорогою, а навстречу им седой старичок; позабыли они, что мать наказывала, и прошли мимо, не поклонились, да уж после один спохватился:

— Ах, братец, что ж это мы наделали? Ста-

ричку поклона не отдали; давай нагоним его да поклонимся.

Нагнали старика, сняли шапочки, кланяются в пояс и говорят:

— Прости нас, дедушка, что прошли не поздоровались. Нам матушка строго наказывала: кто б на пути ни встретился, всякому честь отдавать.

— Спасибо, добрые молодцы! Куда ходили?

— В город на ярмарку; хотели купить себе по доброму коню, да таких нет, чтоб нам пригодились.

— Как же быть? Нешто подарить вам по лошадке?

— Ах, дедушка, если подаришь, станем тебя вечно благодарить!

— Ну пойдете!

Привел их старик к большой горе, отворяет чугунную дверь и выводит богатырских коней:

— Вот вам и кони, добрые молодцы! Ступайте с богом, владейте на здоровье!

Они поблагодарили, сели верхом и поскакали домой.

Приехали на двор, привязали коней к столбу и вошли в избу. Начала мать спрашивать:

— Что, детушки, купили себе по лошадке?

— Купить не купили, даром получили.

— Куда же вы их дели?

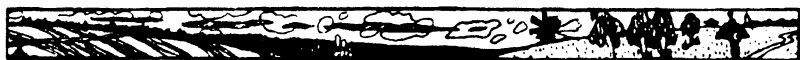
— Возле избы поставили.

— Ах, детушки, смотрите — не увел бы кто!

— Нет, матушка, не таковские кони: не то что увести — и подойти к ним нельзя!

Мать вышла, посмотрела на богатырских коней и залилась слезами:

— Ну, сынки, верно, вы не кормильцы мне.

На другой день просятся сыновья у матери:

— Отпусти нас в город, купим себе по сабельке.

— Ступайте, родимые!

Они собрались, пошли на кузницу; приходят к мастеру.

— Сделай, — говорят, — нам по сабельке.

— Зачем делать! Есть готовые, сколько угодно берите!

— Нет, брат, нам такие сабли надобны, чтоб по триста пудов весили.

— Эх, что выдумали! Да кто ж этакую махину ворочать будет? Да и горна такого во всем свете не найдешь!

Нечего делать — пошли добрые молодцы домой и головы повесили.

Идут путем-дорогою, а навстречу им опять тот же старичок попадает.

— Здравствуйте, молодые юноши!

— Здравствуй, дедушка!

— Куда ходили?

— В город, на кузницу, хотели купить себе по сабельке, да таких нет, чтоб нам по руке при-
шлись.

— Плохо дело! Нешто подарить вам по сабельке?

— Ах, дедушка, коли подаришь, станем тебя вечно благодарить!

Старичок привел их к большой горе, отворил чугунную дверь и вынес две богатырские сабли. Они взяли сабли, поблагодарили старика, и радостно, весело у них на душе стало!

Приходят домой, мать спрашивает:

— Что, детушки, купили себе по сабельке?

— Купить не купили, даром получили.

— Куда же вы их дели?

— Возле избы поставили.

— Смотрите, как бы кто не унес!

— Нет, матушка, не то что унести, даже увезти нельзя.

Мать вышла на двор, глянула — две сабли тяжелые, богатырские к стене приставлены, едва избушка держится! Залилась слезами и говорит:

— Ну, сынки, верно, вы не кормильцы мне.

Наутро Иваны — солдатские дети оседлали своих добрых коней, взяли свои сабли богатырские, приходят в избу, с родной матерью прощаются:

— Благослови нас, матушка, в путь-дорогу дальнюю.

— Будь над вами, детушки, мое нерушимое родительское благословение! Поезжайте с богом, себя покажите, людей посмотрите; напрасно никого не обижайте, а злым врагам не уступайте.

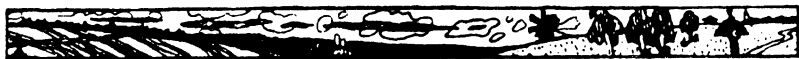
— Не бойся, матушка! У нас такова поговорка есть: еду — не свищу, а наеду — не спущу!

Сели добрые молодцы на коней и поехали.

Близко ли, далеко, долго ли, коротко — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — приезжают они на распутье, и стоят там два столба. На одном столбу написано: «Кто вправо поедет, тот царем будет»; на другом столбу написано: «Кто влево поедет, тот убит будет».

Остановились братья, прочитали надписи и призадумались: куда кому ехать? Коли обоим по

правой дороге пуститься — не честь, не хвала богатырской их силе, молодецкой удали; ехать одному влево — никому помереть не хочется!

Да делать-то нечего — говорит один из братьев другому:

— Ну, братец, я посильнее тебя; давай я поеду влево да посмотрю, от чего может мне смерть приключиться? А ты поезжай направо: авось бог даст — царем сделаешься!

Стали они прощаться, дали друг дружке по платочку и положили такой завет: ехать каждому своею дорогою, по дороге столбы ставить, на тех столбах про себя писать для зная, для ведома; всякое утро утирать лицо братниным платком: если на платке кровь окажется — значит, брату смерть приключилась; при такой беде ехать мертвого разыскивать.

Разъехались добрые молодцы в разные стороны.

Кто вправо коня пустил, тот добрался до славного царства. В этом царстве жил царь с царицею, у них была дочь царевна Настасья Прекрасная.

Увидал царь Ивана — солдатского сына, полюбил его за удаль богатырскую и, долго не думая, отдал за него свою дочь в супружество, назвал его Иваном-царевичем и велел ему управлять всем царством.

Живет Иван-царевич в радости, своей женою любит, в царстве порядок ведет да звериной охотой тешится.

В некое время стал он на охоту собираться, на коня сбрую накладывать и нашел в седле — два

пузырька с целящей и живой водою зашито; посмотрел на те пузырьки и положил опять в седло. «Надо, — думает, — поберечь до поры до времени; не ровен час — понадобятся».

А брат его Иван — солдатский сын, что левой дорогой поехал, день и ночь скакал без усталости.

Прошел месяц, и другой, и третий, и прибыл он в незнакомое государство — прямо в столичный город.

В том государстве печаль великая: дома черным сукном покрыты, люди словно сонные шатаются.

Нанял он себе самую худую квартиру у бедной старушки и начал ее выпрашивать:

— Расскажи, бабушка, отчего так в вашем государстве весь народ припечалился и все дома черным сукном завешены?

— Ах, добрый молодец! Великое горе нас обуяло: каждый день выходит из синего моря, из-за серого камня, двенадцатиглавый змей и поедает по человеку за единый раз, теперь дошла очередь до царя... Есть у него три прекрасные царевны; вот только сейчас повезли старшую на взморье — змею на съедение.

Иван — солдатский сын сел на коня и поскакал к синему морю, к серому камню; на берегу стоит прекрасная царевна — на железной цепи прикована.

Увидала она витязя и говорит ему:

— Уходи отсюда, добрый молодец! Скоро придет сюда двенадцатиглавый змей; я пропаду, да и тебе не миновать смерти: съест тебя лютый змей!

— Не бойся, красная девица, авось подавится.

Подошел к ней Иван — солдатский сын, ухватил цепь богатырской рукою и разорвал на мелкие части, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени.

— Я посплю, а ты на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается — тотчас разбуди меня, молодца.

Красная девица послушалась, стала на море смотреть.

Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору подымается.

Царевна разбудила Ивана — солдатского сына; он встал, только на коня вскочил, а уж змей летит:

— Ты, Иванушка, зачем пожаловал? Ведь здесь мое место! Прощайся теперь с белым светом да полезай поскорее сам в мою глотку — тебе ж легче будет!

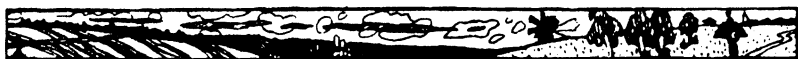
— Врешь, проклятый змей! Не проглотишь — подавишься! — ответил Иван, обнажил свою острую саблю, размахнулся, ударил и срубил у змея все двенадцать голов; поднял серый камень, головы положил под камень, туловище в море бросил, а сам воротился домой к старухе, наелся-напился, лег спать и проспал трое суток.

В то время призвал царь водовоза.

— Ступай, — говорит, — на взморье, собери хоть царевнины косточки.

Водовоз приехал к синему морю, видит — царевна жива, ни в чем невредима, посадил ее на телегу и повез в густой, дремучий лес; завез в лес и давай нож точить.

— Что ты делать собираешься? — спрашивает царевна.

— Я нож точу, тебя резать хочу!

Царевна заплакала:

— Не режь меня, я тебе никакого худа не сделала.

— Скажи отцу, что я тебя от змея избавил, так помилую!

Нечего делать — согласилась. Приехала во дворец; царь обрадовался и пожаловал того водовоза полковником.

Вот как проснулся Иван — солдатский сын, позвал старуху, дает ей денег и просит:

— Поди-ка, бабушка, на рынок, купи, что надобно, да послушай, что промеж людьми говорится: нет ли чего нового?

Старуха сбегала на рынок, закупила разных припасов, послушала людских вестей, воротилась назад и рассказывает:

— Идет в народе такая молва: был-де у нашего царя большой обед, сидели за столом королевичи и посланники, бояре и люди именитые; в те поры прилетела в окно каленая стрела и упала посеред зала, к той стреле было письмо привязано от другого змея двенадцатиглавого. Пишет змей: коли не вышлешь ко мне среднюю царевну, я твое царство огнем сожгу, пеплом развею. Нынче же повезут ее, бедную, к синему морю, к серому камню.

Иван — солдатский сын сейчас оседлал своего доброго коня, сел и поскакал на взморье. Говорит ему царевна:

— Ты зачем, добрый молодец? Пушай моя

очередь смерть принимать, горячую кровь проливать; а тебе за что пропадать?

— Не бойся, красная девица!

Только успел сказать, летит на него лютый змей, огнем палит, смертью грозит.

Богатырь ударил его острой саблей и отсек все двенадцать голов; головы положил под камень, туловище в море кинул, а сам домой вернулся, наелся-напился и опять залег спать на три дня, на три ночи.

Приехал опять водовоз, увидел, что царевна жива, посадил ее на телегу, повез в дремучий лес и принялся нож точить. Спрашивает царевна:

— Зачем ты нож точишь?

— А я нож точу, тебя резать хочу. Присягни на том, что скажешь отцу, как мне надобно, так я тебя помилую.

Царевна дала ему клятву, он привез ее во дворец; царь возрадовался и пожаловал водовоза генеральским чином.

Иван — солдатский сын пробудился от сна на четвертые сутки и велел старухе на рынок пойти да вестей послушать.

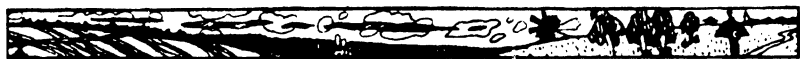
Старуха сбегала на рынок, воротилась назад и рассказывает:

— Третий змей появился, прислал к царю письмо, а в письме требует: вывози-де меньшую царевну на съедение.

Иван — солдатский сын оседлал своего доброго коня, сел и поскакал к синю морю.

На берегу стоит прекрасная царевна, на железной цепи к камню прикована. Богатырь ухва-

тил цепь, потряхнул и разорвал, словно гнилую бечевку; после прилег красной девице на колени:

— Я посплю, а ты на море смотри: как только туча взойдет, ветер зашумит, море всколыхается — тотчас разбуди меня, молодца.

Царевна начала на море глядеть... Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалось — из синя моря змей выходит, в гору подымается. Стала царевна будить Ивана — солдатского сына, толкала, толкала — нет, не просыпается; заплакала она слезно, и капнула горячая слеза ему на щеку; от того богатырь проснулся, подбежал к своему коню, а добрый конь уж на пол-аршина под собой земли выбил копытами.

Летит двенадцатиглавый змей, огнем так и пышет; взглянул на богатыря и воскрикнул:

— Хорош ты, пригож ты, добрый молодец, да не быть тебе живому, съем тебя, и с косточками!

— Врешь, проклятый змей, подавишься.

Начали они биться смертным боем; Иван — солдатский сын так быстро и сильно махал своей саблею, что она докрасна раскалилась, нельзя в руках держать! Возмолился он царевне:

— Спасай меня, красна девица! Сними с себя дорогой платочек, намочи в синем море и дай обернуть саблю.

Царевна тотчас намочила свой платочек и подала доброму молодцу. Он обернул саблю и давай рубить змея; срубил ему все двенадцать голов, головы те под камень положил, туловище в море бросил, а сам домой поскакал, наелся-напился и залег спать на трои сутки.

Царь посылает опять водовоза на взморье.

Приехал водовоз, взял царевну и повез в дремучий лес; вынул нож и стал точить.

— Что ты делаешь? — спрашивает царевна.

— Нож точу, тебя резать хочу! Скажи отцу, что я змея победил, так помилую.

Устрашил красную девицу, поклялась говорить по его словам.

А меньшая дочь была у царя любимая; как увидел ее живую, ни в чем невреждимую, он пуще прежнего возрадовался и захотел водовоза жаловать — выдать за него замуж меньшую царевну. Пошел про то слух по всему государству. Узнал Иван — солдатский сын, что у царя свадьба затевается, и пошел прямо во дворец, а там пир идет, гости пьют и едят, всякими играми забавляются.

Меньшая царевна глянула на Ивана — солдатского сына, увидала на его сабле свой дорогой платочек, выскочила из-за стола, взяла его за руку и говорит отцу:

— Государь-батюшка! Вот кто избавил нас от змея лютого, от смерти напрасныя; а водовоз только знал нож точить да приговаривать: я-де нож точу, тебя резать хочу!

Царь разгневался, тут же приказал водовоза повесить, а царевну выдал замуж за Ивана — солдатского сына, и было у них веселье великое. Стали молодые жить-поживать да добра наживать.

Пока все это деялось с братом Иваном — солдатским сыном, с Иваном-царевичем вот что случилось. Поехал он раз на охоту, и попался ему олень быстроногий.

Иван-царевич ударил по лошади и пустился за ним в погоню; мчался, мчался и выехал на широкий луг. Тут олень с глаз пропал. Смотрит царевич и думает, куда теперь путь направить? Глядь — на том лугу ручеек протекает, на воде две серые утки плавают.

Прицелился он из ружья, выстрелил и убил пару уток; вытащил их из воды, положил в сумку и поехал дальше.

Ехал, ехал, увидал белокаменные палаты, слез с лошади, привязал ее к столбу и пошел в комнаты. Везде пусто — нет ни единого человека, только в одной комнате печь топится, на шестке стоит сковородка, на столе прибор готов: тарелка, и вилка, и нож. Иван-царевич вынул из сумки уток, ощипал, вычистил, положил на сковороду и сунул в печку; зажарил, поставил на стол, режет да ест.

Вдруг, откуда ни возьмись, является к нему красная девица — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, — и говорит ему:

— Хлеб-соль, Иван-царевич!

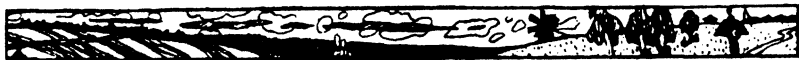
— Милости просим, красная девица! Садись со мной кушать.

— Я бы села с тобой, да боюсь: у тебя конь волшебный.

— Нет, красная девица, не узнала! Мой волшебный конь дома остался, я на простом приехал.

Как услышала это красная девица, тотчас начала дуться, надулась и сделалась страшною львицею, разинула пасть и проглотила царевича

целиком. Была то не простая девица, была то родная сестра трех змеев, что побиты Иваном — солдатским сыном.

Вздумал Иван — солдатский сын про своего брата; вынул платок из кармана, утерся, смотрит — весь платок в крови. Сильно он запечалился:

— Что за притча! Поехал мой брат в хорошую сторону, где бы ему царем быть, а он смерть получил!

Отпросился у жены и тестя и поехал на своем богатырском коне разыскивать брата, Ивана-царевича.

Близко ли, далеко, скоро ли, коротко — приезжает в то самое государство, где его брат проживал; расспросил про все и узнал, что поехал-де царевич на охоту, да так и сгинул — назад не бывал.

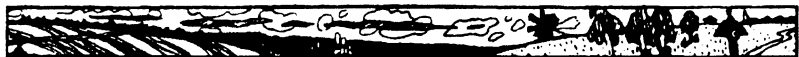
Иван — солдатский сын той же самой дорогою поехал охотиться; попадаетеся и ему олень быстروногий. Пустился богатырь за ним в погоню. Выехал на широкий луг — олень с глаз пропал; смотрит — на лугу ручеек протекает, на воде две утки плавают. Иван — солдатский сын застрелил уток, приехал в белокаменные палаты и вошел в комнаты. Везде пусто, только в одной комнате печь топится, на шестке сковородка стоит. Он зажарил уток, вынес на двор, сел на крылечке, режет да ест.

Вдруг является к нему красная девица:

— Хлеб-соль, добрый молодец! Зачем на дворе ешь?

Отвечает Иван — солдатский сын:

— Да в горнице неохотно, на дворе веселей будет! Садись со мною, красная девица!

— Я бы с радостью села, да боюсь твоего коня волшебного.

— Полно, красавица! Я на простой лошаденке приехал.

Она и поверила и начала дуться, надулась страшною львицею и только хотела проглотить доброго молодца, как прибежал его волшебный конь и обхватил ее богатырскими ногами.

Иван — солдатский сын обнажил свою саблю острую и крикнул зычным голосом:

— Стой, проклятая! Ты проглотила моего брата Ивана-царевича! Выкинь его назад, не то изрублю тебя на мелкие части.

Львица и выкинула Ивана-царевича: сам-то он мертвый.

Тут Иван — солдатский сын вынул из седла два пузырька с водою целящею и живой; взбрызнул брата целящей водою — плоть-мясо срастается; взбрызнул живой водой — царевич встал и говорит:

— Ах, как же долго я спал!

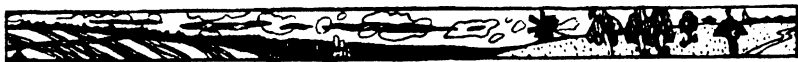
Отвечает Иван — солдатский сын:

— Век бы тебе спать, если б не я!

Потом берет свою саблю и хочет рубить львице голову; она обернулась душой-девицей, такою красавицей, что и рассказать нельзя, начала слезно плакать и просить прощения. Глянул на ее красу неописанную, смиловался Иван — солдатский сын и пустил ее на волю вольную.

Приехали братья во дворец, сотворили трехдневный пир; после попрощались; Иван-царевич

остался в своем государстве, а Иван — солдатский сын поехал к своей супруге и стал с нею проживать в любви и согласии.

Семь Симеонов

Жил-был старик со старухой. Пришел час: мужик помер. Осталось у него семь сыновей-близнецов, что по прозванию семь Симеонов.

Вот они растут да растут, все один в одного и лицом и статью, и каждое утро выходят пахать землю все семеро.

Случилось так, что тою стороною ехал царь: видит с дороги, что далеко в поле пахут землю как на барщине — так много народу! — а ему ведомо, что в той стороне нет барской земли.

Вот посылает царь своего конюшего узнать, что за люди такие пахут, какого роду и звания, барские или царские, дворовые ли какие, или наемные?

Приходит к ним конюший, спрашивает:

— Что вы за люди такие есть, какого роду и звания?

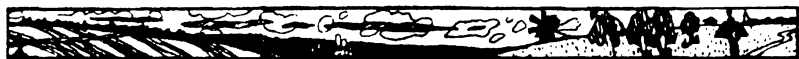
Отвечают ему:

— А мы такие люди, мать родила нас семь Симеонов, а пашем мы землю отцову и дедину.

Воротился конюший и рассказал царю все, как слышал. Удивляется царь.

— Такого чуда не слыхивал я! — говорит он и

тут же посылает сказать семи Симеонам, что он ждет их к себе в терем на услуги и посылки.

Собрались все семеро и приходят в царские палаты, становятся в ряд.

— Ну, — говорит царь, — отвечайте: к какому мастерству кто способен, какое ремесло знаете?

Выходит старший.

— Я, — говорит, — могу сковать железный столб сажон в двадцать вышиною.

— А я, — говорит второй, — могу уставить его в землю.

— А я, — говорит третий, — могу взлезть на него и осмотреть кругом далеко-далеко все, что по белому свету творится.

— А я, — говорит четвертый, — могу срубить корабль, что ходит по морю, как по суху.

— А я, — говорит пятый, — могу торговать разными товарами по чужим землям.

— А я, — говорит шестой, — могу с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плавать под водою и вынырнуть где надо.

— А я — вор, — говорит седьмой, — могу добыть, что приглядится иль полюбится.

— Такого ремесла я не терплю в своем царстве-государстве, — ответил сердито царь последнему, седьмому Симеону, — и даю тебе три дни сроку выбираться из моей земли куда тебе любо; а всем другим шестерым Симеонам приказываю остаться здесь.

Пригорюнился седьмой Симеон: не знает, как ему быть и что делать.

А царю была по сердцу красавица царевна,

что живет за горами, за морями. Вот бояре, воеводы царские и вспомнили, что седьмой Симеон, мол, пригодится и, может быть, сумеет привезти чудную царевну, и стали они просить царя оставить Симеона.

Подумал царь и позволил ему остаться.

Вот на другой день царь собрал бояр своих и воевод и весь народ, приказывает семи Симеоном показать свое уменье.

Старший Симеон, недолго мешкая, сковал железный столб в двадцать сажон вышиною. Царь приказывает своим людям уставить железный столб в землю, но как ни бился народ, не мог его уставить.

Тогда приказал царь второму Симеоу уставить железный столб в землю. Симеон второй, недолго думая, поднял и упер столб в землю.

Затем Симеон третий взлез на этот столб, сел на маковку и стал глядеть кругом далече, как и что творится по белу свету; и видит синие моря, на них, как пятна, мреют корабли, видит села, города, народа тьму, но не примечает той чудной царевны, что полюбилась царю. И стал пуще глядеть во все виды и вдруг заприметил: у окна в далеком тереме сидит красавица царевна, румяна, белолица и тонкокожа: видно, как мозги переливаются по косточкам.

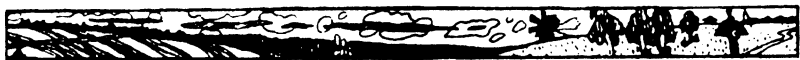
— Видишь? — кричит ему царь.

— Вижу.

— Слезай же поскорее вниз и доставай царевну, как там знаешь, чтоб была мне во что бы ни стало!

Собрались все семеро Симеонов, срубили ко-

рабль, нагрузили его всяким товаром, и все вместе поплыли морем доставать царевну по-за сизыми горами, по-за синими морями.

Едут, едут между небом и землей, пристают к неведомому острову у пристани.

А Симеон меньшой взял с собою в путь сибирского кота ученого, что может по цепи ходить, вещи подавать, разны немецки штуки выкидывать.

И вышел меньшой Симеон с своим котом с сибирским, идет по острову, а братьев просит не сходить на землю, пока он сам не придет назад.

Идет по острову, приходит в город и на площади пред царевниным теремом забавляется с котом ученым и сибирским: приказывает ему вещи подавать, через плетку скакать, немецкие штуки выкидывать.

На ту пору царевна сидела у окна и завидела неведомого зверя, какого у них нет и не водилось отродясь. Тотчас же посылает прислужницу свою узнать, что за зверь такой и продажный али нет? Слушает Симеон красную молодку, царевнину прислужницу, и говорит:

— Зверь мой — кот сибирский, а продавать — не продаю ни за какие деньги, а коли крепко кому он полюбится, тому подарить — подарю.

Так и рассказала прислужница своей царевне, а царевна снова подсылает свою молодку к Симеону-вору:

— Крепко, мол, зверь твой полюбился!

Пошел Симеон во терем царевнин и принес ей в дар кота своего сибирского; просит только за

это пожить в ее тереме три дни и отведать царского хлеба-соли, да еще прибавил:

— Научить тебя, прекрасная царевна, как играть и забавляться с неведомым зверем, с сибирском котом?

Царевна позволила, и Симеон остался ночевать в царском тереме.

Пошла весть по палатам, что у царевны завелся дивный неведомый зверь; собрались все: и царь, и царица, и царевичи, и царевны, и бояре, и воеводы, — все глядят, любуются не налюбуются на веселого зверя, ученого кота. Все желают достать и себе такого и просят царевну; но царевна не слушает никого, не дарит никому своего сибирского кота, гладит его по шерсти шелковой, забавляется с ним день и ночь, а Симеона приказывает поить и угощать вволю, чтоб ему было хорошо.

Благодарит Симеон за хлеб-соль, за угощение и за ласки и на третий день просит царевну пожаловать к нему на корабль, поглядеть на устройство его и на разных зверей, виданных и невиданных, ведомых и неведомых, что привез он с собою.

Царевна спросилась у батюшки-царя и вечером с прислужницами и няньками пошла смотреть корабль Симеона и зверей его, виданных и невиданных, ведомых и неведомых.

Приходит, у берега поджидает ее Симеон меньшой и просит царевну не прогневаться и оставить на земле няnek и прислужниц, а самое пожаловать на корабль:

— Там много зверей разных и красивых; ка-

кой тебе полюбится, тот и твой! А всех одарить, кому что полюбится, — и нянек, и прислужниц — не можем.

Царевна согласна и приказывает нянькам да прислужницам подождать ее на берегу, а сама идет за Симеоном на корабль глядеть дива дивные, зверей чудных.

Как взошла — корабль и отплыл, и пошел гулять по синему морю.

Царь ждет не дождется царевны. Приходят няньки и прислужницы, плачутся, рассказывая свое горе. И распалился гневом царь, приказывает сейчас же устроить погоню.

Снарядили корабль, и погнался царский корабль за царевной. Чуть мреет далече — плывет корабль Симеонов и не ведает, что за ним царская погоня летит — не плывет! Вот уж близко!

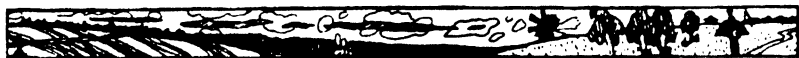
Как увидали семь Симеонов, что погоня уж близко — вот-вот догонит! — нырнули и с царевной и с кораблем. Долго плыли под водой и поднялись наверх тогда, как близко стало до родной земли.

А царская погоня плавала три дня, три ночи; ничего не нашла, с тем и возвратилась.

Приезжают семь Симеонов с прекрасной царевной домой, глядь — на берегу высыпало народу, что гороху, премногое множество! Сам царь поджидает у пристани и встречает гостей заморских, семерых Симеонов с прекрасной царевной, с радостью великою.

Как сошли они на берег, народ стал кричать и шуметь, а царь поцеловал царевну во уста сахарные, повел во палаты белокаменные, посадил за

столы дубовые, скатерти браные, угостил всякими напитками медовыми и наедками сахарными и вскорости отпраздновал свадьбу с душою-царевной — и было веселье и большой пир, что на весь крещеный мир!

А семи Симеонам дал волю по всему царству-государству жить да поживать привольно, торговать беспошлинно, владеть землей жалованной безобидно; всякими ласками обласкал и домой отпустил с казной на разживу.

Была и у меня клячонка — восковые плечонки, плеточка гороховая. Вижу: горит у мужика овин; клячонку я поставил, пошел овин заливать. Покуда овин заливал, клячонка растаяла, плеточку вороны расклевали. Торговал кирпичом, остался ни при чем; был у меня шлык, под воротню шмыг, да колешко сшиб, и теперь больно. Тем и сказке конец!

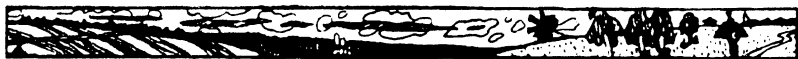
Василиса Прекрасная

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу.

Отдала ей и сказала:

— Слушай, Василисушка! Помни и исполни

последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу. Береги ее всегда при себе и никому не показывай, а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она — и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву приплась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе, — стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела, — совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая:

— На, куколка, покушай, моего горя послу-

шай! Живу я в доме у батюшки — не вижу себе никакой радости. Злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

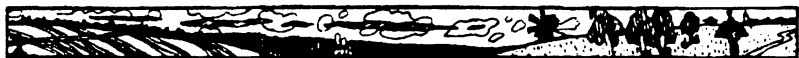
Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет. Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присвадываются к Василисе, на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: «Не выдам меньшей прежде старших!» — а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-яга. Никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису

прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, а сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке. Одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно, и потушила свечку.

— Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к Бабе-яге!

— Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево. — Я не пойду!

— И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок, — мне от спиц светло!

— Тебе за огнем идти, — закричали обе, — ступай к Бабе-яге! — и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

— На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к Бабе-яге. Баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки.

— Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у Бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо нее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним

белый и сбруя на коне белая, — на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, — стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка Бабы-яги. Забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами. Вместо верей [столбов] у ворот — ноги человеечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне. Подскакал к воротам Бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, — настала ночь. Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели, выехала из лесу Баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

— Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

— Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе.

— Хорошо, — сказала Баба-яга, — знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и

дам тебе огня, а коли нет, так я тебя съем! — Потом обратилась к воротам и вскрикнула: — Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь, ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и Баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось.

Войдя в горницу, Баба-яга растянулась и говорит Василисе:

— Подавай-ка сюда, что там есть в печи; я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать Бабе-яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять. Из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины.

Стала Баба-яга спать ложиться и говорит:

— Когда завтра я уеду, ты смотри — двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь да пойди в закром, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки. Да чтоб все было сделано, а не то — съем тебя!

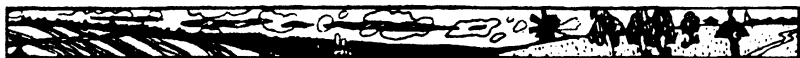
После такого наказа Баба-яга захрапела, а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне Баба-яга работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню. Помоги мне!

Кукла ответила:

— Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужи-

най, помолися да спать ложися: утро мудреней вечера!

Ранешенько проснулась Василиса, а Баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают. Вот мелькнул белый всадник — и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник — взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом Бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки.

— Ах ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколке. — Ты от беды меня спасла!

— Тебе осталось только обед состряпать, — отвечала куколка, влезая в карман Василисы, — состряпай с богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет Бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник — и совсем стемнело, только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья — едет Баба-яга. Василиса встретила ее.

— Все ли сделано? — спрашивает Баба-яга.

— Изволь посмотреть сама, бабушка! — молвила Василиса.

Баба-яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

— Ну, хорошо! — Потом крикнула: — Верные

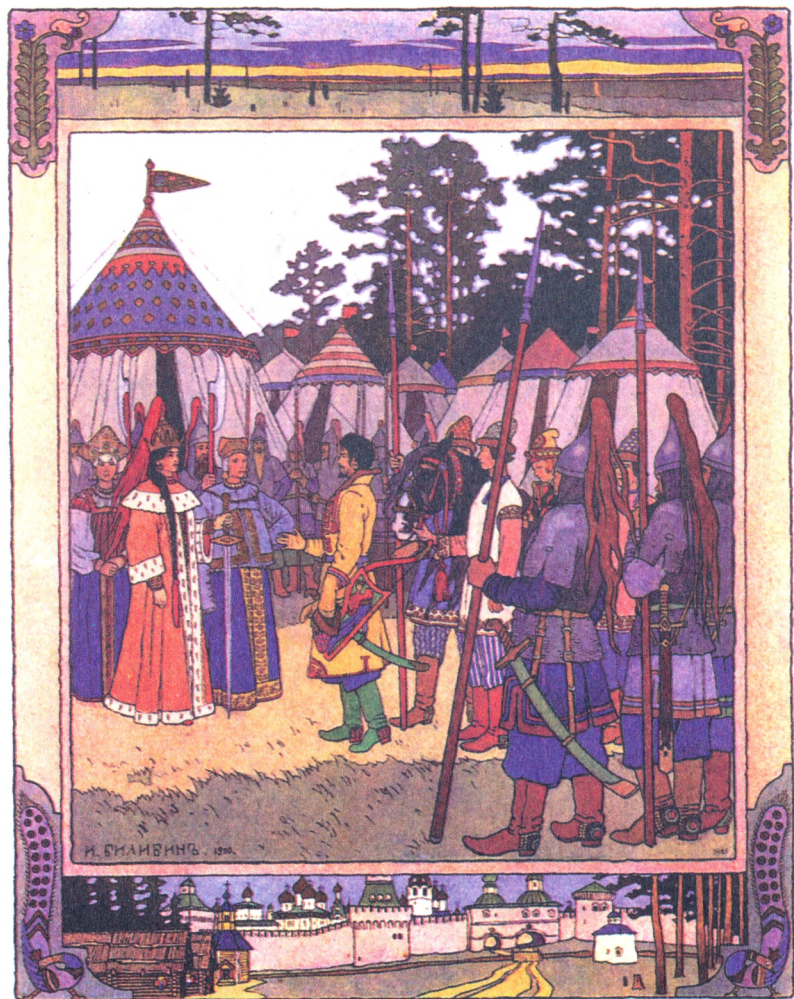

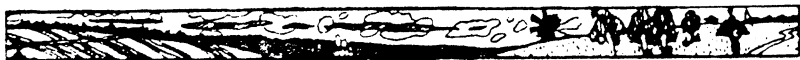

мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

— Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку: вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

— Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро Баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула:

— Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча.

— Что ж ты ничего не говоришь со мною? — сказала Баба-яга. — Стоишь как немая!

— Не смела, — отвечала Василиса, — а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

— Спрашивай, только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать — скоро состаришься!

— Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела. Когда я шла к тебе, меня обо-

гнал всадник на белом коне, сам белый — и в белой одежде. Кто он такой?

— Это день мой ясный! — отвечала Баба-яга.

— Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет. Это кто такой?

— Это мое солнышко красное, — отвечала Баба-яга.

— А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

— Это ночь моя темная — всё слуги мои верные!

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала.

— Что ж ты еще не спрашиваешь? — молвила Баба-яга.

— Будет с меня и этого, сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состаришься!

— Хорошо, — сказала Баба-яга, — что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

— Мне помогает благословение моей матери, — отвечала Василиса.

— Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных!

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

— Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его: они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, — думает себе, — уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг слышался глухой голос из черепа:

— Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня. Сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу.

— Авось твой огонь будет держаться! — сказала мачеха.

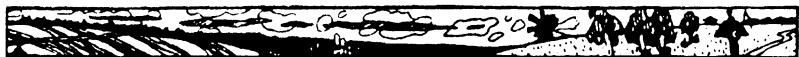
Внесли череп в горницу, а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят. К утру совсем сожгло их в уголь, одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке. Живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

— Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего, я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего. Василиса се-

ла за дело — работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, а таких берд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

— Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы: я все тебе смастерю.

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

— Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

— Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому. Понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам, да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

— Что тебе, старушка, надобно?

— Ваше царское величество, — отвечает старуха, — я принесла диковинный товар. Никому, кроме тебя, показать не хочу.

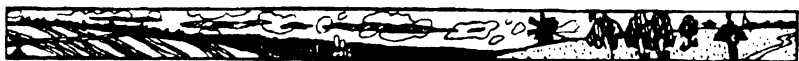
Царь приказал впустить к себе старуху и, как увидел полотно, — вздивовался.

— Что хочешь за него? — спросил царь.

— Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с по-

дарками. Стали царю из того полотна сорочки шить. Вскроили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали. Наконец, царь позвал старуху и сказал:

— Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

— Не я, государь, пряла и соткала полотно, — сказала старуха, — это работа приемыша моего — девушки.

— Ну, так пусть и сошьет она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе.

— Я знала, — говорит ей Василиса, — что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу. Шила она, не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга, вошел в горницу и говорит:

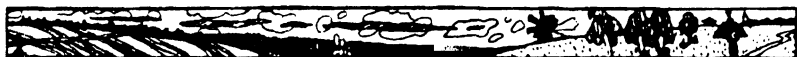
— Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти.

— Нет, — говорит он, — красавица моя! Не расстанусь я с тобою, ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее

судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Никита Кожемяка

В старые годы появился невдалеке от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильнее. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

— Есть, — говорит змей, — в Киеве Никита Кожемяка — тот меня сильнее.

Как ушел змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить выручить их дочку из тяжелой неволи.

В ту пору мял Кожемяка разом двенадцать во-

ловьих кож. Как увидел Никита царя — испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошел.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот — осиротил их лютый змей, — и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насмолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

— Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! — сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

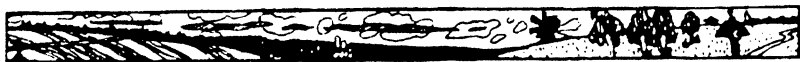
Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

— Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я — в другой.

— Хорошо, — сказал Никита. — Надо же прежде межу проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева межу прокладывать, бо-

розду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

— Землю мы разделили — теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить — вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

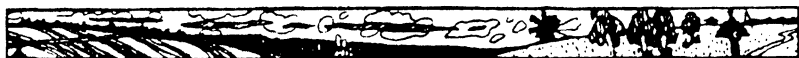
Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени на две высоту. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

Фома Беренников

В некотором царстве-государстве жил-был мужик Фомка Беренников — такой сильный да дородный, что если пролетит мимо воробей да зацепит его крылом, так он и с ног свалится!.. Стал он на пашню сбираться, а лошаденка у него была дрянная, на работе замученная; натерло ей хомутом шею до крови, и облепили ее слепни да мухи видимо-невидимо! Фомка подошел, как ударит ладонью — одним махом сто побивахом! — и говорит:

— Ох, да я сам богатырь! Не хочу пахать, хочу воевать!

Соседи над ним смеются:

— Куда тебе, дураку, воевать; тебе впору свиньям корм давать!

Не тут-то было: назвался Фомка богатырем, взял тупицу и косарь, что лучину скепают, надел на себя старый кафтан да высокий яломок, сел на свою клячу и поехал в чистое поле ступою бредучею. В чистом поле врыл в землю столб и написал на нем:

«Еду сражаться в иные города — одним махом сто побивахом!»

Только что успел отъехать с места, прискакали к столбу два могучих богатыря, прочитали надпись и говорят:

— Что за богатырь такой! Куда он поехал? Скоку молодецкого не слышно, следу богатырского не видно!

Кинулись за ним по дороге; увидал их Фомка и спрашивает:

— Вы кто таковы?

— Мир тебе, добрый человек! Мы — сильномогучие богатыри.

— А по сколько голов сразу рубите?

Один говорит:

— По пяти.

Другой:

— По десятку.

— Какие ж вы сильномогучие богатыри?.. Вот я так богатырь: одним махом сто побивахом!

— Прими нас в товарищи, будь нам старший брат.

— Пожалуй, — говорит Фомка, — поезжайте сзади.

Пристроились к нему сильномогучие богатыри и отправились все вместе в заповедные луга царские. Приехали, сами легли отдых взять, а лошадей пустили шелкову траву щипать.

Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — усмотрел их царь.

— Что, — говорит, — за невежи такие в моих лугах прохлаждаются? Доселева тут ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, а теперь гости пожаловали!

Сейчас собрал войско великое и дает приказ очистить свои луга заповедные.

Идет сила-рать несметная; увидали могучие богатыри, доложили про то названому старшему брату, а он им в ответ:

— Ступайте-ка, переведайтесь, а я посмотрю — какова ваша храбрость есть?

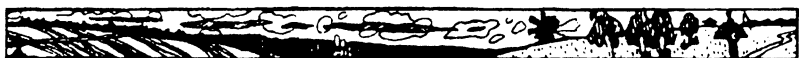
Вот они сели на своих богатырских коней, припустили их на войско вражее, полетели как ясные соколы на стадо голубей, притоптали, прирубил всех до единого.

«Дело-то не ладно!» — думает царь; опять собирает войско великое, чуть не вдвое больше прежнего, а впереди всего войска посылает силача-великана: голова что пивной котел, лоб что твоя заслонка, а сам что гора!

Сел Фомка на свою клячу, выехал навстречу и говорит великану:

— Ты — сильномогучий богатырь, и я — таков же! Не честь не хвала будет нам, добрым молодцам, коли станем сражаться не поздоровав-

шись! Наперед надо друг другу поклон отдать, а потом и в бой вступать.

— Ладно! — отвечает великан.

Разъехались они и стали кланяться. Пока великан наклонил свою голову, прошло полчаса времени; а другие полчаса надо, чтобы поднять ее.

Фомка мал, да удал, не захотел дожидаться, хватил косарем раз-другой, и полетела голова с плеч долой.

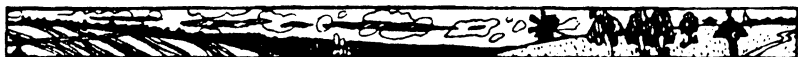
Войско дрогнуло и рассыпалось в разные стороны; а Фомка взобрался на богатырского коня, давай нагонять да конем топтать. Нечего делать, покорился царь: послал звать к себе сильномогучего богатыря Фому Беренникова и двух меньших его братьев. Угостил их, учествовал на славу, выдал за Фомку дочь свою царевну и дал полцарства в приданое.

Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — подступает под то царство басурманский король с силами несметными, требует дани-откупу великого. Не захотел царь платить дани-откупу великого, нарядил свое войско храброе, поставил зятя начальником и накрепко приказал, чтобы все на Фомку смотрели: что он станет делать, и они б то же делали.

Снялся Фомка и поехал сражаться.

Едет он лесом, войско за ним. Он срубил себе березку, и солдаты срубили себе по березке. Пришли к глубокой реке — мосту нет, а обходу двести верст; Фомка бросил свою березку в воду, и солдаты побросали свои туда же, запрудили реку и перешли на другую сторону.

Басурманский король засел в крепком городе. Фомка остановился перед тем городом, развел костер, разделся весь догола — сидит да греется; солдаты увидали, тотчас же насобирали хворосту, нарубили поленьев, запалили костры по всему чистому полю.

— Закусить бы надо! — сказал Фомка Береников, вытащил из сумки сдобную лепешку и стал уписывать.

Откуда ни возьмись — прибежала собака, вырвала лепешку и давай бог ноги! Фомка ухватил горячую головешку и как был голый — так и пустился за нею: во всю прыть бежит да во все горло кричит:

— Держите! Держите!

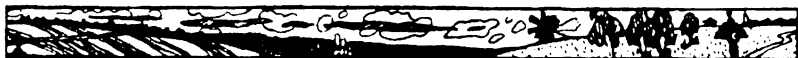
Глядя на него, и солдаты сидели у огня голые, а тут повскакивали, схватили горячие головешки и побежали вслед за ним.

Собака-то была королевская, бросилась прямо в город да во дворец; Фомка за собакою, солдаты за Фомкою: все, что ни попадет под руку, жгут и палят без пощады.

Поднялась в городе суматоха; король не знает, что делать с испугу, стал просить замирения. Фомка на то не согласен; взял короля в плен и покорил все его королевство.

Воротился из походу — царь встретил его с большим почетом: музыка заиграла, колокола зазвонили, пушки грохнули, и пошел пир на весь мир! И я там был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало; ел я капусту, а в брюхе-то пусто...

Хитрая наука

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам — авось возьмет кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег.

Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повел сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда:

— Что, старичок, пригорюнился?

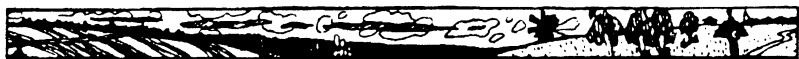
— Как мне не пригорюниться! — сказал дед. — Вот водил, водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!

— Ну так отдай его мне, — говорит встречный, — я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь, придешь вовремя да узнаешь своего сына — возьмешь его назад, а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет мало-го? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не зна-

ет, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошел в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сровняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить и как его узнавать.

— У хозяина моего не я один в науке. Есть, — говорит, — еще одиннадцать работников, навсегда при нем остались — оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нем двенадцатым. Завтра, как придешь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажи на того голубя, что повыше всех.

После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону, и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечайка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажи на меня.

Рассказал все это, распростился с отцом и пошел из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

Поутру дед встал, собрался и пошел за сыном. Приходит к колдуну.

— Ну, старик, — говорит колдун, — выучил твоего сына всем хитростям. Только если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны — и говорит:

— Узнавай, старик, своего сына!

— Как узнавать-то, ишь все ровны!

Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка! — рассказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все как один, и гривы на одну сторону.

Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

— Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

— Нет еще, погоди маленько.

Да как увидал, что один жеребец топнул правую ногу, сейчас показал на него:

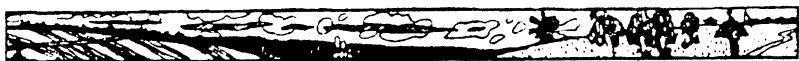
— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошел мимо молодцев — ничего не заметил, в другой прошел — тоже ничего, а как проходил в третий раз — увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

Вот, делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

— Батюшка, — говорит сын, — я сейчас сделаюсь собачкою. Барин станет покупать меня, а ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да и в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою.

Барин увидал, что старик ведет собачку, начал ее торговать: не так ему собачка показалась, как ошейник хорош. Барин дает за нее сто рублей, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублей.

Только стал было дед снимать ошейник, — куда! — барин и слышать про то не хочет, упирается.

— Я ошейника не продавал, — говорит дед, — я продал одну собачку.

А барин:

— Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник.

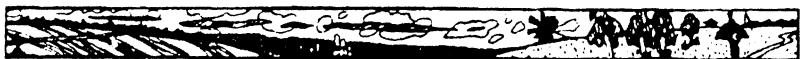
Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал ее с ошейником.

Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошел домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг, откуда ни возьмись, бежит навстречу заяц.

«Что, — думает барин, — али выпустить собачку за зайцем да посмотреть ее прыти?»

Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую — и убежала в лес.

Ждал, ждал ее барин, не дождался и поехал ни при чем.

А собачка оборотилась добрым молодцем.

Дед идет дорогою, идет широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал! А сын уж нагнал его.

— Эх, батюшка! — говорит. — Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

— Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь!

Ударился оземь, сделался птичкою; старик посадил ее в клетку и понес продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалася!

Пришел и колдун, тотчас признал деда и догадался, что у него за птица в клетке сидит. Тот дает дорого, другой дает дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдает; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берет!

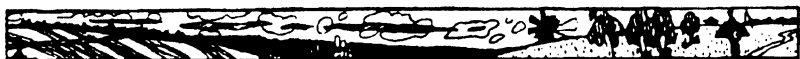
Взял одну птичку, завернул в платок и понес домой!

— Ну, дочка, — говорит дома, — я купил нашего шельмеца!

— Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет: улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

— Батюшка! Я обернусь нынче лошадью; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадью; повел ее дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, все барышники: тот дает дорого, другой дает дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдает.

— Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает колдун. — Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Провал лошадь — провал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привел коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают.

— Ну, дочка, — рассказывает опять колдун, — вот когда купил так купил нашего шельмеца!

— Где же он?

— На конюшне стоит.

Дочь побежала смотреть; жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел версты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

— Батюшка, — говорит, — прости! Конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался

серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит...

Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом — и бултых в воду, а волк за ним щукою...

Ерш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги.

Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком.

— Отдай, — пристаёт к ней, — мое золотое кольцо.

— Бери! — говорит девица и бросила кольцо наземь.

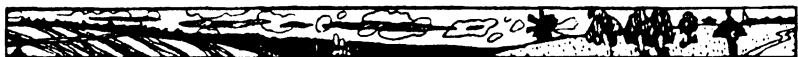
Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зернами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал, одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб.

Тем сказке конец, а мне меду корец.

Марья Моревна

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич. У него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна.

Отец и мать у них померли. Умирая, они сыну наказывали:

— Кто первый за сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго.

Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять.

Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит Иван-царевич.

Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол. Ударился сокол об пол, сделался добрым молодцем и говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать.

— Коли люб ты сестрице, я ее не держу — пусть идет.

Марья-царевна согласилась. Сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало. Пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Пойдемте, сестрицы, домой, — говорит царевич.

Только пришли во дворец — как ударил гром, распалась крыша, раздвоился потолок, и влетел орел. Ударился орел об пол и сделался добрым молодцем.

— Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ездил, а теперь пришел сватом.

И посватал Ольгу-царевну.

Отвечает Иван-царевич:

— Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет, я с нее воли не снимаю.

Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж. Орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год. Говорит Иван-царевич своей младшей сестрице:

— Пойдем, во зеленом саду погуляем.

Погуляли немножко. Опять встает туча с вихрем, с молнией.

— Вернемся, сестрица, домой!

Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон. Ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем. Прежние были хороши собой, а этот еще лучше.

— Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом: отдай за меня Анну-царевну.

— Я с сестрицы воли не снимаю. Коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя.

Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один. Целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно.

— Пойду, — говорит, — искать сестриц.

Собрался в дорогу, шел, шел и видит: лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич:

— Коли есть тут жив человек, отзовись: кто побил это войско великое?

Отозвался ему жив человек:

— Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна.

Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна:

— Здравствуй, царевич. Куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?

Отвечает ей Иван-царевич:

— Добрые молодцы по неволе не ездят.

— Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах.

Иван-царевич тому и рад: две ночи в шатрах ночевал. Полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его с собой в свое государство. Пожили они вместе столько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться. Покидает она на Ивана-царевича все хозяйство и приказывает:

— Везде ходи, за всем присматривай, только в этот чулан не заглядывай.

Он не вытерпел: как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован.

Просит Кощей у Ивана-царевича:

— Сжался надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — совсем в горле пересохло.

Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил:

— Мне одним ведром не залить жажды. Дай еще!

Царевич подал другое ведро. Кощей выпил и запросил третье; а как выпил третье ведро, взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал.

— Спасибо, Иван-царевич, — сказал Кощей Бессмертный, — теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих.

И страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и унес к себе.

А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну».

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец. У дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Ах, шурин мой любезный!

Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье спрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит:

— Не могу у вас гостить долго: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну.

— Трудно тебе сыскать ее, — отвечает сокол. — Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать.

Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего

видит дворец еще лучше первого. Возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит.

Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Вставай, Ольга-царевна, милый наш братец идет!

Ольга-царевна тотчас прибежала, стала его целовать, обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Дольше гостить мне некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королеву.

Отвечает орел:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь у нас серебряную вилку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух. Возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал:

— Анна-царевна, поскорей выходи, наш братец идет!

Выбежала Анна-царевна, встретила его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать.

Иван-царевич погостил у них три денька и говорит:

— Прощайте. Пойду жену искать, Марью Моревну, прекрасную королевну.

Отвечает ворон:

— Трудно тебе сыскать ее. Оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать.

Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий добрался до Марьи Моревны.

Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила:

— Ах, Иван-царевич, зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кошца Бессмертного?

— Прости, Марья Моревна, не поминай старого. Лучше поедем со мной, пока не видать Кошца Бессмертного. Авось не догонит!

Собрались и уехали. А Кощей на охоте был. К вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

Отвечает конь:

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез.

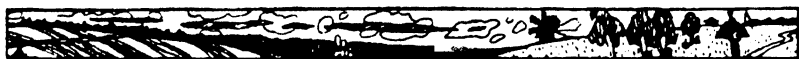
— А можно ли их догнать?

— Можно пшеницы засеять, дожждаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича.

— Ну, — говорит, — первый раз тебя прощаю

за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю.

Отнял у него Марью Моревну и увез. А Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною. Кошечка Бессмертного дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич, он нас догонит!

— Пускай догонит. Мы хоть часок-другой проведем вместе.

Собрались и уехали.

Кошей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

— А можно ли их догнать?

— Можно ячменю засеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, вдоволь напиться, до отвалу наестся, выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем.

Кошей поскакал, догнал Ивана-царевича:

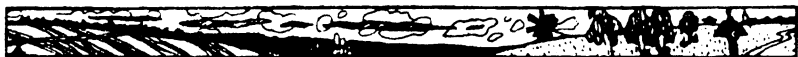
— Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!

Отнял ее и унес к себе.

Остался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною. На ту пору Кошечка дома не случилось.

— Поедем, Марья Моревна!

— Ах, Иван-царевич, ведь он догонит, тебя в куски изрубит!

— Пускай изрубит, я без тебя жить не могу!

Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается.

— Что ты спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял.

Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклат в смоляную бочку; взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело.

— Ах, — говорят они, — видно, беда приключилась!

Орел бросился на сине море, схватил и вытащил бочку на берег. Сокол полетел за живою водою, а ворон — за мертвою.

Слетелись все трое в одно место, разрубили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склади, как надобно.

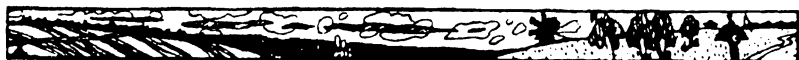
Ворон брызнул мертвою водою — тело срослось, соединилось. Сокол брызнул живою водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как я долго спал!

— Еще бы дольше проспал, если бы не мы, — отвечали зятья. — Пойдем теперь к нам в гости.

— Нет, братцы, я пойду искать Марью Моревну.

Приходит к ней и просит:

— Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня.

Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выпрашивать.

Кощей сказал:

— За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга. У ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у нее и других славных кобылиц. Я у нее три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка.

— Как же ты через огненную реку переправился?

— А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет.

Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу. И платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит:

— Съем-ка я одного цыпленочка!

— Не ешь, Иван-царевич, — просит заморская птица. — В некоторое время я пригожусь тебе.

Пошел он дальше. Видит в лесу улей пчел.

— Возьму-ка я, — говорит, — сколько-нибудь медку.

Пчелиная матка отзывается:

— Не тронь моего меду, Иван-царевич. В некоторое время я тебе пригожусь.

Он не тронул и пошел дальше. Попадаетеся ему навстречу львица со львенком.

— Съем я хоть этого львенка. Есть так хочется, ажно тошно стало.

— Не тронь, Иван-царевич, — просит львица. — В некоторое время я тебе пригожусь.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Побрел голодный. Шел, шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечесьей голове, только один незанятый.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, Иван-царевич. Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?

— Пришел заслужить у тебя богатырского коня.

— Изволь, царевич, у меня ведь не год служить, а всего-то три дня. Если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а нет — то не гневайся: торчать твоей голове на последнем шесте.

Иван-царевич согласился. Баба-яга его накормила, напоила и велела за дело приниматься.

Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались. Не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали.

Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул.

Солнышко уж на закате, прилетела заморская птица и будит его:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома.

Царевич встал, домой пошел. А баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем вы домой воротились?

— Как же было нам не воротиться! Налетели птицы со всего света, чуть нам глаза не выклевали.

— Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыптесь по дремучим лесам.

Переспал ночь Иван-царевич. Наутро баба-яга ему говорит:

— Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!

Погнал он кобылиц в поле. Они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам.

Опять сел царевич на камень, плакал-плакал да и уснул. Солнышко село за лес.

Прибежала львица:

— Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны.

Иван-царевич встал и пошел домой. Баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем домой воротились?

— Как же нам было не воротиться! Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали.

— Ну, вы завтра забегите в сине море.

Опять переспал ночь Иван-царевич. Наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти:

— Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте.

Он погнал кобылиц в поле. Они тотчас задра-

ли хвосты, скрылись с глаз и забежали в синее море, стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул.

Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит:

— Вставай, царевич! Кобылицы все собраны. Да как воротиться домой, баба-яге на глаза не показывайся, поди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть паршивый жеребенок — в навозе валяется. Ты возьми его и в глухую полночь уходи из дому.

Иван-царевич пробрался в конюшню, улегся за яслями. Баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц:

— Зачем воротились?

— Как же нам было не воротиться! Налетело пчел видимо-невидимо, со всего света, и давай нас со всех сторон жалить до крови.

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич взял у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост.

Царевич переехал по мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький.

Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать. Бросилась в погоню. Во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след замечает.

Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост».

Поехала по мосту, только добралась до середины — мост обломился, и баба-яга в реку свалилась. Тут ей и лютая смерть приключилась.

Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах; стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне. Она убежала, бросилась к нему на шею:

— Как тебе удалось от смерти избавиться?

— Так и так, — говорит, — поедем со мной.

— Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену.

— Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит.

Сели они на коня и поехали.

Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается.

— Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Аль чуешь какую невзгоду?

— Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез.

— А можно ли их догнать?

— Не знаю. Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня.

— Нет, не утерплю, — говорит Кощей Бессмертный, — поеду в погоню!

Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблей. В те поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и разможил ему голову, а царевич доконал его палицей.

После того накидал царевич груду дров, раз-

вел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью:

— Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть! Ну, недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти.

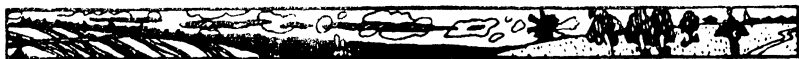
Погостили они, попиروвали и поехали в свое царство. Приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

Морозко

Жил-был старик со старухой, а у них было три дочери.

Старшая-то дочь доводилась старухе падчерицей. Дело известное: падчерице при мачехе что за житье? С утра до вечера старуха ее поедом ест: «Экая ленивица, экая неряха! И веник-то не у места, и ухват не так поставлен, и в избе-то сорно!» А Марфуша всем взяла: собой пригожа, работница, скромница: до свету поднимется, дров, воды принесет, печку истопит, пол подметет, скотине корму задаст. Всячески старалась Марфуша угодить мачехе, все попреки молча сносила; только, бывало, и отведет душу, что сядет в уголок да

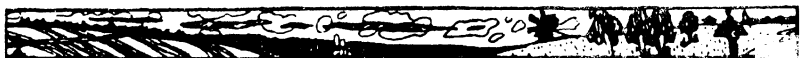

поплачет. Глядя на мать, и сестры частенько ее до слез обижали. Сами они поздно просыпались, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались, а за работу садились, когда пообедают. Жалко было старику старшей дочери, да не знал он, чем горю пособить, такую уж власть жена над ним взяла.

Дочери растут да растут — вот уж и невестами стали. Начали старики между собой думу думать: как бы получше их пристроить. Отец всем трем добра желает, а мать только двум своим. И надумала она про падчерицу думу худшую. Раз говорит она мужу: «Ну, старик! Марфутку замуж пора сдавать, а то пока еще к ней какой женишишка навернется — мои дочки хороших женихов упустят. Все же вперед старшую надо с рук сбывать». — «Ладно», — сказал старик и полез на печку. А старуха вслед ему: «Я же ей и жениха надумала. Завтра встань пораньше, запряги лошадь в дровни и поезжай с Марфуткой; а куда — тогда и скажу. А ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да оденься получше: поедешь с отцом в гости».

Поутру Марфуша встала ранехонько, умылась белехонько. Богу помолилась, отцу-матери поклонилась, собрала свое добро в коробейку и сама нарядилась — невеста хоть куда. Старик запряг лошадь в дровни, подвел к крыльцу и говорит: «Ну, я все наладил. А ты, Марфуша, готова?» — «Готова, батюшка». — «А коли готовы, так закусите на дорогу чем Бог послал», — говорит мачеха. Дивится старик: «С чего это моя старуха вдруг раздобрилась?» Покормила мачеха старика

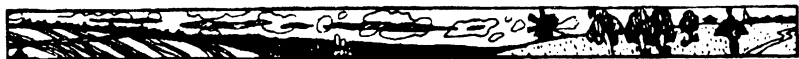

с падчерицей и говорит: «Просватала я Марфушу за лесного дедку Мороза — жених богатый, чего ей еще надо. Правда, хоть не молод, ну да ничего: стерпится слюбится». Старик и ложку выронил, глаза вытаращил, смотрит на жену. «Опомнись, старуха! — говорит. — В уме ли ты?» — «Ладно, разговаривай еще! Жених богатый. У него все елки, сосны да березы в серебре стоят. И дорога к нему, не Бог знает, какая дальняя: сперва прямо поезжай, потом направо, в темный лес заверни, а там, как десять верст проедешь, под высокой сосной Марфутку и ссади. Да место заприметь хорошенько — завтра молодую навесить тебя же пошлю. Ну, живей, нечего время терять!..» А на дворе стояла зима лютая, лежали снега глубокие, птица на лету мерзла.

Встал старик с лавки, положил дочернины пожитки на дровни, велел ей надеть шубу — и поехали. Доехали до лесу, въехали в глушь непроходимую и под высокой сосной остановились. «Слезай, дочушка», — говорит старик. Слезла Марфуша. Старик снял с дровней коромысло, поставил под сосной, посадил дочку свою и сказал: «Ну, сиди, жди жениха, да принимай ласковее...» Простился с дочерью и поехал домой.

Сидит Марфуша под высокой сосной на коромысле, сидит, пригорюнилась. Стало ее холодом-ознобом пробирать... Вдруг слышит: Морозко по лесу пощелкивает, потрескивает, с елки на елку перескакивает. Вот уж он и на высокой сосне. «Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?» — спрашивает. «Тепло, дедушка, тепло, Морозушко», — говорит Марфуша, а у самой зуб

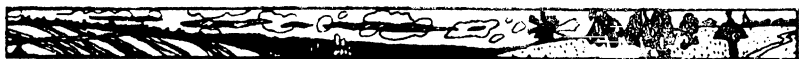

на зуб не попадает. Стал Морозко ниже спускаться, сильнее потрескивать, звонче пощелкивать и опять спрашивает: «Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?» — «Ой, тепло, дедушка!» А сама чуть дух переводит. Спустился Морозко до самой земли: «Тепло ль тебе, девица? Тепло ль тебе, красная?» А Марфуша уже замерзать стала. Тут сжалился Мороз, покрыл ее шубами, отогрел одеялами, обласкал, подарил ей сундук с нарядами, шубу, атласом крытую, серебра-золота и камней самоцветных. «Разжалобила, — говорит, — ты меня, красная девица, разжалобила своей кротостью да безответностью».

Наутро старуха поднялась раным-рано, стала блины печь, чтоб было чем падчерицу помянуть. «Ну, поезжай, — говорит мужу, — поздравь молодых-то». Старик запряг лошадь и поехал. Доехал до высокой сосны — и глазам не верит: сидит Марфуша на коробейке веселая-превеселая, на ней шуба новая, в ушах серьги драгоценные, рядом ларец, серебром окованный. Сложил старик все добро на воз, сел с дочерью — и скорей домой.

Дома старуха блины печет, а Шавка из-под лавки тявкает: «Тяв, тяв! Марфуша едет, воз добра везет!» Рассердилась старуха, швырнула в Шавку поленом: «Врешь, подлая! Старик в кошелке Марфуткины косточки везет!» Вот и дровни подъехали. Вышла старуха на крыльцо — да так и остолбенела: сидит на дровнях Марфуша жива-невредима, разряжена лучше праздничного, а рядом ларец с подарками дедки Мороза. Затаила мачеха злобу до времени, ласково с падчери-

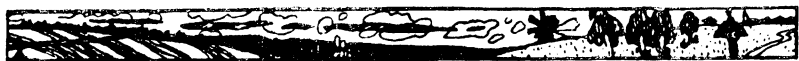

цей поздоровалась, в избу ввела, под образами с почетом посадила.

Зависть взяла двух старухиных дочерей, как увидали они богатые Морозкины подарки. Стали они у матери просить: «Свези нас в лес, к Морозке в гости: он и нас подарками одарит. Чем мы хуже Марфутки?» Вот рано поутру старуха дочек своих накормила, убрала, снарядила и в путь-дорогу отпустила. Старик свез их на то место, куда Марфушу возил, и оставил под высокой сосной. Сели девицы рядышком и стали ждать, про великие богатства Морозкины судить-рядить. Девушки были в шубах, а все-таки порядочно прозябли. «Что это Морозко-то запропастился? — говорит одна. — Ведь так мы замерзнем». — «Что ты с ним станешь делать? — говорит другая. — Разве эти женихи рано собираются? А ты как думаешь, кого он возьмет: меня или тебя?» — «Конечно, меня, не тебя же младшую». — «Ан врешь». — «А ты дура!» Слово за слово, и перебранились, стали друг дружку отчитывать: «Ты такая, а ты этакая». Бранились, бранились, вдруг слышат: Морозко по лесу потрескивает, пощелкивает, с елки на елку перескакивает. Примолкли девушки. Вот Мороз уж и на высокой сосне. «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» — спрашивает. «Ой, дедка, больно студено! Чуть не замерзли мы, тебя поджидаючи. Где это тебя до сей поры носило?» Стал Морозко ниже опускаться, сильнее потрескивать, звонче пощелкивать и опять спрашивает: «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» — «Да ну тебя, старого дурака! Заморозил вовсе, да еще спрашивает: тепло

ли! Полно шутки шутить. Давай подарки, а то плюнем и уйдем вовсе». Спустился Мороз до самой земли и опять спрашивает: «Тепло ли вам, девицы? Тепло ли вам, красные?» Рассердились вовсе мачехины дочери, не хотят и отвечать ему. Обозлился и Морозко да так приударил, что девицы как сидели, так и заоченели... А он их холодным инеем присыпал и пошел себе по лесу с елки на елку перескакивать, с ветки на ветку попрыгивать, потрескивать да пощелкивать.

Наутро старуха говорит старику: «Запряги, старик, пошевни, положи сена побольше да возьми теплое одеяло. Дочки-то, чай, продрогли: ишь какой мороз на дворе! Да проворней поворачивайся!» Старик живо собрался и поехал. Приехал в лес, да так руками и всплеснул: обе дочери мертвые, прислонясь к сосне, сидят! Нечего делать, поднял их, положил в пошевни и повез домой.

Дома старуха хлопочет, обед готовит, чтобы получше дочек угостить, а Шавка из-под лавки: «Тяв, тяв! Старик едет, дочерей косточки везет». Рассердилась старуха, швырнула в Шавку поленом: «Врешь, подлая! Старик с дочками едет, воз добра везет!» Вот и пошевни подъехали. Вышла старуха на крыльцо — да так и остолбенела: лежат обе дочери мертвые. «Что ты наделал, старый хрыч? Уходил ты моих деточек, моих милых дочек, ненаглядных. Вот я ж тебя кочергой попотчую!» — «Что делать, старуха? — говорит старик. — Ведь мы тут виноваты: они — что на богатство польстились, ты — что их не остерегла, а мой грех — что раньше я тебя мало учил; под старость поздно уж приниматься».

Поплакала старуха, посердилась, побранилась — да после с мужем и помирилась. С тех пор она и к падчерице добрее стала, а когда к Марфуше жених-молодец присватался, старуха на ее свадьбе со стариком еще камаринскую плясала.

Солнце, Месяц и Ворон Воронович

Жили-были старик да старуха, у них было три дочери. Старик пошел в амбар крупку брать; взял крупку, понес домой, а на мешке-то была дырка: крупа-то в нее сыплется да сыплется.

Пришел домой. Старуха спрашивает:

— Где крупка? — А крупка вся высыпалась.

Пошел старик собирать и говорит:

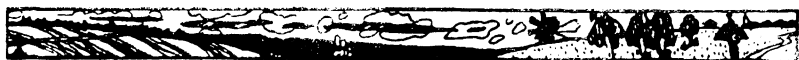
— Кабы Солнышко обогрело, кабы Месяц осветил, кабы Ворон Воронович пособил мне крупку собрать, за Солнышко бы отдал старшую дочь, за Месяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!

Стал старик собирать — Солнце обогрело, Месяц осветил, а Ворон Воронович пособил крупку собрать.

Пришел старик домой, сказал старшей дочери:

— Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась, вышла на крылечко; Солнце и утащило ее.

Средней дочери также велел одеться хорошенько и выйти на крылечко. Она оделась и вышла; Месяц схватил и утащил вторую дочь.

И меньшей дочери сказал:

— Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась и вышла на крылечко; Ворон Воронович схватил ее и унес.

Старик и говорит:

— Идти разве в гости к зятю?

Пошел к Солнышку; вот и пришел.

Солнышко говорит:

— Чем тебя потчевать?

— Я ничего не хочу.

Солнышко сказало жене, чтоб настряпала оладьев. Вот жена настряпала. Солнышко уселось среди полу, жена поставила на него сковородку — и оладьи сжарились. Накормили старика.

Пришел старик домой, приказал старухе состряпать оладьев; сам сел на пол и велит ставить на себя сковородку с оладьями.

— Чего, на тебе испекутся?! — говорит старуха.

— Ничего, — говорит, — ставь, испекутся.

Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли.

Нечего делать, поставила старуха сковородку в печь, испеклись оладьи, наелся старик.

На другой день старик пошел в гости к другому зятю, к Месяцу. Пришел.

Месяц говорит:

— Чем тебя потчевать?

— Я, — отвечает старик, — ничего не хочу.

Месяц затопил про него баню.

Старик говорит:

— Темно в бане-то будет!

А Месяц ему:

— Нет, светло, ступай.

Пошел старик в баню, а Месяц запихал палец свой в дырочку, и оттого в бане светло-светло стало.

Выпарился старик, пришел домой и велит старухе топить баню ночью.

Старуха истопила; он и посылает ее туда париться. Старуха говорит:

— Темно париться-то!

— Ступай, светло будет!

Пошла старуха, а старик видел, как светил ему Месяц, и сам туда ж — взял прорубил дыру в бане и запихал в нее свой палец. А в бане свету нисколько нет! Старуха знай кричит ему:

— Темно!

Делать нечего, пошла она, принесла лучины с огнем и выпарилась.

На третий день старик пошел к Ворону Вороновичу. Пришел.

— Чем тебя потчевать-то? — спрашивает Ворон Воронович.

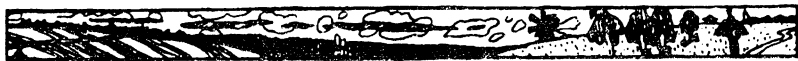
— Я, — говорит старик, — ничего не хочу.

— Ну, пойдем хоть спать на седала.

Ворон поставил лестницу и полез со стариком. Ворон Воронович посадил его под крыло.

Как старик заснул, они оба упали и убились.

Лиса и кувшин

Вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда — головы из кувшина вытащить не может.

Ходит лиса, головой мотает и говорит:

— Ну, кувшин, пошутил, да и будет — отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать — поиграл, да и полно!

Не отстаёт кувшин, хоть ты что хочешь.

Рассердилась лиса:

— погоди же ты, проклятый, не отстаешь чество, так я тебя утоплю.

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.

Лиса и козел

Бежала лиса, на ворон зазевалась — и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить — тоже.

Сидит лиса, горюет.

Идет козел — умная голова; идет, бородищей трясет, рожищами мотает; заглянул от нечего

делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

— Что ты там, лисанька, поделываешь?

— Отдыхаю, голубчик, — отвечает лиса, — там, наверху, жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой — сколько хочешь!

А козлу давно пить хочется.

— Хороша ли вода-то? — спрашивает козел.

— Отличная, — отвечает лиса. — Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь: здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козел, чуть лисы не задавил. А она ему:

— Эх, бородатый дурень, и прыгнуть-то не умел — всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козел с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Коза и волк

Построила себе Коза в темном лесу избушку и стала в ней жить со своими тремя козлятами. Рано поутру уходит Коза в лес корму искать, уходит, а деткам строго-настрого приказывает: «Никому без меня, детки, дверей не отпирайте; а то не пришел бы Волк да не съел бы вас!» Козлятки

запрут за матерью дверь и сидят тихо-смирно. А вечером воротится Коза и запоет под окошком:

«Козляточки, мои деточки, отомкнитесь, отворитесь! Ваша мать пришла, молока принесла. Бежит молоко по вымечку, из вымечка по копытечку, с копытечка на сыру землю!» Услышат козлятки и отопрут дверь.

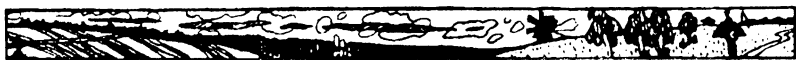
Вот раз Волк подслушал, как Коза под окном поет, подошел к избушке и завыл толстым голосом: «Козлята, ребята, отопритесь! Ваша мать пришла, молока принесла...» А козлятки отвечают: «Слышим, слышим! Это не матушкин голосок. Наша матушка поет тоненьким голоском и не так приговаривает!» Волк отошел и спрятался за кустом.

Пришла Коза, запела: «Козляточки, мои деточки, отомкнитесь, отворитесь! Ваша мать пришла, молока принесла. Ведь я, Коза, в бору была, траву ела шелковую, пила воду студеную — полны бока молока, полны рога творога, полны копытцы светлой водицы...» Козлятки отперли дверь и рассказали матери, как к ним Волк приходил. «Смотрите, — говорит Коза, — не отпирайте тому, кто будет толстым голосом петь!»

Услышал Волк, что Коза деткам наказывала, и побежал к кузнецу: «Кузнец, кузнец, обкуй мне язык тонко-нatonко, чтобы у меня был такой голосок, как у козлятушкиной маменьки. Не скуешь — я тебя съем!» Что кузнецу делать? Вытянул он у Волка клещами язык, положил на наковальню и обковал тонко-нatonко.

Вот вечером пришел Волк к козляткам под окошко и запел тоненьким голоском — совсем

как Коза пела: «Козлятушки, ребятушки, отомкните, отворите! Ваша мать пришла, молока принесла. Ведь я, Коза, в бору была, траву ела шелковую, пила воду студеную...»

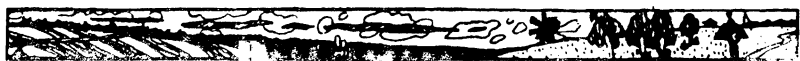
Козлятки думали, что и вправду их мать пришла, отперли дверь. А вошел-то Волк! Кинулись козлятки от него прятаться: один залез под стол, другой под лавку, а третий, младший, под печь в самый уголок забился. Волк живо двух старших нашел, вытащил и проглотил; а третьего поискал-поискал, видит — нет его, и убежал.

Вернулась Коза и давай под окошком приговаривать. Причитала-причитала — никто не откликается. Подошла к двери — она не заперта; в избу — а там все пусто, нет ее детушек... Насилу-насилу последний козленочек из-под печки отозвался: так его Волк напугал. Как узнала Коза свою беду, села на лавку и начала горько-горько плакать да причитать: «Козляточки, мои деточки!.. Вы зачем, ребятки, отпирались, злому Волку доставались!.. Он поел, злодей, вас без жалости; сиротой я буду на старости!..»

А Волк стоит под окошком да слушает. Вошел в избу: «Ах ты, кума, кума! — говорит. — Не грех тебе на меня такую напраслину взводить. Разве я это сделал?» Коза поглядела на него, подумала и говорит: «Ну, коли не ты, Волк, моих козлятушек съел, так приходи сегодня попозднее ко мне; давай хоть помянем их, как следует».

Волк обещал прийти — надеялся: не удастся ли и последним козленочком поживиться. Только он ушел, Коза истопила печку, выгребла из нее

горячих угольев целую кучу и положила уголья в яму под полом.

Пришел Волк. «Сейчас будем ужинать, — ему Коза говорит, — только раньше давай в мою любимую игру поиграем». «А какая игра?» Коза вынула из пола две доски, как раз над ямой, где уголья были, и говорит: «Будем прыгать через эту яму, только скоро и без передышки. Поустанем — вкуснее поужинаем». «Хорошо!»

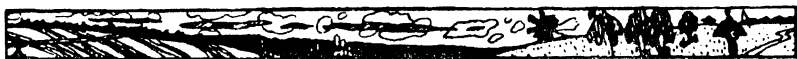
Коза сейчас прыгнула — перепрыгнула. За ней собирается прыгать толстый Волк — тяжело ему с двумя козлятами в животе-то! Прыгнул, зацепился лапой за половицу да и бух в яму, прямо на горячие уголья... От огня у него живот лопнул и козлятки выскочили — живые, здоровые. Коза их вытащила поскорей наверх, и стали они опять вчетвером жить да поживать. А Волк так и пропал в яме — совсем сгорел.

Дочь-семилетка

Ехали два брата: один бедный, другой богатый. У обоих по лошади — у бедного кобыла, у богатого мерин. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенок подкатился под телегу богатого. Будит он наутро бедного:

— Вставай, брат! У меня телега ночью жеребенка родила.

Брат встает и говорит:

— Как можно, чтоб телега жеребенка родила? Это моя кобыла принесла.

Богатый говорит:

— Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок бы подле был!

Поспорили они и пошли до начальства. Богатый дарил судей деньгами, а бедный словами оправдывался.

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки:

— Что всего на свете сильнее и быстрее? Что всего на свете жирнее? Что всего мягче? И что всего милее?

И положил им сроку три дня:

— На четвертый приходите, ответ дайте!

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить.

Она посадила его за стол, стала угощать, а сама спрашивает:

— Что так печален, куманек?

— Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил.

— Что такое, скажи мне.

— А вот что, кума! Первая загадка: что всего на свете сильнее и быстрее?

— Экая загадка! У моего мужа карая кобыла есть; нет ее быстрее! Коли кнутом приударить, зайца догонит.

— Вторая загадка: что всего на свете жирнее?

— У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что на ноги не поднимается!

— Третья загадка: что всего на свете мягче?

— Известное дело — пуховик, уж мягче не выдумаешь!

— Четвертая загадка: что всего на свете милее?

— Милее всего внучек Иванушка!

— Ну, спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, по век тебя не забуду.

А бедный брат залился горькими слезами и пошел домой. Встречает его дочь-семилетка:

— О чем ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?

— Как же мне не вздыхать, как слез не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которые мне и в жизнь не разгадать.

— Скажи мне, какие загадки.

— А вот какие, дочка: что всего на свете сильнее и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?

— Ступай, батюшка, и скажи царю: сильнее и быстрее всего ветер, жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет, земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все руку под голову кладет; а милее сна нет ничего на свете!

Пришли к царю оба брата — и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного:

— Сам ли ты дошел или кто тебя научил?

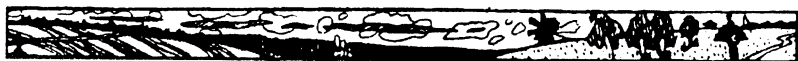
Отвечает бедный:

— Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила.

— Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелкова; пусть к утру соткет мне полотенце узорчатое.

Мужик взял шелковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный.

— Беда наша! — говорит дочери. — Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце.

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка, отломила прутик от веника, подает отцу и наказывает: — Поди к царю, скажи, чтоб нашел такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросна: было бы на чем полотенце ткать!

Мужик доложил про то царю. Царь дает ему полтора ста яиц.

— Отдай, — говорит, — своей дочери; пусть к завтраму выведет мне полтора ста цыплят.

Воротился мужик домой еще кручиннее, еще печальнее:

— Ах, дочка! От одной беды увернешься — другая навяжется!

— Не кручинься, батюшка! — отвечала семилетка.

Попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю:

— Скажи ему, что цыплятам на корм нужно однодневное пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено. Другого пшена наши цыплята и клевать не станут.

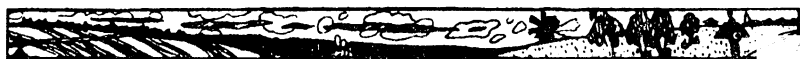
Царь выслушал и говорит:

— Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка.

«Ну, — думает мужик, — такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать!»

— Не кручинься, батюшка! — сказала ему дочь-семилетка. — Ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепелку.

Отец пошел и купил ей зайца и перепелку. На другой день поутру сбросила семилетка всю одежду, надела на себя сетку, в руки взяла перепелку, села верхом на зайца и поехала во дворец.

Царь ее у ворот встречает. Поклонилась она царю.

— Вот тебе, государь, подарочек! — и подает ему перепелку.

Царь протянул было руку, перепелка — порх — и улетела!

— Хорошо, — говорит царь, — как приказал, так и сделано. Скажи мне теперь: ведь твой отец беден, чем вы кормитесь?

— Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, ловушек в воду не ставит, а я подолом рыбу ношу да уху варю.

— Что ты, глупая, когда рыба на сухом берегу живет? Рыба в воде плавает!

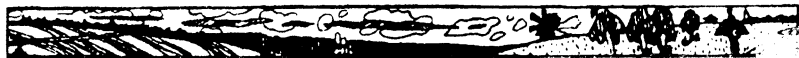
— А ты умен? Когда видано, чтобы телега жеребенка принесла?

Царь присудил отдать жеребенка бедному мужику, а дочь его взял к себе. Когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

Мудрые ответы

Служил солдат в полку двадцать пять лет, а царя в лицо не видал. Пришел домой. Стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и ска-

зять-то. Вот и начали его корить родичи и знакомцы.

— Вишь, — говорят, — двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!

Обидно это ему показалось; собрался и пошел царя смотреть.

Пришел во дворец. Царь спрашивает:

— Зачем, солдат?

— Так и так, ваше царское величество! Служил я тебе целых двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал: пришел смотреть.

— Ну смотри!

Солдат три раза обошел кругом царя, все оглядывал. Царь спрашивает:

— Хорош ли я?

— Хорош, — отвечает солдат.

— Ну, теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от земли?

— Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно.

— А широка ли земля?

— Вон там солнце всходит, а там заходит — столь широка!

— А глубока ли земля?

— Да был у меня дед, умер тому назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!

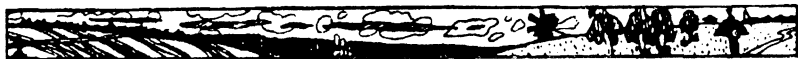
Царь отослал солдата в темницу и наказал ему:

— Не плошай, служба! Я pošлю к тебе тридцать гусей: умей по перу выдернуть.

— Ладно!

Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал.

Они думали-думали, не могли ответа дать, и велел их царь посадить в темницу. Спрашивает их солдат:

— Купцы-молодцы, вас за что посадили?

— Да, вишь, государь нас допрашивает, далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока, а мы — люди темные, не могли ответа дать.

— Дайте мне каждый по тысяче рублей, я вам правду скажу.

— Изволь, брат, только научи.

Взял с них солдат по тысяче и научил, как отгадывать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата. Задал купцам те же самые загадки и, как скоро они отгадали, отпустил их по своим местам.

— Ну, служба! Сумел по перу сдернуть?

— Сумел, царь-государь, да еще по золотому!

— А далеко ль тебе до дому?

— Отсюда не видно — далеко, стало быть!

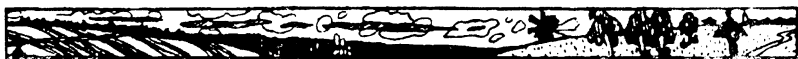
— Вот тебе тысячу рублей, ступай с миром!

Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.

Неразгаданная загадка

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик; у него был сын. Ездили они по селам, по городам да торговали помаленьку.

Раз поехал сын в окольные деревни торг вести. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приехал к избушке и попросился ночь ночевать.

— Милости просим, — отвечала старуха, — только с тем уговором, чтоб ты загадал мне загадку неразгаданную.

— Хорошо, бабушка!

Вошел в избушку; она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила, а сама села возле и велела задавать загадку.

— погоди, бабушка; дай подумаю!

Пока купец думал, старуха уснула; он тотчас собрался и вон из избушки.

Старуха услышала шум, пробудилась — а гостя нет, выбежала на двор и подносит ему стакан с пойлом.

— Выпей-ка, — говорит, — посошок на дорожку!

Купец не стал на дорогу пить, вылил пойло в кувшин и съехал со двора.

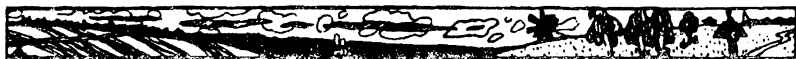
Ехал, ехал, и застигла его в поле темная ночь; остановился ночевать под открытым небом.

Стал он думать да гадать, что такое поднесла ему старуха, взял кувшин, налил себе на ладонь, с той ладони помазал плетью, а той плетью ударил коня; только ударил — коня вмиг разорвало!

Поутру налетело на падаль тридцать воронов; наклевались-наелись, да тут же и околели все. Купец пособирали мертвых воронов и развесил по деревьям.

В то самое время ехал мимо обоз с товарами;

увидали приказчики птиц на деревьях, взяли их — поснимали, изжарили и съели: только съели — так мертвые и попадали! Купец захватил обоз и поехал домой.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — заехал опять к той же старухе ночь ночевать. Она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила и велит задавать загадку.

— Хорошо, бабушка, скажу тебе загадку; только уговор лучше денег: коли отгадаешь — возьми у меня весь обоз с товарами, а коли не отгадаешь — заплати мне столько деньгами, сколько стоит обоз с товарами.

Старуха согласилась.

— Ну, вот тебе загадка: из стакана в кувшин, из кувшина на ладонь, с ладони на плетку, с плетки на коня, из коня в тридцать воронов, из воронов в тридцать молодцев.

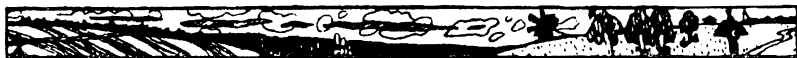
Старуха маялась, маялась, так и не отгадала; делать нечего, пришлось платить денежки.

А купец воротился домой и с деньгами и с товарами и стал себе жить-поживать, добра наживать.

Царица-гуслир

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь с царицею; пожил он с нею немалое время и задумал ехать в чужедальнюю землю.

Отдал приказы министрам, попрощался с женою и отправился в дорогу.

Долго ли, коротко ли — приехал в чужедальную землю, а в той земле правил проклятый король. Увидал этот король царя, велел схватить его и посадить в темницу.

Много у него в темнице всяких невольников; по ночам в цепях сидят, а по утрам надевает на них проклятый король хомуты и пашет пашню до вечера. Вот в такой-то муке прожил царь целые три года и не знает, как ему оттудова вырваться, как дать о себе царице весточку? И выискал-таки случай, написал к ней письмецо.

— Продавай, — пишет, — все наше имение да приезжай выкупать меня из неволи.

Получила царица письмо, прочитала и восплакала:

— Как мне выкупить царя? Если сама поеду — увидит меня проклятый король и возьмет к себе заместо жены; если министров пошлю — на них надежи нет!

И что ж она вздумала? Остригла свои косы русые, нарядилась музыкантом, взяла гусли и, никому не сказавшись, отправилась в путь-дорогу дальнюю.

Приходит к проклятому королю на двор и заиграла в гусли, да так хорошо, что век бы слушал — не наслушался. Король как услышал такую славную музыку, тотчас велел позвать гусле-ра во дворец.

— Здравствуй, гусле-р! Из которой земли ты, из которого царства? — спрашивает король.

Отвечает ему гусле-р:

— Сызмала хожу, ваше величество, по белому свету, людей веселю да тем свою голову кормлю.

— Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третий; я тебя щедро награжу.

Гусляр остался; день-деньской перед королем играет, а тот все досыта не наслушается. Экая славная музыка! Всякую скуку, всякую тоску как рукой снимает.

Прожил гусляр у короля три дня и приходит прощаться.

— Что ж тебе за труды пожаловать? — спрашивает король.

— А пожалуй, государь, мне единого невольника, у тебя много в темнице насажено; а мне нужен товарищ в дороге. Хожу я по чужедальным государствам; иной раз не с кем слова вымолвить.

— Изволь, выбирай себе любого! — сказал король и повел гусляра в темницу.

Гусляр оглянул заключенных, выбрал себе царя-невольника, и пошли они вместе странствовать.

Подходят к своему государству, царь и говорит:

— Отпусти меня, добрый человек! Я ведь — не простой невольник, я сам царь; сколько хочешь бери выкуп: ни денег, ни крестьян не пожалею.

— Ступай с богом, — говорит гусляр, — мне твоего ничего не надо.

— Ну, хоть в гости ко мне зайди.

— Будет время — побываю.

Тут они распрощались и пошли каждый своею дорогою.

Царица побежала окольною дорогою, прежде мужа домой поспела, сняла с себя гусярское платье и нарядилась, как быть следует.

Через час времени закричали, забегали по дворцу придворные: царь пришел!

Царица к нему навстречу бросилась, а он со всеми здоровается, а на нее и смотреть не хочет. Поздоровался с министрами и говорит:

— Вот, господа, какова жена у меня! Теперь на шею бросается, а как сидел я в неволе да писал к ней, чтоб все добро продавала да меня выкупала — небось ничего не сделала. О чем же она думала, коли мужа позабыла?

Министры доложили царю:

— Ваше величество! Как только царица получила ваше письмо, в тот же самый день неизвестно куда скрылась и все это время пропадала; во дворец только сегодня явилась.

Царь сильно разгневался и приказывает:

— Господа министры! Судите мою неверную жену по правде по истинной. Зачем не хотела меня выкупить? Не видать бы вам своего царя веки вечные, если б не молодой гусяр; за него стану бога молить, ему половину царства не пожалую отдать.

Тем временем царица успела нарядиться гусяром, вышла на двор и заиграла в гусли. Царь услышал, побежал навстречу, схватил музыканта за руку, приводит во дворец и говорит своим придворным:

— Вот этот гусяр, что меня из неволи выручил!

Гусляр сбросил с себя верхнюю одежду — и все тотчас узнали царицу.

Тут царь возрадовался: начал на радостях пир пировать, да так целую неделю и прохлаждался.

Лихо одноглазое

Жил кузнец припеваючи, никакого лиха не знал.

— Что это, — говорит кузнец, — никакого я лиха на веку своем в глаза не видал! Хоть посмотрел бы, какое там такое лихо на свете.

Вот и пошел кузнец лиха искать. Шел, шел, зашел в дремучий лес; ночь близко, а ночевать негде и есть хочется. Смотрит по сторонам и видит: неподалеку стоит большущая изба. Постучал — никто не отзывается; отворил дверь, вошел — пусто, нехорошо. Забрался кузнец на печь и лег спать не ужинавши.

Стал было уже засыпать кузнец, как дверь отворилась, и вошло в избу целое стадо баранов, а за ними Лихо — баба огромная, страшная, об одном глазе. Понюхало Лихо по сторонам и говорит:

— Э, да у меня, никак, гости; будет мне, Лиху, что позавтракать: давненько я человеческого мяса не едала.

Вздуло Лихо лучину и стащило кузнеца с печи, словно ребенка малого.

— Добро пожаловать, неожиданный гость! Спасибо, что забрел; чай, ты проголодался и ото-щал, — и щупает Лихо кузнеца, жирен ли, а у того от страха все животики подвело.

— Ну, нечего делать, давай сперва поужина-ем, — говорит Лихо.

Принесло большое беремья дров, затопило печь, зарезало барана, убрало и изжарило.

Сели ужинать. Лихо по четверти барана за раз в рот кладет, а кузнецу кусок в горло не идет, да-ром что целый день ничего не ел. спрашивает Лихо у кузнеца:

— Кто ты таков, добрый человек?

— Кузнец.

— А что умеешь ковать?

— Да все умею.

— Скуй мне глаз!

— Изволь, — говорит кузнец, — да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашь-ся; я бы тебе вковал глаз.

Лихо принесло две веревки: одну толстую, а другую потоньше. Кузнец взял веревку потонь-ше, связал Лихо да и говорит:

— А ну-ка, бабушка, повернись!

Повернулось Лихо и разорвало веревку.

Вот кузнец взял уже толстую веревку, скру-тил бабушку хорошенько.

— А ну-ка, теперь повернись!

Повернулось Лихо и не разорвало веревок.

Тогда кузнец нашел в избе железный шкво-рень, разжег его в печи добела, поставил Лиху на самый глаз, на здоровый, да как ударит по шкворню молотом — так глаз только зашипел.

Повернулось Лихо, разорвало все веревки, вскочило как бешеное, село на порог и крикнуло:

— Хорошо же, злодей! Теперь ты не уйдешь от меня!

Пуще прежнего испугался кузнец, сидит в углу ни жив ни мертв; так всю ночь и просидел, даром что спать хотелось. Поутру стало Лихо выпускать баранов на пашню, да все по одному: пощупает, точно ли баран, хватит за спину да и выкинет за двери. Кузнец вывернул свой тулуп шерстью вверх, надел в рукава и пошел на четвереньках. Лихо пощупало: чует — баран; схватило кузнеца за спину да и выкинуло из избы.

Вскочил кузнец, перекрестился и давай бог ноги. Прибежал домой, знакомые его спрашивают:

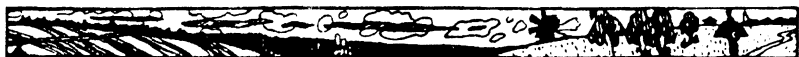
— Отчего это ты поседел?

— У Лиха переночевал, — говорит кузнец. — Знаю я теперь, что такое лихо: и есть хочется, да не ешь, и спать хочется, да не спишь.

— Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице — и о сером волке —

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь Демьян. У него было три сына: Петр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич. И был у царя сад такой богатый, что лучше того сада не найти ни в одном царстве. В том саду рос-

ли разные дорогие деревья, и была там одна яблоня, что приносила золотые яблоки. Царь эти яблоки очень берег и каждое утро счет им вел. Вот стал замечать царь, что кто-то по ночам стал зорить его сад. Вечером на любимой его яблоньке что ни лучшее яблочко висит, наливается, а утром его как не бывало. И никакие караульщики не могли укараулить вора. Каждое утро все снова и снова царь не досчитывался яблок на любимой своей яблоньке. С горя перестал он пить, есть и спать, а потом призвал к себе своих сыновей и сказал им:

— Вот что, сынки мои милые! Кто из вас сумеет укараулить и изловить в моем саду вора, тому еще при жизни моей отдам я половину царства, а по смерти и все откажу.

Сыновья пообещались, и первым пошел караулить Петр-царевич. Сколько ни ходил он с вечера, никого не видал, а потом сел на мягкую траву под яблонькой с золотыми яблоками, да и заснул. А на яблоне яблоки опять пропали.

Поутру царь его спрашивает:

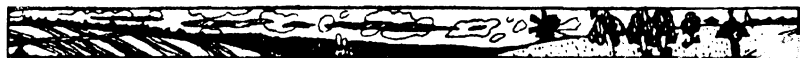
— Что сын мой любезный, не обрадуешь ли меня чем? Не видел ли ты вора?

— Нет, государь-батюшка! Всю ночь не спал, а никого не видал. И смекнуть не могу, как это яблоки пропали.

Видит царь — вор неуловимый. Еще больше он опечалился. Но понадеялся на своего второго сына.

На другую ночь пошел караулить Василий-царевич. Он сел под яблоней и стал смотреть, нет ли кого в кустах. А как наступила глухая ночь,

заснул так крепко, что ничего не видал и не слышал. А яблок опять без счета пропало.

Поутру царь его спрашивает:

— Ну, сын мой любезный, чем ты меня обрадуешь? Видел ты вора или нет?

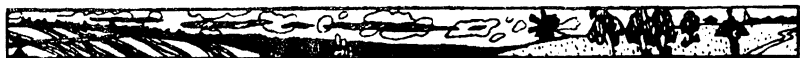
— Нет, государь-батюшка! Сторожил я со всем усердием, глаз не смыкал, но никого не видел и знать не знаю, как пропали золотые яблоки.

Еще больше опечалился царь. На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич. Стал он ходить около яблони, даже присесть боится, кабы не заснуть. Караулит час, караулит другой и третий. Спать захочется — глаза росой промоет. Прошла половина ночи, и вдруг что-то засветилось вдалеке. Свет летел прямо на него, и стало в саду светло, как днем. Это прилетела Жар-птица, села на яблоню и начала щипать золотые яблочки. Иван-царевич притаился, подкрался, изловчился и ухватил ее за хвост. А Жар-птица стала так рваться, что, как ни крепко держал ее Иван-царевич, все же вырвалась и улетела, оставив у него в руке лишь одно перо из хвоста.

Поутру, лишь только царь проснулся, Иван-царевич пошел к нему, рассказал, какой вор к ним повадился, и показал перо Жар-птицы. Царь обрадовался, что меньшему сыну удалось хоть перо достать, и спрятал его в своих покоях. С тех пор Жар-птица в сад не летала, и царь начал и есть, и пить, и спать. Но он любовался на перышко, думал да думал о Жар-птице и надумал послать сыновей за нею. Позвал он их к себе и сказал:

— Вот что, сынки мои милые! Взнуздали бы

вы добрых коней, поездили бы по белу свету, отыскали бы Жар-птицу да привезли бы ее ко мне, а то она опять затеет к нам летать да яблоки красть.

Старшие сыновья отцу поклонились, в путь-дорогу собрались, оседлали своих добрых коней, надели доспехи богатырские и выехали в чистое поле искать Жар-птицу, а Ивана-царевича царь по младости его от себя не отпустил. Стал слезно упрашивать его Иван-царевич и умолил наконец. Садится он на богатырского коня и едет, долго ли, коротко ли, — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Наконец доехал он до ростани, а от ростани три дороги идут, и стоит там каменный столб, а на том столбе написано:

«Кто поедет от столба сего прямо, будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, будет здоров и жив, а конь мертв; а кто поедет в левую сторону, сам убит будет, а конь жив».

Иван-царевич прочитал эту надпись, долго думал, по которой дороге решиться ехать, наконец поехал в правую сторону, чтобы самому живым остаться. Ехал он день, ехал другой и третий и приехал к дремучему лесу. На дворе стало темно — вдруг выскочил из-за кустов большой серый волк и бросился на коня Ивана-царевича. Не успел царевич и за меч схватиться, как волк разорвал коня надвое и снова исчез в кустах.

Запечалился Иван-царевич — как ему быть без доброго коня — и пошел пешком. Шел день, и другой, и третий, стал его голод одолевать. Устал он до смерти и присел на пенышек отдох-

нуть. Вдруг, откуда ни возьмись, выскакивает серый волк и говорит ему:

— Что ты пригорюнился, Иван-царевич? Что ты голову повесил?

— Как же мне не горевать, серый волк? Куда ж я доеду без доброго коня?

— Сам ты выбрал эту дорогу. Но мне тебя жаль. Расскажи, куда ты едешь, куда путь держишь?

— Послал меня царь-батюшка добыть ему Жар-птицу, что крала у нас золотые яблоки.

— Да тебе на твоём добром коне во веки веков не доскакать бы до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Садись-ка лучше на меня да держись крепче. Загрыз я твоего доброго коня, теперь послужу тебе верой и правдой.

Сел Иван-царевич на серого волка. Как помчится волк что есть духу. Доли и горы промеж ног пускает, хвостом след замечает. Долго ли, коротко ли, приезжают они к каменной стене. Волк остановился и говорит:

— Ну, Иван-царевич! Перелезь через эту стену. Тут за стеной сад, а в том саду Жар-птица в золотой клетке. Часовые все спят, ты Жар-птицу возьми, а золотую клетку смотри не трогай, а то беда будет.

Выслушал Иван-царевич серого волка, перелез через каменную стену, спустился в сад и увидел Жар-птицу в золотой клетке. Вынул птицу из клетки и пошел было назад, да потом и раздумался: «Зачем я взял Жар-птицу без клетки, что я ее, за пазухой повезу? Да и клеточка-то дорогая, вся алмазами усыпана». Забыл он, что гово-

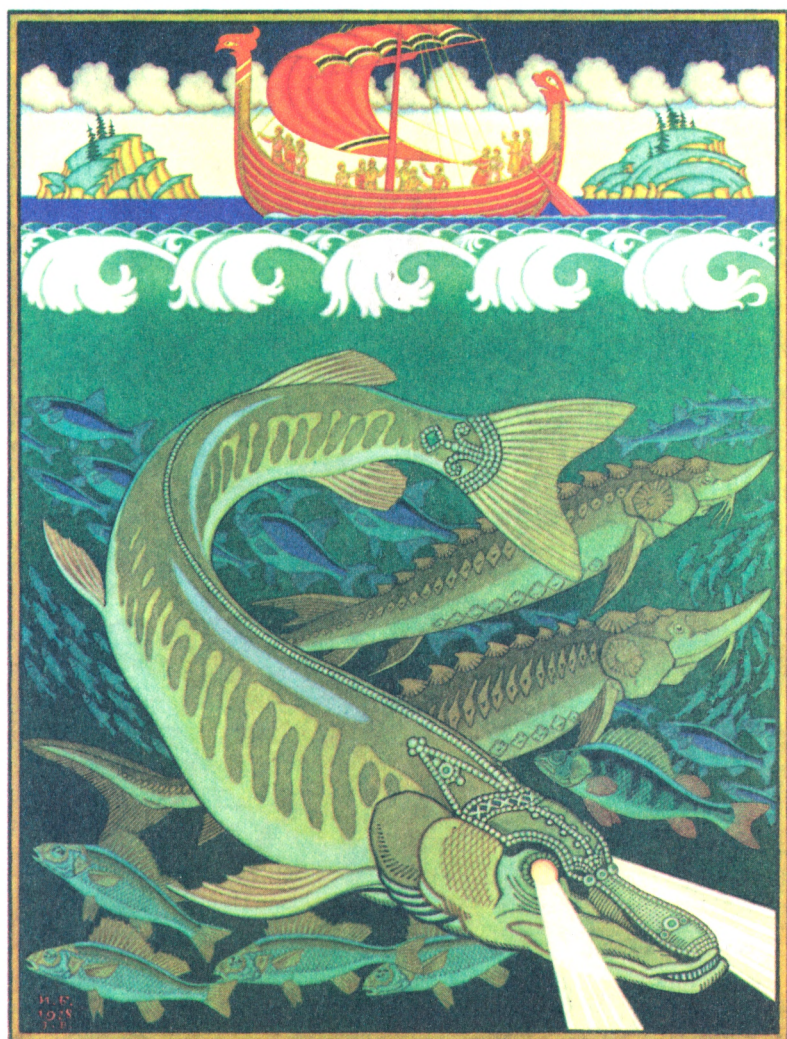

рил ему серый волк, воротился и лишь схватился за золотую клетку — как вдруг пошел стук и звон по всему саду. От клетки той проведены были потайные струны со всякими бубенчиками и погремушками.

Сторожа пробудились, прибежали в сад, схватили Ивана-царевича, скрутили ему руки и привели к своему царю Афрону. Царь Афрон сильно разгневался на Ивана-царевича и закричал на него:

— Кто ты таков? Из которой земли? Какого отца сын и как тебя по имени зовут?

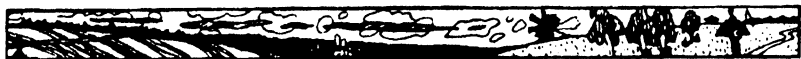
Иван-царевич ему отвечает:

— Я сын царя Демьяна, а зовут меня Иван-царевич. Твоя Жар-птица повадилась к нам в сад летать, наш сад разорять. Всякую ночь срывала она у царя Демьяна, отца моего, с любимой его яблони золотые яблочки. Вот и послал меня мой родитель сыскать Жар-птицу и к нему привезти.

— А ты, Иван-царевич, — говорит ему царь Афрон, — пришел бы ко мне да попросил бы Жар-птицу честию, а я бы тебе ее честию и отдал или выменял бы. А теперь разошлю я гонцов во все земли, во все царства и пущу о тебе нехорошую славу, что царевич вором оказался. Ну да ладно! Слушай, Иван-царевич! Если сослужишь мне службу, то я тебя в твоей вине прощу и Жар-птицу тебе вольной волею отдам. Съезди ты за тридевять земель, в тридесятое царство и достань мне от царя Кусмана золотогривого коня.

Закручинился Иван-царевич и пошел от царя Афрона к серому волку. Рассказал обо всем, что ему царь Афрон говорил.

— Что же ты, Иван-царевич, — сказал ему серый волк, — моего наказа не послушал? Я же тебе говорил — не бери клетку, беда будет.

— Виноват я перед тобою, прости уж меня, — сказал волку Иван-царевич.

— Ну ладно, садись на меня, на серого волка, да крепче держись, я тебя живо свезу, куда тебе надобно.

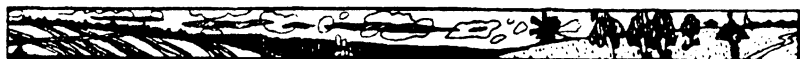
Иван-царевич сел волку на спину, и помчался серый волк, как ветер. Долы и горы промеж ног пускает, хвостом след замечает. Долго ли, коротко ли бежал он и ночью прибежал в царство царя Кусмана. Остановился волк перед белокаменными царскими конюшнями и говорит Ивану-царевичу:

— Полезай, Иван-царевич, через стену, бери золотогривого коня и беги. Только смотри, — висит там золотая узда, не трогай ее, опять в беду попадешь.

Иван-царевич перелез через каменную стену и прокрался в белокаменные конюшни. Все сторожа спали, взял царевич коня за гриву и пошел было с ним назад, да увидел на стене золотую узду. «Без уздечки неладно коня вести, надо и уздечку взять», — подумал Иван-царевич. Только что он дотронулся до уздечки — как вдруг гром и звон пошел по всем конюшням. Караульные конюхи проснулись, прибежали, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману. Царь Кусман начал его спрашивать:

— Кто ты таков? Из которой земли и какого отца сын? Как тебя по имени зовут? И как ты осмелился моего коня воровать?

Отвечал ему Иван-царевич:

— Я сын царя Демьяна, а зовут меня Иван-царевич.

— Ах, Иван-царевич! — сказал царь Кусман. — Честного ли витязя это дело? Ты бы пришел ко мне да попросил бы золотогривого коня, я бы в уважение к твоему отцу и так его отдал. А теперь разошлю я гонцов во все государства объявить всем, что царский сын вором оказался. Ну да ладно, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу, то я тебе эту вину прощу и коня золотогривого сам тебе отдам. Съезди ты за тридевять земель, в тридесятое государство, к царю Далмату, и привези мне его дочь, королевну Елену Прекрасную.

Пошел Иван-царевич из царских палат и горько-горько заплакал. Пришел к серому волку и рассказал все, что с ним случилось.

— Что же ты, Иван-царевич, — сказал ему серый волк, — слова моего не послушал, зачем взял золотую узду? Мне, серому волку, все хлопоты, а ты только пакостишь!

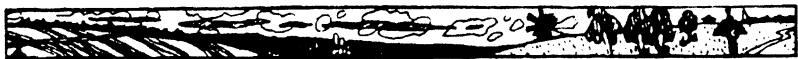
— Опять виноват я перед тобою, — сказал Иван-царевич, — прости и на этот раз.

— Ну ладно, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Садись на меня, на серого волка, да крепче держись, поедем отыскивать Елену Прекрасную.

Иван-царевич сел серому волку на спину, и волк помчался, как ветер. Доли и горы промеж ног пускает, хвостом след замечает. Наконец прибежал в государство царя Далмата к саду за золотой решеткой.

— Ну, Иван-царевич! На этот раз я тебя в сад

не пущу, а лучше сам пойду добывать Елену Прекрасную. Слезай теперь с меня, с серого волка, ступай назад по той же дороге и ожидай меня в чистом поле под зеленым дубом.

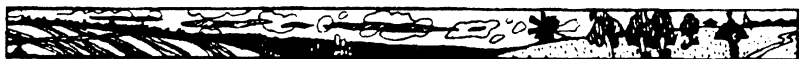
Иван-царевич пошел, куда ему велено, а серый волк дождался темной ночи, перепрыгнул через решетку и засел в кустах. Утром стал ждать, не выйдет ли королевна Елена Прекрасная. Целый день ждал, только к вечеру Елена Прекрасная со своими нянюшками, мамушками, ближними боярынями вышла во зеленый сад погулять, чистым воздухом подышать. Да срывая цветы, подошла к тому кусту, где серый волк спрятался. Ухватил он Елену Прекрасную, взвалил на спину, перескочил через решетку и побежал с нею, только его и видели. Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дождался, и сказал ему:

— Садись поскорее с Еленой Прекрасной на меня, а то как бы погони не было.

Взял Иван-царевич Елену Прекрасную на руки, сел на серого волка, и помчались они что есть духу. А няньки, мамки, ближние боярыни заахали, закричали, царь прибежал и никак разобрать не мог, что тут случилось. А когда разобрал, созвал всех охотников и псарей, и пустились за волком в погоню. Но сколько гонцы ни гнались, не могли настичь серого волка и ни с чем воротились назад.

Елена Прекрасная открыла глаза и увидела, что ее на руках держит молодой и прекрасный витязь. Оба они, едучи на сером волке, никак не

могли друг от друга оторваться и крепко полюбили один другого.

Когда серый волк прибежал в государство царя Кусмана, то царевич запечалился и стал проливать горячие слезы. Волк спросил его:

— О чем ты, Иван-царевич, пригорюнился, о чем плачешь?

— Да как же мне, серый волк, не плакать, не крушиться. Полюбил я королевну Елену Прекрасную, как расстаться мне с такою красотою?

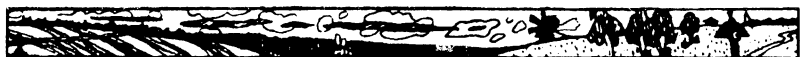
Что делать? Посмотрел на них волк и говорит:

— Служил я тебе много, Иван-царевич, сослужу и эту службу, не разлучу тебя с такою красотою. Придется мне сойти за Елену Прекрасную. Я ударюсь оземь, обернусь королевной, ты и води меня к царю Кусману. А Елена Прекрасная пусть дожидается под тем дубом. Потом ты приведешь золотогривого коня и поезжайте помаленьку. Я вас после нагоню.

Оставили они Елену Прекрасную под дубом, ударился волк о сыру землю и сделался точь-в-точь прекрасной королевной Еленой. Иван-царевич взял его и пошел во дворец к царю Кусману. Царь обрадовался, приказал вывести Ивану-царевичу коня золотогривого, отдал ему и уздечку в придачу. Иван-царевич взял золотогривого коня и пошел за Еленой Прекрасной. Посадил он ее на коня, и поехали они к царству царя Афрона.

А царь Кусман устроил пышную свадьбу. Во дворце были накрыты столы дубовые с яствами сахарными, питьями медвяными. Подняли кубки, стали молодых поздравлять, стали «горько» кричать. Надо было царю Кусману свою молодую

жену поцеловать. Наклонился он, да вместо прекрасных губок Елены Прекрасной его губы наткнулись на щетинистую волчью морду. Отскочил царь, закричал во все горло, а волк — шасть в окно, да и был таков.

Нагнал серый волк Ивана-царевича с Еленой Прекрасной и сказал:

— Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королева пусть едет на коне золотогривом.

Иван-царевич пересел на серого волка, и поехали они своим путем-дорогою. Немного не доехав до царства царя Афрона, опять закручинился Иван-царевич. Снова волк его спрашивает:

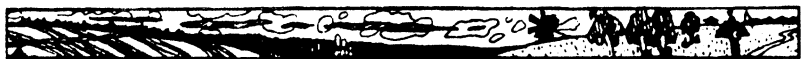
— О чем задумался, Иван-царевич?

— Как же мне не задуматься? Жалко мне расстаться с конем золотогривым. Жаль менять его на Жар-птицу. А нельзя не отдать, ославит меня царь Афрон во всех государствах.

— Не печалься, Иван-царевич! Я и теперь тебе помогу. Поклялся я служить тебе верой и правдой. Обернусь я конем золотогривым, и меня отведешь ты царю.

Спрятали они в лесу Елену Прекрасную и золотогривого коня, ударился волк о сыру землю — и стал конем золотогривым. Иван-царевич сел на него и поехал во дворец к царю Афрону. Царь Афрон вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, взял его за правую руку и повел в палаты белокаменные. Стал звать его хлеба-соли откусать, но Иван-царевич торопился к Елене Прекрасной, и царь Афрон вручил ему Жар-птицу в золотой клетке. Царевич при-

нял клетку, пешком пошел в лес, сел там вместе с Еленой Прекрасной на коня золотогривого, взял Жар-птицу и поехал на родную сторону.

А царь Афрон на другой день вздумал своего коня золотогривого объездить в чистом поле. Выехали на охоту, доехали до лесу, сделали облаву и стали затравливать зверей. И вдруг показалась лисица. Все охотники помчались за нею в погоню. Но она быстро бежала, и охотники стали от нее отставать. Только царь Афрон на своем золотогривом коне понесся так быстро, что всех опередил.

И вдруг все увидели, как конь у царя Афрона споткнулся и пропал, а из-под ног царя вырвался серый волк. Тут царь Афрон со всего размаху ударился головой об землю и завяз по самые плечи. Подоспели слуги, кое-как его вытащили, стали волка обходить и облаву делать, да волка уж и след простыл.

Нагнал он коня золотогривого, пересел на него Иван-царевич, и поехали они домой. Как довез серый волк Ивана-царевича до того места, где он его коня растерзал, то остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич! На этом месте разорвал я твоего коня, до этого места и довез тебя. Больше я тебе не слуга.

Иван-царевич три раза поклонился волку до земли, а серый волк и говорит ему:

— Не навек со мной прощайся, я тебе еще пригожусь.

Иван-царевич подумал: «Куда ж тебе еще пригодиться, мне больше ничего не надо». Сел на коня золотогривого, посадил Елену Прекрасную,

взял клетку с Жар-птицей и тронулся в путь-дорогу. Долго ли, коротко ли ехали они и, не доехав до царства царя Демьяна, остановились и легли отдохнуть. Как заснули, наехали на них братья Ивана-царевича. Ездили они по разным странам, искали Жар-птицу и возвращались домой с пустыми руками. Увидели они сонного своего брата, Елену Прекрасную, Жар-птицу и золотогривого коня и сказали:

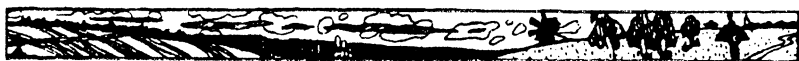
— Он нас перед отцом и так в грязь ударил. Мы Жар-птицу не могли укараулить, а он укараулил и перо у нее выхватил. А теперь вон сколько всего добыл. Будет ему вперед высовываться. Вот мы ему покажем.

Обнажили они свои мечи и отрубили Ивану-царевичу голову. В это время проснулась Елена Прекрасная и, увидев Ивана-царевича мертвым, стала горько плакать. Тогда Петр-царевич приложил свой меч к ее сердцу и сказал:

— Ты теперь в наших руках, мы отвезем тебя к отцу, а ты скажи, что это мы добыли тебя, Жар-птицу и коня золотогривого, а не то сейчас тебя смерти предам!

Прекрасная королевна, испугавшись смерти, поклялась им, что будет говорить, как ей велено. Тогда царевичи стали метать жребий. Елена Прекрасная досталась Петру-царевичу, а золотогривый конь — Василию-царевичу. Посадили они Елену Прекрасную на золотогривого коня, взяли Жар-птицу и поехали домой. А Иван-царевич лежит в чистом поле мертвый, и над ним уж вороны вьются, вот-вот клевать начнет. Откуда ни возьмись, прибежал серый волк, увидел Ивана-

царевича и сел в сторонке, ждет, когда воронье подлетит. Вот спустился ворон с воронятами к Ивану-царевичу и давай его трепать. Волк подкрался и схватил вороненка. Подлетел к нему ворон — просит отпустить его детеныша.

— Ладно, — говорит серый волк, — пусть он у меня погостит, а ты слетай за тридевять земель в тридесятое царство и принеси мне мертвой и живой воды. Тогда и вороненка получишь.

Полетел ворон за мертвой и живой водой. Долго ли, коротко ли летал, наконец прилетел и принес с собой две склянки — в одной мертвая, в другой живая вода. Серый волк взял и разорвал вороненка надвое, потом сложил, sprysнул мертвой водой — вороненок сросся, sprysнул живой — он встрепенулся и полетел. Тогда волк сложил тело Ивана-царевича и sprysнул мертвой водой — тело срослось-съединилось, sprysнул живой — Иван-царевич ожил и сказал:

— Ах, как же долго я спал!

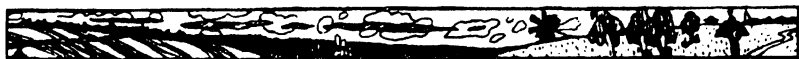
— Да, Иван-царевич! Спать бы тебе вечно, кабы не я. Ведь тебя братья твои зарубили; а Елену Прекрасную, коня золотогривого и Жар-птицу увезли с собою. Теперь садись на меня, на серого волка, и поедem скорее в твое отечество, а то брат твой, Петр-царевич, женится сегодня на твоей невесте.

Иван-царевич сел на серого волка, и помчал его волк к дому. Довез он его до стольного града и говорит:

— Ну, Иван-царевич, теперь прощай уже навеки. Иди, торопись домой!

Пошел Иван-царевич по городу, идет ко двор-

цу, видит — народ разодет по-праздничному. Спрашивает он, что у них за праздник.

— Старший царевич женится на Елене Прекрасной!

Еще больше поспешил ко дворцу Иван-царевич, приходит, его там узнали, бегут доложить царю, а он и сам следом идет. Как увидел его старший брат, так и помертвел от страха, а Елена Прекрасная обрадовалась, вышла из-за стола, подбежала к Ивану-царевичу, взяла его за руку, да и говорит царю:

— Вот кто меня увез, вот кто мой жених! — и рассказала все, как было.

Разгневался царь на своих старших сыновей и прогнал их от себя, а Ивана-царевича сделал своим наследником. Вскорости сыграли свадьбу и задали пир на весь мир. И стали они жить-поживать да добра наживать.

Правда и кривда

Однажды спорила Кривда с Правдою: чем лучше жить — кривдой али правдой? Кривда говорила: лучше жить кривдою; а Правда утверждала: лучше жить правдою. Спорили, спорили, никто не переспорит. Говорит Кривда:

— Пойдем к писарю, он нас рассудит!

— Пойдем, — отвечает Правда.

Вот пришли к писарю.

— Реши наш спор, — говорит Кривда, — чем лучше жить — кривдою али правдою?

Писарь спросил:

— О чем вы бьетесь?

— О ста рублях.

— Ну ты, Правда, проспорила: в наше время лучше жить кривдою.

Правда вынула из кармана сто рублей и отдала Кривде, а сама все стоит на своем, что лучше жить правдою.

— Пойдем к судье, как он решит? — говорит Кривда. — Коли по-твоему — я тебе плачу тысячу рублей, а коли по-моему — ты мне должна оба глаза отдать.

— Хорошо, пойдем.

Пришли они к судье, стали спрашивать: чем лучше жить? Судья сказал то же самое:

— В наше время лучше жить кривдою.

— Подавай-ка свои глаза! — говорит Кривда Правде; выколола у ней глаза и ушла куда знала.

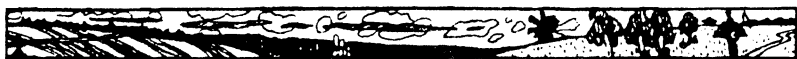
Осталась Правда безглазая, пала лицом наземь и поползла ощупью. Доползла до болота и легла в траве. В самую полночь собрались туда черти. Набольшой стал всех спрашивать: кто и что сделал? Кто говорит: я душу загубил; кто говорит: я того-то обманул; а Кривда в свой черед похваляется:

— А я у Правды сто рублей выпорила да глаза выколола!

— Что глаза! — говорит набольшой. — Стоит потереть тутошней травкою — глаза опять будут!

Правда лежит да слушает.

Вдруг крикнули петухи, и черти разом пропали. Правда нарвала травки и давай тереть глаза: потерла один, потерла другой — и стала видеть по-прежнему; захватила с собой этой травки и пошла в путь-дорогу.

В это время у одного царя ослепла дочь, и сделал он клич: кто вылечит царевну, того наградит. Правда приложила ей к очам травку, потерла и вылечила; царь обрадовался и наградил Правду.

Глупый мужик

Жил в одной деревне мужик с бабой. Всем мужик был хорош: и работающ и не ленив, да одним обижен судьбой — мало было у него ума.

Раз посылает баба мужика в лес за дровами.

— Съезди, — говорит, — наруби дров, я хоть печь истоплю да щей сварю.

Мужик запряг лошадь и поехал. Приехал в лес, взобрался на большую сосну, вынул из-за пояса топор и хочет рубить тот сук, на который сел. Случилось в эту пору проезжать мимо мужичку из соседней деревни. Взглянул он на мужика и закричал:

— Что ты, бестолковый, делаешь? Ведь убьешься!

Мужик глянул на него и сказал:

— А ты почему знаешь, что упаду? Ведь не святой! Поезжай-ка своей дорогой.

Крестьянин видит, что нечего толковать с дураком, и поехал дальше. Не успел отъехать и десятка сажень, как сук подломился, мужик упал и расшибся.

Полежал он немного, поохал, встал и пошел догонять того крестьянина, что сказал, что он упадет. Нагнал, повалился ему в ноги:

— Батюшка родимый! Вижу, что ты святой, скажи же мне теперь, когда будет конец моей жизни!

Крестьянину вздумалось посмеяться над дураком — он сказал:

— Поезжай теперь домой, простись с домашними и опять возвращайся сюда: умрешь у той сосны, которую хотел рубить на дрова.

Мужик испугался и спросил:

— А что, батюшка, если я не поеду больше в лес, то, может, и не умру?

— Нет, уж лучше послушайся меня, а не слушаешься — хуже будет.

Мужик вернулся к своей лошади. Ему уж было не до дров; сел на лошадь и поехал домой.

Баба давно дожидалась своего мужа, а когда увидела, что он приехал без дров, стала его ругать. Но он не слушал ее и рассказал, что встретил в лесу святого человека и что тот предсказал ему скорую смерть. Жена сказала:

— Полно врать-то! Над тобой посмеялись, а ты слушаешь!

Но мужик простился со своими домашними и поехал в лес.

Приехал, слез с лошади и пошел искать ту сосну, которую хотел рубить на дрова. Долго ходил

искал и вдруг запнулся, свалился. «Ну, — подумал, — теперь уж, видно, умер», — и не смел встать.

Лошадь его постояла, постояла да и пошла домой. Мужик хоть и слышал, что лошадь уходит, но не посмел открыть глаз и встать на ноги, а лежал и не шевелился.

Начинало темнеть. Выбежала стая волков, погналась за лошадей. Мужик и тут не встал: на что ему лошадь, если умер?

Баба долго дожидалась мужа, беспокоилась, а утром объявила сельскому старосте, что муж не вернулся из лесу.

Староста собрал крестьян и пошли они искать мужика. Долго бродили по лесу, наконец один наткнулся на дурака. Собрались все около него, смотрят, думают, что он и вправду умер.

А он вдруг и говорит:

— Вам чего нужно?

Староста спрашивает:

— А ты чего тут лежишь?

— Видишь, умер; слеп, что ли?

— А если ты умер, так я воскрешу тебя! — Снял староста ремень да и давай хлестать дурака.

Мужик вскочил на ноги и стал всех обнимать, благодарить, что воскресили, а потом бегом домой. У своей деревни видит: несут покойника на погост. Мужик говорит:

— Несите в лес, там его воскресят. Я сам вчера умер, да сегодня меня воскресили!

Отколотили его и прогнали. С тех пор и прозвали глупого мужика покойником.

Лисичка-сестричка и волк

Жили себе дед да баба.

Дед говорит бабе:

— Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани да поеду за рыбой.

Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая.

— Вот будет подарок жене! — сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама ушла.

— Ну, старуха, — говорит дед, — какой воротник привез я тебе на шубу!

— Где?

— Там на возу — и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы — и начала ругать мужа:

— Ах ты, такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая. Погоревал, погоревал, да делать нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную рыбу в кучку, уселась на дорогу и кушает себе. Приходит к ней серый волк:

— Здравствуй, сестрица!

- Здравствуй, братец!
- Дай мне рыбки!
- Налови сам да и кушай.
- Я не умею.

— Эка, ведь я же наловила! Ты, братец, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала и велика! Ловись, рыбка, и мала и велика!» Рыбка к тебе сама на хвост нацепится. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

Волк и пошел на реку, опустил хвост в прорубь и начал приговаривать:

— Ловись, рыбка, и мала и велика!
Ловись, рыбка, и мала и велика!

Вслед за ним и лиса явилась; ходит около волка да причитывает:

— Ясни, ясни на небе звезды,
Мерзни, мерзни, волчий хвост!

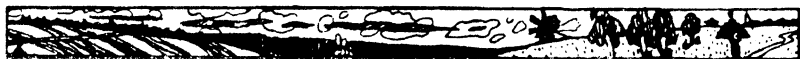
- Что ты, лисичка-сестричка, говоришь?
 - То я тебе помогаю.
- А сама, плутовка, поминутно твердит:

— Мерзни, мерзни, волчий хвост!

Долго-долго сидел волк у проруби, целую ночь не сходил с места, хвост его и приморозило; пробовал было приподняться: не тут-то было!

«Эка, сколько рыбы привалило — и не вытащишь!» — думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:

— Волк, волк! Бейте его, бейте его!

Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, кто чем попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, — думает, — уж я тебе отплачу, сестрица!»

Тем временем, пока волк отдувался своими боками, лисичка-сестричка захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть. Забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

— Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

— Эх, волчику-братику! — говорит лисичка-сестричка. — У тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили: я насилу плетусь.

— И то правда, — говорит волк, — где уж тебе, сестрица, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он ее и повез.

Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку напевает:

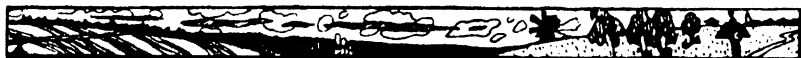
— Битый небитого везет,
Битый небитого везет!

— Что ты, сестрица, говоришь?

— Я, братец, говорю: «Битый битого везет».

— Так, сестрица, так!

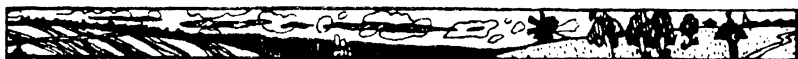
Пойди туда — неведомо куда

Есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, а есть и такие, что Бога не боятся и своего брата не стыдятся, на чужое добро зарятся, бедных людей обижают... Так-то так; а как посмотришь, всегда на свете злому — и злой конец.

У одного чужестранного короля состоял на службе молодой юноша, и было тому юноше имя Иван, а прозвание Бездольный. Потому его Бездольным прозвали, что ни в чем ему удачи не было и другим он всегда несчастье приносил... Призвал король к себе Ивана Бездольного: «Нельзя мне, — говорит, — тебя, Иван, при себе держать, потому что где ты — там и беда; стало быть, судьба твоя такая». И приказал король приложить Ивану Бездольному ко лбу печать и по всему своему королевству объявить, чтоб кормили Ивана везде безданно-беспошлинно, ни к какому делу его не приставляли и больше одной ночи в одном месте ночевать не позволяли. Вот так житье: броди по белу свету, словно Каин проклятый!

Год проходит, Иван Бездольный все бродит, другой идет — все то же за собой Иван ведет. Бродил Иван, бродил и забрел раз в такой дремучий темный лес, что кроме земли да деревьев ничего не видать. Долго ли, коротко ли — выбрался он на чистую поляну — посреди поляны огромный белый дворец высится. Смотрит Иван на дворец да дивуется: этакое богатства ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Обошел кругом дворца — нет ни ворот, ни дверей, ниот-

куда ходу нет... Глядь — длинная жердь валяется; поднял он ее, приставил к балкону, собрался со смелостью и полез по той жерди. Влез на балкон, растворил стеклянную дверь и пошел по всем покоям. Пусто везде, ни души... Наконец вошел Иван Бездольный в большую залу, всю золотом да самоцветными камнями изукрашенную; посреди залы стоит стол, а на том столе стоят блюда с разными кушаньями, графины со сладкими винами. Присел Иван Бездольный к столу; с каждого блюда съел по кусочку, из каждого графина выпил по рюмочке и забрался отдохнуть за печку в темный уголок.

Не успел он еще задремать, вдруг распахнулось окно и влетели в залу тридцать три голубицы, ударились об пол — и стали кругом стола тридцать три девицы, все родные сестрицы — одна другой краше. Крылышки на печку сложили, сели за стол, начали угощаться... «Сестрицы, — говорит одна, — у нас что-то неладно: кушанья початы, из графинов отпито». «Ну, ты всегда умнее всех!» — говорят ей другие.

Красные девицы пообедали, вскочили из-за стола, разобрали свои крылышки — и улетели тридцать две белыми голубками, а тридцать третья, та самая, что всех догадливее была, не может найти своих крылышек — их Иван Бездольный успел взять и спрятать. Пометалась-пометалась красная девица. «Отзовись, покажись, — говорит, — кто взял мои крылышки! Коли старый старичок — будь мне батюшкой; коли старая старушка — будь мне матушкой; коли красная деви-

ца — будь сестрицею; коли добрый молодец — будь мой суженый, богоданный муж».

Тут Иван Бездольный вылез из-за печи и подал девице ее крылышки. «Ну, добрый молодец, — говорит она, — умел ты мои крылышки воровать, умей меня беречь да любить. А мое слово неизменное: коли хочешь, я пойду за тебя замуж. Зовут меня Марьей Прекрасною». Тут они поладили, обнялись, поцеловались. Дала ему Марья Прекрасная сумку на плечи, себе другую взяла и повела его в подвалы глубокие. В первом подвале — все медные деньги до потолка насыпаны. Бездольный обрадовался, давай загребать деньги пригоршнями да в сумку класть. «Брось, — говорит ему Марья Прекрасная, — это что за деньги, пойдем лучше поищем». Пришли в другой погреб — этот доверху серебром набит. Бездольный еще пуще обрадовался, давай серебро в сумку класть. «И это не деньги, — говорит девица, — пойдем искать чего получше». Привела в третий погреб — весь золотом да жемчугом навален. «Ну, вот это деньги». Набрали они золота да жемчуга и пошли в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — дошли они до того самого города, где Иван Бездольный у царя служил. «Давай здесь будем жить», — говорит Иван жене. «Все равно, где ни жить; пожалуй, хоть здесь останемся». И остались они в том городе, обзавелись домком, стали жить ладком.

Прошло немного времени, донесли королю, что Иван Бездольный опять явился, в городе живет. Король раскричался: «Как он смел моего приказа ослушаться! Подать мне карету, я сам к

нему поеду, своей рукой его накажу!» Ивана на ту пору дома не случилось; встречает короля на крыльце с хлебом-солью Марья Прекрасная — такая красота неописанная, что король даже затрясся весь, рот разинул, глаза выпучил. Самый приближенный генерал толкнул легонько короля под ребро, чтоб он перед народом не срамился, и спрашивает: «Ты кто же, молодка, будешь?» «Ивана Бездольного жена». Генерал отвел поскорее от нее короля, усадил в карету, сам рядом сел. «Что, ваша королевская милость, — спрашивает, — хороша Иванова жена?» Король ужасно развздыхался-разахался: «Ах-ах-ах, — говорит, — сколь дивно приятна с лица; никогда такой красоты не видал! Все, — говорит, — отдам, и королевство и всю казну, чтоб на ней жениться». «Дозвольте доложить, — говорит генерал, — так как ваша королевская милость вдоветь изволите уж довольно лет, то вправду хорошо бы вам супругой обзавестись. Иван Бездольный перед вами виноват; задайте ему задачу, чтоб он ее исполнить не мог. Не исполнит — вольны вы его казнить, а потом и на его вдове жениться». — «Какую же я ему такую задачу дам?» — «Ну, хоть пусть он идет за тридевять земель, в тридесятое царство и добудет оттуда Кота Баюна, что сидит на высоком столбу. Этот Кот уж без счета народу побил, и Ивану смерти не миновать».

На другое утро прибегает курьер за Бездольным: «Сейчас к королю бегом беги!» Побежал Иван и вскорости вернулся домой — горько плачет. «О чем плачешь?» — спрашивает его жена. «Приказал мне король добыть ему Кота Баюна,

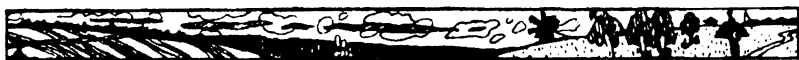

не то голову мне отрубить грозитя». — «Ладно! Ложись-ка спать: утро вечера мудренее». За ночь приготовила Марья Прекрасная три колпака железные, клещи булатные да три прута: один железный, другой медный, третий оловянный; отдаст их наутро мужу, наказывает: «Ступай, не бойся, за Котом Баюном. Трех верст до столба не дойдешь, станет тебя тяжкий сон одолевать — Кот Баюн напустит. Ты смотри, не спи! Руку за руку закидывай, ногу за ногой волочи, а где хоть катком катись... Коли уснешь, Кот Баюн убьет тебя». Научила мужа, что дальше делать, покатила по дороге самокатный клубочек — и пошел Иван Бездольный следом за тем клубочком.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — пришел Иван Бездольный в тридешатое царство. Идет-идет, вдруг напала на него дрема, стал его сон клонить. Он, женин совет вспомнивши, надел на голову три колпака железные и давай перемогаться: руку за руку закидывает, ногу за ногой волочет, а то и катком катится. Кое-как дополз до самого того столба, на котором Кот Баюн сидел. Как прыгнет Кот ему на голову: один колпак в черепья разбил, другой на куски расколот, взялся было за третий — тут добрый молодец ухватил его клещами, скинул наземь и давай сечь прутьями: наперво сек железным прутком, изломал, взялся за медный, изорвал, пустил в дело оловянный; оловянный прут гнется, не ломается, вокруг хребта увивается. Начал Кот Баюн сказки сказывать — про попов, про дьяков, про поповых батраков, а Иван Бездольный не слушает, знай сечет его без милосердия. Невмоготу ста-

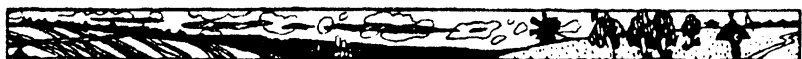
ло Коту, и взмолился он: «Помилуй меня, добрый человек! Что тебе надо, все сделаю». «Пойдешь за мной без упорства?» — «Куда хочешь пойду». Надел на него Иван Бездольный железную цепь и повел к королю.

Увидал король Кота Баюна и приказывает: «А ну, Кот Баюн, покажи мне большую страсть». Встала шерсть на Коте дыбом, искры из глаз посыпались. Точит Кот свои когти, на короля их ладит, хочет у него белу грудь раздирать, из живого сердце вынимать. Король испугался, закричал истошным голосом: «Ой, уйми, Иван, Кота Баюна!» «А какова мне была страсть, пока я его не покори! Прикажи тому генералу, что надоумил за Котом меня послать, на коленях прощенья у меня просить, тогда сейчас уйму». Нечего делать, стал генерал перед Бездольным на колени, попросил прощенья.

Дома Ивана Бездольного жена встречает. Пошло у них целованье, милованье. А король сидит, что черная туча нахмурился, ругает генерала: «Только осрамил ты меня перед Бездольным — всего и проку из твоей выдумки. Что хочешь выдумай, а чтоб добыть мне его жену — жить без нее не могу. А коли не придумаешь хорошо, самого тебя лютой казни предам». Говорит королю генерал: «Ваша королевская милость, прикажите Бездольному на тот свет сходить да спросить у вашего покойного батюшки, где его золотая казна спрятана; вовсе ведь мало денег после его смерти нашли, а прикопил он их много — это всякому ведомо».

Когда задал король Бездольному эту задачу,

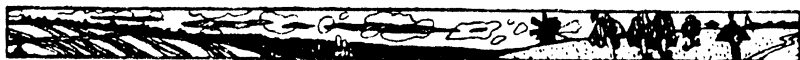

Марья Прекрасная мужу наказывает: «Вернись к королю, скажи, чтоб дал он тебе в товарищи, в свидетели, того самого генерала, который эту задачу придумал». «Что ж, — говорит король, — это Бездольный верно требует: почем я узнаю, что он на тот свет сходил, покойного батюшку увидал. Иди с ним, генерал, в свидетели».

Делать нечего, приказал генерал заложить коляску и подъезжает на другой день поутру к Иванову дому. «Нет, ваше превосходительство, — говорит Иван, — на тот свет в колясках не ездят, надо пешком идти. Пошли».

Иван Бездольный идет впереди, песенки попевает, хлебцем закусывает. Даст генералу кусочек — хорошо, а то и так генерал, голодный, плетется. Долго ли, коротко ли докатился клубочек до глубокого провалища. Спустились Иван с товарищем вниз на самое дно, идут страшным дремучим лесом. Глядь — мимо них двое нечистых на старом короле дрова везут — большущий воз — да так-то короля с обеих сторон железными прутьями подбадривают. «Смотрите, ваше превосходительство, — говорит Иван, — ведь это нашего короля покойный батюшка». «И то правда, он самый». «Эй, господа нечистые, — закричал Иван, — освободите мне этого грешника хоть на малое время; надо мне его кой о чем расспросить». «Ишь, что выдумал, — отвечают нечистые — самим нам, что ли, дрова возить! Эдак у нас в пекле и огонь погаснет». — «Коли такое дело спешное, — говорит Иван, — берите на смену вашему грешнику моего товарища; он еще живее работать будет». Нечистые живо освободили ста-

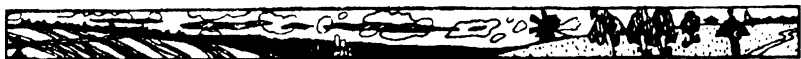
рого короля, впрягли генерала да как приударят его с двух сторон прутьями — генерал вскачь пустился, даром что с тяжелым возом.

Говорит Иван старому королю: «Вашей милости сын, а наш король, приказал спросить, где вы свою казну спрятать изволили перед смертью». «Скажи сыну, что казна моя в подвалах под большой башней сложена... Да не в деньгах счастье: пусть он об богатстве не думает, чужому не завидует, бедных людей не обижает. Не то и ему не лучше меня после смерти придется». Только старый король это вымолвил — скачет мимо генерал уже со вторым возом, насилу нечистые за ним с прутьями поспевают. Освободил Иван Бездольный генерала, и пошли они назад на белый свет.

Приходят они в свое королевство, являются во дворец. Король глянул на генерала и ужаснулся: все лицо у генерала осунулось, глаза выкатились, спина, бока до костей иссечены. «Что это с тобой, где вы были?» «Были мы на том свете, видели, как на вашем батюшке нечистые дрова возят, — отвечает Иван, — и наказал вам батюшка: на богатство не зариться, чужому не завидовать, бедных людей не обижать». «Ну, это все пустое, — говорит король, — где казна-то лежит?» — «Казна под большой башней в подвалах сложена». Сейчас позвал король рабочих, подкопались под башню и нашли несметное множество золота.

Сперва было король несказанно обрадовался, но скоро опять заскучал, принялся генерала ругать. «Выдумывай, как Бездольного жену добыть, не то в тюрьме сгною, голову сниму!» Гене-

ралу и самому хочется Ивану отомстить; подумал он, подумал и говорит: «Прикажите вы ему, чтоб пошел он туда — неведомо куда, принес то — неведомо что. Уж с этой задачей он не справится».

На другой день приходит Иван Бездольный из королевского дворца сумрачный. «Что, Иванушка, не весел, что голову повесил?» — спрашивает его Марья Прекрасная. «Еще задачу король задал, пойти, вишь, туда — неведомо куда и принести то — неведомо что. А коли не принесу — его меч, моя голова с плеч». «Вот это так задача! — говорит Марья Прекрасная. — Не знаю, смогу ли я тебе в ней помочь. Ну, да ложись спать: утро вечера мудренее».

Разбудила Марья Прекрасная мужа наутро раным-рано. «Вот, — говорит, — тебе самокатный клубочек и полотенце: куда придешь, умывшись, лицо утирай. На том полотенце я свой портрет вышила». Обернулась Марья Прекрасная белой голубушкой и улетела неведомо куда, а Иван Бездольный пошел за клубочком вслед — искать неведомо что.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — дошел Иван Бездольный до большого каменного дома. Стоит тот дом средь каменных гор, а кругом дома и земли не видать — все человеческими костями завалено. Клубочек в дверь вкатился, и Иван за ним вошел. В доме нет никого. Достал Иван хлебушка из дорожного запаса, поел и лег отдохнуть. Вдруг среди глубокой ночи зашумело, загудело, стены зашатались, задрожала-застонала мать-сыра зем-

ля, темные леса долу преклонились — влетел в дом Волк Оборотень. «Фу-фу-фу, — кричит, — доселева русской костки слыхом не слыхать, видом не видать, а нынче русский дух воочию является! Утром тобой, молодец, позавтракаю». Стал Иван Бездольный Волка просить, чтоб не губил он его. А Волк Оборотень говорит: «По правде-то мне есть тебя и охоты нет — сыт я. Давай в карты играть до утра; коли не заснешь — твое счастье, а коли сморит тебя сон — ну, тогда я тебя не помилую».

Сели Волк Оборотень с Иваном Бездольным в карты играть. Клонит Ивана сон, никак не может удержаться. «Что же ты, спишь или дремлешь?» — спрашивает Волк. Отвечает Иван: «Я не сплю, не дремлю, думаю думаю: кого на свете больше — живых или мертвых. Ведь мертвых больше». «А вот сейчас полечу, сосчитаю, — говорит Волк Оборотень, — по-моему, так живых больше». Полетел Волк, а Иван Бездольный прилег и заснул. Только что немного вздремнул — вдруг затрясся весь дом, летит Волк назад: «Выходит, — говорит, — по-моему: живых на свете куда больше, чем мертвых». «А ты тех мертвых сосчитал, что уж в земле зарыты?» — «Нет, не считал». — «Ну, так им и числа нет».

Опять стали они в карты играть. Пока Волк сдавал, не выдержал Иван Бездольный, упал головой на стол и заснул крепким сном... На заре на утренней разбудил его Волк: «Эй ты, не пора-время тебе спать, пора-время жизнь кончать — мне есть захотелось». Говорит Иван Волку Оборотню: «Я в твоей воле. Подожди только хоть не-

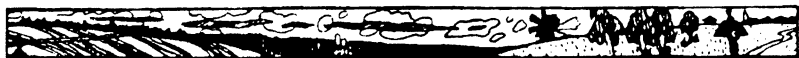
много, дай мне умыться со сна да Богу перед смертью помолиться».

Умылся Иван Бездольный, стал жениным полотенцем утираться, как закричит Волк Оборотень, увидавши на полотенце портрет Марьи Прекрасной: «Откуда у тебя это полотенце?» «Жена мне его на дорогу дала». «Ах, зять мой дорогой, — говорит Волк, — что ж ты раньше мне не сказал, что ты моей сестры богоданный муж!» Тут стали они обниматься, целоваться, стал Волк о сестре, об ее житье-бытье Ивана расспрашивать. Все ему Иван Бездольный рассказал: и про то, как женился, как король ему позавидовал, какие службы на него наложил. Выслушал Волк Оборотень и говорит: «На всем белом свете только один я тебе помочь теперь могу. Доведу я тебя туда — неведомо куда, добудешь ты то — неведомо что; только и ты мне службу сослужи, когда я тебя просить буду». И повел Ивана Волк.

Долго шли они, много земель прошли, морей переплыли — наконец добрались до таких пустынных мест, где с сотворения мира ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетала. Посреди тех сыпучих песков стоит высокая каменная гора. Тут остановился Волк Оборотень и научил Ивана, что ему делать. «А мне, — говорит, — дальше ходу нет».

Как научил Волк, так Иван Бездольный и сделал: перебрался через пески сыпучие, влез на гору и спрятался там в глубокой пещере; сидит, за камни в щель забившись. Прошел вечер, наступила ночь, темная, грозная; завыл ветер с полуночи; вдруг осветила молния, ударил гром, и

явился середь пещеры старичок — сам с ноготок, борода с локоток, голова с пивной котел... «Эй, — кричит. — Никто! Накорми меня!» Осветилась вся пещера, появился посреди нее стол, на столе жареный бык и сороковая бочка крепкого вина. Старичок за стол сел, в присест все съел, запил бочкой вина и пропал, словно сквозь землю провалился. Опять тихо, темно в пещере стало. Тогда вылез Иван Бездольный из своего угла и крикнул: «Ну-ка, Никто, покорми и меня!» Откуда ни возьмись — стоит посреди пещеры стол, весь царскими кушаньями и питьями уставленный. Иван присел к нему. «Где же ты-то, Никто? — спрашивает. — Садись со мной, давай вместе потрапезуем». Отвечает ему голос неведомо чей: «Ах, спасибо тебе, добрый человек! Сколько уж лет я этому старику верой-правдой служил, ни разу он меня, как ты, не попотчевал». Смотрит Иван: сами блюда опоражниваются, из графинов вина выливаются... Только что поел вволю, глядь — все со стола и съедено, и выпито, а наставлено было хоть на двенадцать человек. «Ну, спасибо тебе, Никто, — говорит Иван. — Не хочешь ли лучше мне, чем старику, служить?» «С большой радостью», — отвечает голос. «Коли так, в карман ко мне лезь». — «Я уж давно, сударь, здесь».

Вернулся Иван с неведомо чем к Волку Оборотню, и пошли они назад. По дороге говорит ему Волк: «Вот был ты неведомо где, добыл неведомо что — как тебе твой король приказывал: во всем я тебе помог. Теперь помогай ты мне, выручай из тяжелой беды». Иван Бездольный с

радостью согласился. И стал ему Волк рассказывать.

«Было нас у царя батюшки детей тридцать четыре души: я старший сын и тридцать три дочери. Все мои сестры хороши были, а Марья Прекрасная — всех лучше и при том же в волшебстве большая искусница. Когда померли наши родители, стал я в семье старшим и в своем царстве государем. Царство мое было большое, богатое, чего лучше желать? А я соседнему королю позавидовал — зачем его королевство в мое царство клином вошло — и пошел против него воевать с большой ратью. В той войне мне не посчастливилось, вся моя рать в бою легла. Скачу я сломя голову от погони дремучим лесом, вдруг откуда ни возьмись передо мной — тот самый старик, сам с нготь, борода с локоть, которого ты в пещере видел. Ухватил он под уздцы моего коня и говорит: «Стой, царь, и выслушай: выдашь за меня замуж твою сестру Марью Прекрасную, если я тебе вражеское королевство предоставлю?» Я говорю: «Хоть всех сестер сразу отдам». Ударили мы тут со стариком по рукам и пошли назад, туда, где неприятельское войско станом стояло. Подошедши к стану, старик говорит: «Никто! Чтoб было сейчас здесь грозное войско с ружьями, с пушками, и чтоб всю неприятельскую армию на месте избить». Смотрю: издали, со всех сторон пыль столбом поднимается... Что такое? Отовсюду рать-сила несчетная надвигается, барабаны бьют, солдаты из ружей палят... Ударилa эта рать на вражий стан, в минуту от королевского войска ни одного человека живого не осталось, и сам ко-

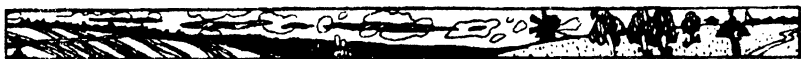

роль в битве жизни лишился. «Теперь, — говорит старик, — исполняй уговор, давай мне Марью Прекрасную». Привел я старика ночью в терем, где мои сестры почивали, и говорю: «Бери себе любую». Только было схватил старик Марью Прекрасную — она вырвалась из его рук и крикнула: «Не бывать же тому, чтоб мною такое чудище владело! А ты, брат, за то, что меня ему продал, стань Волком Оборотнем, броди по белому свету всем на страх, пока я тебя не помилю!» Сказала, обернулась сама и сестер обернула белыми голубками, и вылетели они все в окно. А я с той поры и хожу Волком Оборотнем... Пойдем теперь, с удачею, к тебе, проси за меня твою жену, а мою сестру, Марью Прекрасную. Не помилуется ли она меня хоть за то, что я из беды тебя выручил, не вернет ли мне человеческий вид».

Иван Бездольный с радостью согласился. Долго ли, коротко ли — пришли они к тому городу, где Иван жил. И научает Ивана Волк: «Смотри, если будет тебе от твоего короля беда неминуемая, — вспомни, что Никто в ней тебе помочь может. Ступай, а я тебя здесь, за городом подожду».

Явился Иван Бездольный к королю. «Что, принес?» — спрашивает его король. Сейчас Иван приказал своему слуге-невидимке обед представить; покушали все, выпили. Король вызвал генерала в другую комнату: «Это, — говорит, — что ж такое! Так знать не хочу: взять Ивана сейчас, посадить в тюрьму и повесить его завтра, хоть за ту вину, что здорово живет, поперек дороги мне стоит».

Подхватили Бездольного солдаты, посадили в тюрьму, а наутро ведут уж и на площадь вешать. На площади кругом виселицы солдаты поставлены, и сам король выехал глядеть, как его разлучнику конец придет. Как поставили Ивана Бездольного под виселицу, накинули петлю на шею — взговорил он громким голосом: «Эй, слуга мой Никто, выручай меня!» Откуда ни возьмись наскочило на площадь войска видимо-невидимо — и пешая армия, и конная гвардия — всех королевских солдат живо перебили, Ивана Бездольного с почетом из-под виселицы вывели, и не успел Иван ахнуть, глядь — уж король со своим приближенным генералом на его месте в петлях качаются...

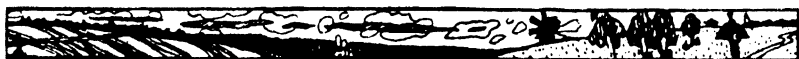
А после того, как уж всегда бывает, Ивана Бездольного королем выбрали. Марья Прекрасная на радостях и по мужниной просьбе брата простила, опять его человеком сделала, и стали они жить-поживать, добра наживать да лихо избывать. И теперь живут, коли давно не померли.

Барин и гусак

Жил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе канарейку за пятьдесят рублей. Случилось быть при этом мужику; пришел мужик домой и говорит своей бабе:

— Знаешь ли что, жена?

— А что?

— Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку — пятьдесят рублей заплатил. Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купит ли?

— Понеси!

Вот взял мужик гусака и понес к барину. Приносит:

— Купи, барин, гусака.

— А что стоит? — спросил барин.

— Сто рублей.

— Ах ты, болван!

— Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!

Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром.

— Ну, ладно, — сказал мужик, — попомнишь ты этого гусака!

Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел; идет мимо барского дома и кричит:

— Кому теплы сени работать?

Барин услышал, зовет его к себе:

— Да сумеешь ли ты сделать?

— Отчего не сделать; вот тут неподалечку растет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо.

— Ах, братец, — сказал барин, — покажи мне этот лес поскорее.

— Изволь, покажу.

Поехали они вдвоем в лес.

В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины; расколол дерево с

одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель. Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко защебил ему руку. Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать:

— Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!

Уж он его дул, дул! Вволю натешился и сказал:

— Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу.

Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли, да из тисков высвободили — времени и многонько ушло!

Вот барин захворал, лежит на постели да охает; а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит:

— Кого полечить?

Барин услышал, зовет его:

— Ты что за человек?

— Я дохтур: всякую болезнь снимаю.

— Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!

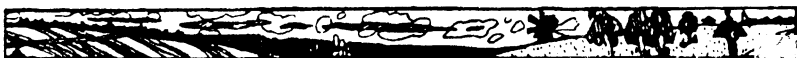
— Отчего не вылечить? Прикажи истопить баню.

Тотчас вытопили баню.

— Ну, — говорит мужик барину, — пойдём лечиться; только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза!

Пошли они вдвоем в баню; барин разделся.

— А что, сударь, — спрашивает дохтур, — стерпишь ли, коли в этакое жару начну тебя ма-зью пачкать?

— Нет, не стерпеть мне! — говорит барин.

— Как же быть? Не велишь связать тебя?

— Пожалуй, свяжи.

Мужик связал его бечевою, взял нагайку и да-вай валять на обе корки. Уж он валял, валял, а сам приговаривал:

— Не бей мужика, не бери гусака! Не бей му-жика, не бери гусака!

После, уходя, сказал:

— Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и в третий, коли не отдашь гусака да двух сотен руб-лей на придачу.

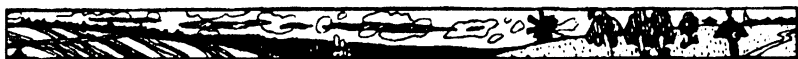
Барин еле жив из бани вылез, не захотел ожи-дать третьего раза и отослал мужику и гусака, и двести рублей.

Барин и собака

В одной деревне был крестьянин, а тут неда-леко жил барин в своем имении. Крестьянину случилось раз пройти мимо имения. А у барина собака была злющая. Собака накинулась на кре-стьянина, а он ударил собаку посохом и убил ее.

Барин подал в суд. Позвали этого крестьянина судиться с барином. И вот когда пришли на суд, судьи спрашивают барина:

— Что ты хочешь от этого мужичка, какое наказание ему дать?

— А я вот что хочу сделать — лишить его человеческого звания и голоса, и пусть он станет собакой, охраняет мое имение и живет у меня при дворе.

Ну конечно, суд это и решил. Лишили мужичка человеческого звания и заставили жить у барина, охранять барское имущество.

Мужичку пришлось прийти к барину и стать вместо собаки: лаять по ночам и охранять его имущество.

И вот в одно прекрасное время сговорился он с ворами:

— Приходите, воры, в такую-то ночь, пограбите, а там разделим.

И вот в одну ночь приехали воры. Когда барин утром встал — видит, что имущества у него увезли много. И он подает на собаку в суд, что она худо охраняла: были воры и ограбили. Когда пришли на суд, то судьи стали спрашивать барина:

— Ну, барин, скажи, лаяла ли у тебя в ту ночь собака?

— Очень хорошо лаяла, сильно лаяла в ту ночь, когда была покража.

Тогда судьи отвечают барину:

— Так что же тебе надо от собаки? Что же она могла еще сделать, раз она лишена человеческого голоса?

И решили судьи, что собака права, и дали ему право человеческим голосом опять говорить.

Тогда барин был недоволен судом и повез это-

го мужичка в город, на пересуд. И поехали они с ним вместе. Заехали в лес. А уж было темно. Мужик и говорит барину:

— Смотри-ка, барин, медведь стоит на дороге!

— Ну, мужичок, пугай!

— Да нет, я теперь лаять не стану — я получил человеческое право. Лай, барин, сам, а то медведь-то может нас съесть.

— Мужичок, полай немножко, хоть поучи меня.

Мужичок полаял немного и говорит:

— Теперь лай сам, а то медведь нас съест.

И вот барин начинает лаять. А мужик ему говорит:

— Лай, барин, лай, медведь-то ближе подошел!

А сам сидит, не смеется. И барин до того долаял, что рассвело. Мужичок и говорит:

— Стой, барин, стой, не лай! Это ведь не медведь, это нам повиделась кокура.

Тогда барин заговорил:

— А, так ты меня обманул! Теперь я тебя отдам под суд.

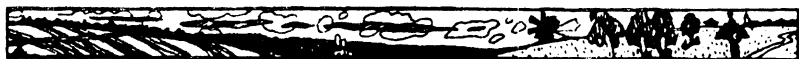
— Ну ладно, барин, отдавай, а я всем скажу, что ты всю ночь по-собачьи лаял.

— Послушай, мужичок, я тебя отпущу домой и дам тебе денег и корову. Иди, живи с богом, только никому не рассказывай, что я по-собачьи лаял!

И вот они вернулись домой. Барин дал мужичку корову да денег, и мужичок пошел домой.

И стал он жить, ни в чем нужды не зная с тех пор, как барина обдурил.

Чего на свете не бывает

Жил-был барин, богатый-пребогатый. Не знал он, куда свои деньги девать. Ел-пил сладко, одевался нарядно, гостей у него каждый день столько было, что у иных по праздникам того не бывало. А все у него денег не убывало, еще прибывало.

И захотелось раз барину пошутить над мужиком-дураком себе и гостям на потеху. Призывает он самого бедного мужика из деревни и говорит ему:

— Слушай, мужик. Дам я тебе денег целую маленьку, только скажи мне, чего на свете не бывает. Нынче люди до всего дошли: и на черте ездят, и по небу летают, и в Питер по проволоке лапти послать можно. Скажи же: чего на свете не бывает?

Почесал мужик затылок.

— Не знаю, — говорит, — барин, кажись, взаправду все на свете бывает. Дай сроку до завтра — может, и вздумаю.

— Ну пойди подумай, — говорит барин, — а завтра приходи, ответ приноси.

Мужик до петухов не спал, все барскую загадку отгадывал. Раздумает, так и мало ли чего на свете не бывает, а и то в ум придет: «Может, это и бывает, только я не знаю. Ну да ладно, скажу наудачу, авось чего и не бывает!»

На другой день пришел он к барину.

— Ну что, мужик, теперь знаешь, чего на свете не бывает?

— Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорище не заткнет.

Усмехнулся барин, усмехнулись и гости; видят — мужик-то сер, да ум-то у него не волк съел. Надо маленьку отмеривать. Да барин не то денег пожалел, не то хотел еще над мужиком пошутить, кто его знает, только и говорит мужику:

— Нашел, брат, что сказать. У нас подлинно этого не делают, а в чужих землях — так сплошь и рядом. Ступай с богом до завтра. Придумаешь — ответ принеси.

Продумал мужик и другую ночь. Что ни надумает, все надежда плохая на барские деньги. «Хитры немцы, — думает, — у них, может, все бывает. Ну да скажу еще что-нибудь!»

Приходит наутро к барину.

— Ну, мужик, все ли на свете бывает?

— Не все, барин: баба попом не бывает, красная девка обедни не служит.

Усмехнулись все, только барин опять ему денег не дал.

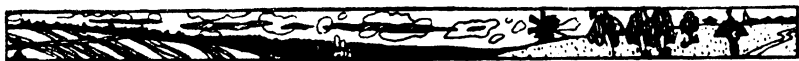
— Нет, — говорит, — это бывает; по неметчине и все так. Поди подумай последний раз. Скажешь — бери деньги, а то не прогневайся.

Плюнул с досады мужик; идучи домой, думает: «Видно, одному только не бывать, чтобы у меня деньги были!»

Все-таки через ночь опять идет к барину. «Наскажу, — думает, — ему всякой всячины, может, что и небывальщина будет».

— Ну, что хорошенького скажешь? — спрашивает барин. — Не узнал ли, чего на свете не бывает?

— Все, барин, бывает, — говорит мужик. — Думал я, что люди хоть на небо не попадают, а здесь сам побывал, теперь поверил, что и это бывает.

— Как же ты на небо попал?

— Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала: двух журавлей в разнопряжку. Повидался с ней, с ребятишками и к твоей милости воротился.

— И назад с журавлями?

— Нет, назад я соскочил.

— Как же ты, мужичок, не убился?

— А так, что по уши в землю завяз, не жестка земля попалась.

— Из земли же как вылез?

— Хе... как! А сходил домой, принес лопату, выкопался, да и вылез.

— Не видал ли ты на небе покойного барина, моего родителя?

— Как же, видел, к ручке допустить изволили.

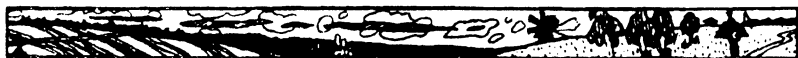
— Ну, что он там делает? — допрашивает барин.

А мужик-то, не будь плох, догадался и говорит:

— Что покойный барин делает? Да после моих ребятишек постилки моет.

— Врешь, мужик-дурак! — закричал барин. — Того на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился! Бери деньги, да не мели околе-сицы!

Барин и староста

Жил-был барин в городе; приехал к нему из деревни староста.

— Это ты, Василий Петров? — спрашивает барин.

— Я, батюшка-барин!

— Не привез ли ты от матушки письма?

— Письмеца нет, только одна грамотка.

— Что же в ней прописано?

— Да, вишь, прогневили господа бога, ваш перочинный ножичек изломали.

— Как же вы его изломали?

— С вашего иноходца кожу снимали; ножичек-то мал, я его и сломал.

— Да разве мой конь помер?

— Нет, подох.

— Как же он издох?

— Не он наперед подох, а ваша матушка, батюшка-барин!

— Ужли и матушка померла?

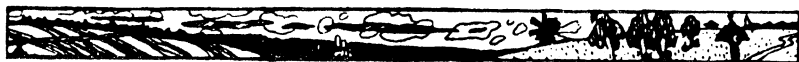
— Да как у Фомки овин горел, она в те поры сидела в каменном доме в верхнем этажу, а форточка пола была: искорка ей на ногу скакнула, барыня упала да ногу-то и свихнула.

— А ты, дурак, чего не поддержал?

— Батюшка-барин! Она хлебом-солью откормлена. В кое место падет, меня убьет!

— Ты бы таковской и был! Отчего ж у Фомки овин загорелся?

— Не он наперед загорелся, а ваша новая конюшня.

— Что от нее осталось?

— Три столба воротных да с вороного коня подуздочек.

— Как же она загорелася?

— Да не она, батюшка-барин, загорелася, а ваша новая мельница.

— Как, и новая мельница сгорела?

— Да, батюшка-барин, сгорела! Прогневили мы господа бога.

— Что ж от нее осталось?

— Вода да камень остались: камень-то начетверо разорвало, а все уцелел; да в дымном окошке кошка сидела, так у ней глаза лопнули, а сама как есть живая!

— Как же новая мельница загорелася?

— Не она, батюшка-барин, наперед загорелась, а ваша кладовая.

— Как — и кладовая?

— Да, сгорела, батюшка-барин! Прогневили мы господа бога...

— Ты старостой называешься, а собрал ли с крестьян деньги?

— Собрал, батюшка-барин, собрал.

— С кого сколько?

— С Фомки грош, с Еремки грош, а с Варфоломейка одна копейка.

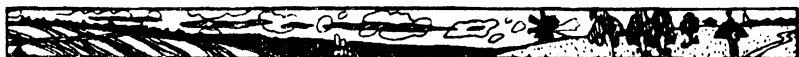
— А что ж с него мало?

— Он вдовый, половина тягла платит...

— А собрал ли с крестьян муку?

— Собрал, собрал, батюшка-барин!

— Куда ж ты ее девал?

— Вам да свиньям пятьдесят четвертей; черному псу да твоему родимому отцу сорок четвертей; уткам да курам, сестрам твоим дурам двадцать четвертей.

— Что ты, дурак, ругаешься?

— Батюшка-барин, пословица така!

— Был ли ты на рынке?

— Был, батюшка-барин, был.

— Велик ли торг?

— Я с ним не мерился.

— Силен ли он?

— Я с ним не боролся.

— Почему там мука?

— По кулям да по мешкам.

— Ты, говорят, Фомку женил?

— Женил, батюшка-барин, женил.

— А богата невеста?

— Богата, батюшка-барин, дюже богата!

— Что богатства?

— Чепчик с клиньем да колпак с рукавами, чугунна коробка, железный замок.

Кашица из топора

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке:

— Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А старуха в ответ:

— Вот там на гвоздике повесь!

— Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

— Где хошь, там и заночуешь!

— Ах ты, старая ведьма! Я те глухоту-то вылечу! — И полез было с кулаками. — Подавай на стол!

— Да нечего, родимый!

— Вари кашицу!

— Да не из чего, родимый!

— Давай топор, я из топора сварю!

«Что за диво! — думает баба. — Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит!»

Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил-варил, попробовал и говорит:

— Всем бы кашница взяла, только б малую толику круп подсыпать!

Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит:

— Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!

Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашницу:

— Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли да принимайся за ложку: станем кашницу есть!

Похлебали вдвоем кашницу.

Старуха спрашивает:

— Служивый! Когда ж топор будем есть?

— Да, вишь, он не уварился, — отвечал солдат, — где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю!

Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню.

Вот так-то солдат и кашицы поел и топор унес!

Солдатская загадка

Шли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается:

— Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету.

А у ней в печи был вареный петух — в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один — вороватый был! — вышел на двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит:

— Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест.

Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, наместо его положили туда ошмёток, а петуха в суму спрятали. Пришла старуха:

— Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!

Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили:

— Дай же, бабушка, поесть нам!

— Возьмите, детоньки, кваску да хлебца; будет с вас!

И вздумала старуха похвалиться, что провела их, и загадала им загадку:

— А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне, ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?

— Нет, бабушка!

— А кто же, детоньки, вместо его?

— Да Липан Липанович.

— А где же Курухан Куруханович?

— Да в Сумин город переведен, бабушка.

После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему:

— Поди-ка, сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитятко, заганула загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то.

— Да какую ты, матушка, заганула им загадку?

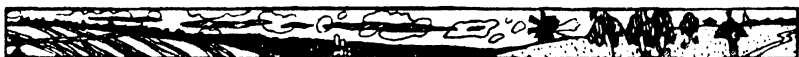
— А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отганули. «Нет, — бают, — бабушка!» — «Где же он, родимые?» — «Да в Сумин город переведен». А того и не знают, что у меня в горшке-то есть!

Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила.

— Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!

— То-то, матушка! Солдата не проведешь, он — человек бывалый.

Морока

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был матрос; служил верно, вел себя честно, потому и начальство его знало. Отпросился он раз с корабля походить по городу, надел свой парусинник и пошел в трактир. Уж рублей на десять забрал, а все не унимается: то того, то другого спрашивает.

— Послушай, служба, — говорит ему половой, — забираешь ты много, а есть ли у тебя чем рассчитаться?

— Эх, братец, о деньгах, что ли, сомневаешься? Да у меня денег куры не клюют.

Тотчас вынул из кармана золотой, бросил на стол и говорит:

— На, получай!

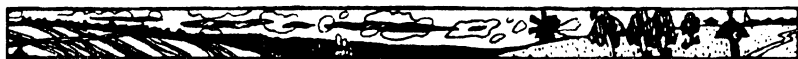
Половой взял золотой, высчитал все, как следует, и приносит сдачу; а матрос ему:

— Что там за сдача, братец! Возьми себе.

На другой день опять отпросился матрос, зашел в тот же трактир и прогулял еще золотой; на третий день тоже, и стал он ходить туда, почитай, каждый день и все платит золотыми, а сдачи не берет, дарит половому. Стал замечать за ним сам трактирщик, и пришло ему в сомнение:

— Что бы это значило? Матросишка — так себе, а поди как сорит деньгами! Полную шкатулку золота натаскал!.. Жалованье мне их известно, небось — не раскутишься! Верно, он где ни на есть казну обобрал; надо начальству про то донести; не ровен час — еще в такую беду попадешь,

что после и не разделаешься, а пожалуй, и в Сибирь угодишь.

Вот и доложил трактирщик офицеру, а тот довел до самого генерала. Генерал потребовал к себе матроса.

— Признавайся, — говорит, — по совести, отколь золото брал?

— Да этого золота во всякой помойной яме много!

— Что ты врешь!

— Никак нет, ваше превосходительство! Не я вру, а трактирщик: пусть покажет он то золото, что от меня получил.

Сейчас принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшек.

— Как же, братец: ты платил золотом, а очутились костяшки? Покажи, как ты сделал это?

— Ах, ваше превосходительство! Ведь нам смерть приходит...

Глядят, а в окна и в двери так вода и хлынула — все выше да выше, уж под горло подступает.

— Господи! Что же теперь делать? Куда деваться? — спрашивает с испугу генерал.

А матрос в ответ:

— Коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, так полезайте за мною в трубу.

Вот и полезли, взобрались на крышу, стоят и смотрят во все стороны: целый город затопило! Такое наводнение, что в низких местах совсем домов не видать; а вода прибывает да прибывает.

— Ну, братец, — говорит генерал, — верно, и нам с тобой не уцелеть!

— Не знаю; что будет — то будет!

«Смерть моя приходит!» — думает генерал, стоит сам не свой...

Вдруг откуда ни взялся — плывет мимо ялик, зацепился за крышу и остановился на том месте.

— Ваше превосходительство, — говорит матрос, — садитесь скорее в ялик, да поплывем; может, и уцелеем, авось вода сбудет.

Сели оба в ялик, и понесло их ветром по воде; день плывут, и другой плывут, а на третий стала вода сбывать, и так скоро — куда только она делась? Кругом сухо стало.

Вышли они из ялика, спросили у добрых людей, как слывет та сторона и далеко ль занесло их? А занесло-то их за тридевять земель, в тридесятое царство: народ все чужой, незнаемый. Как тут быть, как попасть в свою землю? Денег при себе ни гроша не имеют, подняться не на что. Матрос говорит:

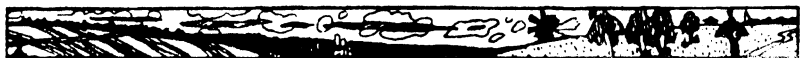
— Надо наняться в работники да зашибить деньжонок; без того и думать нечего — домой не воротиться.

— Хорошо тебе, братец! Ты давно к работе привычен, а мне каково? Сам знаешь, что я генерал, работать не умею.

— Ничего, я такую работу найду, что и умения не надо.

Побрели в деревню и стали в пастухи наниматься; общество согласилось и порядило их на целое лето: матрос пошел за старшего пастуха, а генерал за подпаска. Так-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; после того собрали с мужиков деньги и стали делиться.

Матрос разделил деньги поровну: сколько себе, столько и генералу. Вот генерал видит, что матрос равняет его с собою, стал на это обижаться и говорит:

— Что ж ты меня с собою равняешь? Ведь я — генерал, а ты — все-таки простой матрос!

— Как бы не так! Мне бы разделить на трое: две части себе взять, а с вас и одной довольно: ведь я настоящим пастухом был, а вы — подпаском.

Генерал осерчал и принялся всячески ругать матроса; а матрос крепился, крепился, размахнул рукой, как толкнет его в бок:

— Очнитесь, ваше превосходительство!

Генерал очнулся, смотрит — все по-старому: как был в своей комнате, так и не выходил из ней! Не захотел он больше судить матроса, отпустил его от себя; так трактирщик ни при чем и остался.

**Не любо — не слушай,
а лгать не мешай**

У старика было три сынка: один хромой — больно прыток удался, другой безногий — с зайцем наперегонки гонялся, а третий, хоть был косолапый, зато только и знал, что ворон считал.

Вот раз пошли стариковы сыновья в лес дрова рубить. Пока хромой работать собирался, пока

безногий чесался, а косолапый всех ворон пересчитал, глядь — и вечер настал. Пора ужин варить, а огня нету... Как быть, как горю пособить? Хромой был умен, безногий — хитер, а косолапый — догадлив: срубили три брата большую сосну в два обхвата, раскололи на поленья, сложили их в высокую кучу, и полез косолапый на самый верх высматривать, где бы огонька добыть да костер подпалить.

Глядел-смотрел — и впрямь увидел, что в одной стороне середь леса огонек светится. Пошел за огнем старший брат, хромой. У костра сидит старик. «Здорово, дедушка, дай огоньку». — «Попляши, тогда дам». — «Да я не умею». — «Ну, песню спой». — «Не учился». — «Ну, сказку скажи». — «Я не горазд». «Коли так, — говорит старик, — убирайся, откуда пришел, нет тебе огня!» Воротился хромой ни с чем. «Эх ты, фефела! — говорит ему безногий. — Приходится мне идти». Пошел безногий — и тоже с пустыми руками вернулся.

Дошла очередь до младшего брата, косолапого. Пришел и он к старику. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседущка». — «Дай, дедушка, огоньку». — «А ты попляши, меня, старика, повесели». — «Не умею я; куда мне колченогому!» — «Ну, песню веселую спой». — «Больно я петь-то не горазд». — «Коли так, хоть сказку скажи». — «Вот это мое дело. Только один уговор: я буду сказывать, а ты не перебивай. Если перебьешь или скажешь, что неправду говорю, — с тебя сто рублей». «Ладно!» — говорит старик, а сам сел рядом с косолапым, лысиной к огонь-

ку — такая-то большая да светлая лысина! Вот и начал косолапый сказывать:

«Жил я с младшим моим дедушкой, когда еще он не женат был и батька мой не родился, потому самому, что как начался свет, мне было семь лет. Вот тогда-то жили мы куда богато: от наготы да босоты ломились шесты. Изба у нас была большая: на земле порог, да тут же и потолок — хоть сидеть в избе нельзя, зато поглядеть хороша. Птицы у нас было — одна курица, медной посуды — крест да пуговица, скота — таракан да жужелица, а в упряжь — две кошки лысы да еще один кот-иноход. А земли сколько было — и глазом не окинешь: пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы сдавали. Посеяли мы на полу-то ячмень, а на лавки семян не хватило. И вырос наш ячмень высок да густ; завелась в нем крыса; как стала ее ловить наша кошка лыса — так заблудилась, что и теперь еще бродит... Собрали мы тот ячмень, а сложить некуда. Я, хоть меньшей, да разумом большой — догадался сложить скирду на печном столбе... А бабушка моя была куда резва — на печь три года лезла, лезла-лезла, наклонилась, надвое переломилась да и скирду нашу в лохань уронила. Дед завыл, я заголосил... Бабушку мы лычком сшили — она так еще десять лет ходила, а ячмень из лохани вытащили, пересушили, обмолотили и пива наварили. Сварили мы два пива: одно жидко, а другое — что вода. Выпьешь любого бурак — станешь совсем дурак; а как гостю стакан поднесешь, да за волосы потрясешь, да по затылку поленом оплетишь — так и с ног долой...

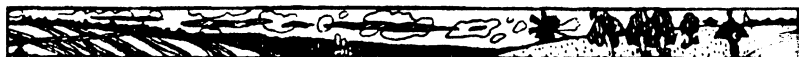
Да ты слушаешь, дед?» — а сам деда рукавицей по лысине хлоп! «Слушаю, свет!»

«Ну, хорошо. Было у нас всего много: денег девяноста безо ста — мы и счесть не умели просто. Да и то сказать: сложить такие деньги не во что, а мешка купить не на что... Да была еще у нас лошадь сива, и случись со мной вот какое диво: раз поехал я на ней в лес дрова рубить, и топор у меня сзади за поясом. Еду я рысцей: трюх-трюх, а топор-то по лошади: тюк-тюк! Тюкал-тюкал, да и отсек лошади весь зад... Слушаешь, дед?» — а сам деда рукавицей по лысине щелк! «Слушаю, свет».

«На передке я три года ездил. Раз еду лесом, глядь — а задок моей лошади на полянке пасется. Я его поймал, обротал да потом и пришил к передку березовым прутом. Стала березка кверху расти так, что невмочь уж лошади ее на себе нести, — высоко-высоко выросла. Я надумал по березе кверху лезть. Лезу-лезу, а она все растет да растет, пока в облако не уперлась. Уцепился я за облако и на него вылез. Походил-посмотрел: нету ничего... Слушаешь, дед?» — а сам деда по лысине рукавицей щелк! «Слушаю, свет!»

«Ну, надумал я назад на землю спускаться. Глядь, а лошадь-то мою дедушка поить угнал: не по чем лезть. Стал я на облаке проживать, голодом голодать: совсем отощал. И с той худобы завелись у меня блохи немалые. В ту пору я догадлив был: стал блох ловить, с них шкурки драть да веревку вить; свил веревку длинную, привязал концом к облаку и давай спускаться. На беду не хватило веревочки: до земли далеко, до облака

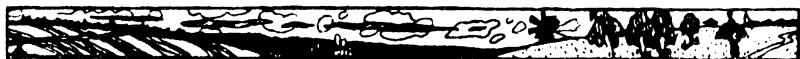
высоко — как быть? А я выдумал: сверху-то отрежу да на низ наставлю, отрежу да наставлю, отрежу да наставлю... Да ты слушаешь, дед?» — а сам деда по лысине рукавицей хлоп! «Слушаю, свет; и все твои речи — правда истинная!»

«Резал я, резал; до того дошло, что и наставлять больше нечего. Я сижу, не тужу, по сторонам гляжу: мужик овес веет, полова вверх летит. Я скорей полову ловить да веревку вить; вил-вил-вил, мертвую крысу завил. Ни с того, ни с сего крыса ожила да веревку-то и перегрызла. Как полечу я вниз... Летел-летел, летел-летел, летел-летел... Слушаешь, дед?» — «Слушаю, свет». — «А, чтоб тебя!.. Ладно. Сколько я летел, что и за сто рублей не скажешь, и свалился в болото, в трясины по самый рот ушел; хотел было воды напиться, да шею наклонить нельзя. Прибежала лиса, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо волк, лисенят уволок, а я успел его за хвост схватить. Как уцеплюсь да закричу: тю-тю-тю! Волк меня из болота и вытащил».

Совсем беда приходит косолапому: скоро уж и сказывать нечего, а дед все не спорит, все не перестывает. Надо, что ни на есть, дальше рассказывать, чтоб своего добиться.

«Из болота я вылез голодный-преголодный. Глядь, а в дупле жареные перепелята сидят. Хотел было я в дупло руку просунуть — не лезет. Делать нечего — сам влез, наелся и растолстел, назад-то уж и не вылезу. Тут я догадлив был: домой за топором сбегал, прорубил дупло пошире и выкарабкался... Пошел я, неведомо куда, и при-

шел за море в такую сторону, где скот ни почем; за муху с мушонком дают корову с теленком, а за крупных оводов — больших быков. Наловил я тут мух три куля, наменял коров да быков три табуна, пригнал к синему морю — и давай горевать, как стадо домой гнать. Коли корабли нанимать — дорого возьмут, коли вплавь пустить — половина стада перетонет... Как тут быть, дед?» — «Сказывай, сказывай, свет!»

«Вот, я изловчился: ухватил одну корову за хвост, махал-махал, да как пущу — так на другой берег и ткнулась, только на лету раза два перевернулась. Перемахал я все три табуна, остался один бык бурый... Схватил я его за хвост, обвил хвост кругом руки крепко-накрепко, собрался с силою, развернулся, да как махну — так вместе с быком и перелетел через море... Только какая тут со мной беда стряслась! Как я быка кидал, так, должно быть, ненароком в сторону взял — да и попал в самую преисподнюю... Что тут делать, чем кормиться? Вот и нанялся я у чертей навоз возить. Три года навоз возил — и все на твоём дедушке».

«Ну, уж это ты врешь, свет, — говорит старик. — Не может того быть, чтоб на моем дедушке черти навоз возили!» «Может, не может, а сто рублей подавай!»

Забрал косолапый у старика деньги, взял огня и вернулся к братьям. Сейчас они костер запалили, ужин сварили и так с голоду наелись, что, как заснули потом — так и посейчас, должно быть, спят.

Про серебряное блюдечко и наливное яблочко

У мужика с женой было три дочери: две — нарядницы, затейницы, а третья — простоватая; и зовут ее сестры, а за ними и отец с матерью — дурочкой. Дурочку везде толкают, во все помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на все готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уточек кормит. Кто что ни спросит — все дура приносит: «Дура, поди! За всем, дура, гляди!»

Едет мужик с сеном на ярмарку, обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит: «Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан». Другая дочь просит: «Купи мне алой китайки». А дура молчит да глядит. Хоть дура, да дочь; жаль отцу — и ее спросил: «Чего тебе, дура, купить?» Дура усмехнулась и говорит: «Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко». «Да на что тебе?» — спрашивают сестры. «Стану я катать яблочком по блюдечка да слова приговаривать, которым научила меня прохожая старушка за то, что я ей калач подаю». Мужик обещал и поехал.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуре серебряное блюдечко да наливное яблочко; вернулся домой и показывает. Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются

да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу, приговаривает:

— Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту, и небес красоту!

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки на полях, и гор высота, и небес красота. Солнышко за солнышко катится, звезды в хоровод собираются... Так все красиво, на диво, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Загляделись сестры, а самих зависть берет: как бы выманить у дуры блюдечко: но она свое блюдечко ни на что не променяет.

Злые сестры похаживают, зовут-подговаривают: «Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдем, землянички наберем». Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сестрами бродит, ягоды собирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сестры заступ схватили, дурочку убили, под березкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят: «Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, ее не нашли: видно, волки съели!» Жалко отцу: хоть дура, да дочь! Плачет мужик по дочери; взял он блюдечко и яблочко, положил в ларец и замкнул, а сестры-то слезами обливаются.

Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идет по лесу овечку отыскивать. Видит он бугорок под березкой в стороне, а на нем вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пас-

тушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, а дудочка сама поет-выговаривает:

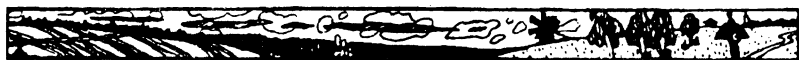
«Играй-играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со света сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко!» Люди услышали, сбежались, вся деревня за пастухом идет, пристают к пастуху, выпрашивают: кого загубили? От расспросов отбою нет. «Люди добрые! — говорит пастух. — Ничего я не ведаю. Искал я в лесу овечку и увидел бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку — сама дудочка играет, выговаривает». Случился тут отец дурочки, слышит слова пастуха, схватил дудочку, а дудочка сама поет:

«Играй-играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со света сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». «Веди нас, пастух, — говорит отец, — туда, где срезал ты тростинку».

Пошел за пастухом он в лесок, на бугорок, и дивится на цветы алые, лазоревые. Вот начали разрывать бугорок и мертвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал — лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают: кто убил-загубил ее? А дудочка сама играет-выговаривает:

«Свет мой батюшка родимый, меня сестры в лес зазвали, меня, бедную, загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь

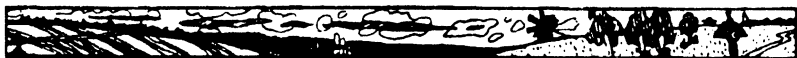
воды из колодезя царского...» Две сестры-завистницы затряслись, побледнели — а душа как в огне — и признались в вине; их схватили, связали, в темный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.

Скоро ли, долго ли — прибыл он в тот город. Ко дворцу он приходит; вот, с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Говорит царь: «Возьми, старик, живой воды из царского колодезя; когда дочь оживет, представь ее нам с блюдечком, с яблочком, с лиходейками-сестрами». Старик радуется, в землю кланяется и домой везет скляницу с живою водою; бежит он в лесок, на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он sprыснул водой — встала дочь перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались — наплакались.

Поехал старик в престольный город, привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко; видит старика с тремя дочерьми; две за руки связаны, а третья дочь — как весенний цвет, очи — райский свет, по лицу заря, из очей слезы катятся, будто жемчуг, падают. Царь глядит, удивляется; на злых сестер прогневался, а красавицу спрашивает: «Где ж твое блюдечко и наливное яблочко?» Тут взяла она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает: «Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки ль твои храбрые, корабли ли на море, чудные ль звезды на небе?»

Покатила наливным яблочком по серебряному

блюдечку, а на блюдечке-то один за одним города выставляются, в них полки собираются, со знаменами, со пищалями, в боевой строй становятся, воеводы перед строями, головы перед взводами,десятники перед десятнями: и пальба и стрельба, дым облако свил, все из глаз сокрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечке море волнуется, корабли, как лебеди, плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба и пальба, дым облако свил, все из глаз сокрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: в блюдечке все небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звезды в хоровод собираются...

Царь удивлен чудесами, а красавица льется слезами, перед царем в ноги падает, просит помиловать: «Царь-государь! — говорит она.— Возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости сестер моих, за меня не губи ты их». Царь на слезы ее сжалился, по прошенью помиловал; она от радости вскрикнула, обнимать сестер бросилась.

Царь глядит, изумляется: взял красавицу за руки, говорит ей приветливо: «Я почту доброту твою, отличу красоту твою: хочешь ли быть мне супругою, царству доброю царицею?» «Царь-государь! — отвечает красавица.— Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери. Как отец велит, как мать благословит, так и я скажу». Отец в землю поклонился; послали за матерью — мать благословила. «Еще к тебе слово, — сказала царю красавица: — не отлучай родных от меня; пусть со мною будут

и мать, и отец, и сестры мои». Тут сестры ей в ноги кланяются: «Недостойны мы!» — говорят они. «Все забыто, сестры любезные! — отвечает она им. — Вы родные мне, не с чужих сторон; а кто старое зло помнит, тому глаз вон!»

Так сказала она, улыбнулась и сестер поднимала; а сестры в раскаяньи плачут, как река льются, встать с земли не хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел.

Царь во дворце; крыльцо все в огнях, как солнце в лучах: царь с царицей сели в колесницу; земля дрожит, народ бежит: «Здравствуй, — кричит, — на многие лета!»

Таракан-богатырь

Жил-был мужик по прозванью Таракан: такие у него усы тараканьи были, длинные-предлинные да тонкие. А сила в нем была великая: если мимо воробей пролетит — он с ног валится. Тоже и храбрости был Таракан несказанной: ночью из избы никогда не выходил один, а чтоб его жена провожала. Надоело это Таракановой жене. И била она своего Таракана без милосердия и срамила всячески: ничего с таким лядащим не поделаешь. Пользы от него по хозяйству и на медный грош нет, а об нем хлопочи: ночью вставай, на улицу его провожай...

Раз была ночь темная-претемная — зги не видеть — да ветреная, холодная. И в самый сладкий сон вдруг будит Таракан жену: «Выведи,— говорит,— меня наружу, хочу на ветерке прохладиться; а то в избе очень жарко». Встала жена, оделась-обулась; со сна-то такая злость ее разбирает, что так бы вот и пришибла привередника: стой из-за него на крыльце... А он по двору прохаживает, на небо поглядывает да лясы точит: «Эка ночь-то! Эка тьма-то кромешная! Вот бы теперь на большой дороге под мостом сидеть да у проезжих купцов кошельки обирать!» «Иди уж в избу скорей, храбрый богатырь,— говорит жена,— ложись-ка на печь да хоть блох обирай!» Как закричит на нее Таракан: «Что за бунт? Молчи, баба, не смей мне перечить! Возьму сейчас и пойду свою удаль показывать, а не то, вот назло тебе, буду до утра по двору ходить, чтоб ты на крыльце стояла да мерзла!»

Так это бабу взорвало, что ухватила она Таракана за шиворот, вволокла в избу, накинула на него рваный зипунишко, сунула ему в руку ржавый ломаный косарь и вытолкала в шею: «Ступай же,— кричит,— покажи: какой ты храбрый богатырь, а без того я тебя и через порог не пущу!» Стал было Таракан жалобно назад проситься — только того и добился, что баба из избы выскочила, вывела его за шиворот из деревни в поле да там одного середь темной ночи и бросила.

Плохо Тараканово дело: он и днем-то за деревню выходить боялся, чтобы кто не обидел, а тут ночью, и неведомо куда его вывели! Поголосил он, повопил и побрел, закрывши глаза от страху.

«Не прибреду ли, — думает, — назад в деревню...» Брел он, брел ощупью и к рассвету совсем в неведомые места Таракан заполз. Кругом лес дремучий, под ногами болото... Присел он на пенек и задумался: «Такое страшное место; всю ночь я по лесу до него брел и со страху не помер! Значит, и вправду во мне храбрость есть. А может быть, и храбрости большой не нужно, чтоб жить на свете?»

Встал Таракан и пошел дальше, куда глаза глядят. Перед ним болотное озерко. Только он подошел к берегу — как запрыгают от него в воду лягушки, видимо-невидимо... «Э, вот оно что! — говорит себе Таракан. — Стало быть, и я кому-нибудь страшен... Коли так, мы еще повоюем!»

В какой-то лесной сторожке покормили Таракана, да еще на дорогу кусок творогу ему баба пожертвовала. А он уж сам мимоходом стащил с веревки бабью рубаху да и веревку уволок: «Все, — мол, — дорожному человеку пригодится!» По этому самому он и воробья мимоходом из чьего-то силка вынул и засунул себе за пазуху. Все Таракану удача, а с удачей и храбрости прибавляется... Мух, комаров и мошек, идучи лесом, он на себе уже столько перебил, что подумать страшно; а что ж делать: воевать — так воевать!.. Только стал он из болот выбираться, напали на него слепни, туча-тучей. Как размахнется Таракан, как хлопнет себя одной рукой по лбу, а другой по шее; глядь — семьдесят слепней сразу убил. «Вот так ловко! — говорит он себе. — Пусть, коли так, весь свет знает, что я одним ма-

хом с семидесятью богатырями управляюсь, а мелкой сошке и сметы нет!» Сейчас вырубил он себе косарем доску и на ней углем написал — потому что был он хоть лядащий, а грамотный: «Я — сильномогучий богатырь Таракан. Одним махом семьдесят богатырей бью, а мелкой сошке, простым солдатам, и сметы нет!»

Вечером выбрался Таракан из леса и завалился спать на полянке, а доску с надписью около себя на кусте повесил. Только продрал глаза наутро... Что такое? Вокруг него какие-то люди стоят, кланяются. Вскочил Таракан с земли — они сейчас подхватили его и ведут прямо в город, к царю во дворец.

«Ты сильномогучий богатырь Таракан?» — спрашивает его царь. «Я богатырь Таракан: одним махом семьдесят богатырей бью, а мелкой сошке и сметы нет». — «Отчего же нет на тебе ни доспехов, ни оружия богатырского?» — «Оттого, что мне, богатырю, такого оружия и не надобно; а хоть и было оно у меня, да как после боя лег я в твоём царстве отдохнуть — у меня все мое оружие и доспехи и добычи на тысячу рублей твои, царь, подданные украли!» «Дать богатырю Таракану из оружия, чего он потребует, — приказал царь, — и тысячу рублей за его пропажу. А потом отвести его в тот мой златоверхий дворец, где Змей поселился. Пусть богатырь Таракан того Змея убьет... А коли победишь ты, сильномогучий богатырь, того Змея — оставлю я тебя при себе, буду беречь тебя, Таракана, на развод, и дочь мою, царевну, за тебя замуж выдам».

Так и замер Таракан со страху, глаза зажму-

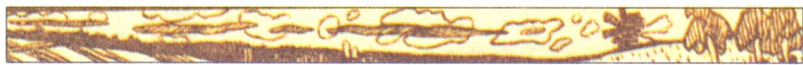

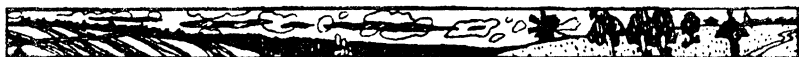

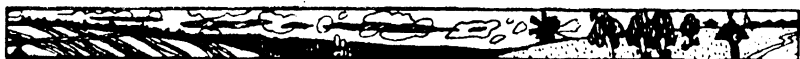

рил и усы натопорщил; а солдаты подхватили его и привели к тому царскому дворцу, что в лесу стоял. В том дворце поселился страшный Змей и творил много бед всему царству. Привели Таракана ко дворцу солдаты и живо назад убежали. Что тут сильномогучему богатырю делать? Побежал бы и он — да уж Змей на крыльцо вышел, зовет его: «Эй, иди сюда, не то все равно догоню!» Делать нечего, собрался Таракан с храбростью, идет к Змею, усы свои поглаживает — все равно пропадать!

«Ага,— говорит Змей,— сам кусок в рот лезет и идти искать завтрака нечего! Сейчас тебя съем». «Будто съешь?» — «Да, таки съем!» — «Эй, гляди: не подавиться бы. Я сильномогучий богатырь Таракан, одним махом семьдесят богатырей бью, а мелкой сошке и счету нет. Видишь: об том у меня на груди и доска висит». Прочел Змей что на доске написано. «Неужто,— говорит,— ты такой сильный? Коли так, давай силу пробовать». «Ну что ж, давай. Попробуй вот хоть из камня сок выдавить!» Змей взял камень и стал давить в руке — так стиснул крепко, что из камня искры даже посыпались, и мелким песком камень развалился... «Нет,— говорит ему Таракан,— куда тебе сок выдавить: для того надобно много больше силы!» Выхватил из-за пазухи кусок творогу, стиснул его — сыворотка и потекла. «Да, это трудно,— говорит Змей.— Мне так камни давить не приходилось». «То-то вот и есть. А давай меряться: кто выше камень кинет». — «Давай!» Змей поднял с земли камень пудов в десять, кинул его кверху — только через полчаса

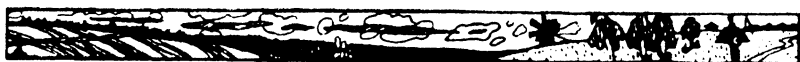

назад камень упал и на сажень в землю ушел. А Таракан выхватил из-за пазухи воробья, повертел-повертел его кругом себя в кулаке да как кинет — только воробья и видели: улетел вверх и с глаз скрылся. «Ну, пойдем-ка позавтракаем да и пообедаем,— говорит Змею Таракан,— мой камень раньше вечера назад не вернется». Постоял-постоял Змей — и вправду нет камня назад. «Да, богатырь, и кидать ты ловок! Пойдем. Пусть уж нынче я хоть говядиной сыт буду. Там в лесу у меня стадо быков пасется; сходи-ка, выбери быка пожирнее; бери его за хвост и тащи на обед».

Нечего делать: пошел Таракан к стаду, согнал быков вместе и давай их своей веревкой за хвосты друг с другом связывать. «Что это ты делаешь?» — спрашивает его Змей. «А вот, свяжу вместе штук пятьдесят да сразу и поволоку: по крайности, не каждый день сюда за быками ходить». — «Экой ты жадный: будет нам и одного!» Ухватил Змей самого жирного быка за хвост, сдернул сразу всю шкуру, мясо взвалил на плечи и потащил домой.

Пришли они во дворец, наложили два котла мяса, а воды нет. «На вот тебе бычью шкуру,— говорит Змей,— набери полную воды и тащи сюда». Таракан насилу-насилу порожнюю шкуру волочит — куда уж там с водой! Пришел к колодцу и давай его кругом окапывать. Змей ждал-ждал, не выдержал: прибежал сам. «Что это ты, богатырь, делаешь?» — «Да вот, окопаю колодец и внесу его весь во дворец: не нужно будет по воду с такой грязной посудой ходить». «Брось,— говорит Змей,— как ты ни силен, а скоро колод-

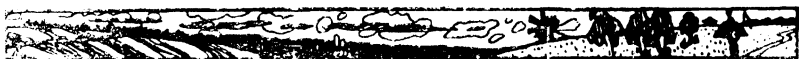

ца не выкопает. Пока будешь возиться, мясо пропадет: я под котлами уж огонь развел». Опустил Змей в колодец шкуру, набрал полную воды и принес домой. Таракан тоже за ним притащился, сел в угол нахмуренный, сопит да фыркает. Когда поспел обед, Змей зовет Таракана: «Иди есть». А Таракан ему, будто с сердцем: «Лопай сам, я не хочу с тобой за столом сидеть». Змей стал его упрашивать, угощать — нет, так и не стал Таракан обедать; оба котла мяса Змей сожрал.

Пообедавши, опять допрашивает Змей Таракана: «Да скажи, пожалуйста, богатырь: отчего ты со мной есть не хотел?» «А оттого! Что я ни сделаю — все не так, все не по-твоему: и быка привести не сумел, и воду, вишь, не так хотел добыть... Конечно, мне, сильномогучему богатырю, это от тебя слышать обидно. Притом же и пост у нас теперь: нельзя скоромного есть; а ты, поганый, говядиной меня угощаешь!..» Это все для того Таракан разыграл, чтоб Змей не усомнился в его силе, увидавши, что он не может много есть. «Ну, полно,— говорит ему Змей,— не сердись, помиримся; виноват я». А Таракан ему: «Ладно, простить я тебе прощу и, хоть я много тебя сильнее — сам ты видел — ничего тебе худого не сделаю; только — уговор лучше денег — уходи ты из этого царства. Не уйдешь — буду с тобой биться не на живот, а на смерть и убью тебя, поганого!»

Не успел Таракан договорить — как чихнет Змей... Так Таракана и взбросило кверху, под самый потолок: насилу за потолочную балку успел

уцепиться и повис. «Чего это ты?» — спрашивает Змей. А Таракан ему: «Ах ты, невежа этакой! Вот как двину тебя этим бревном по башке, чтоб ты не невежничал, не чихал сильномогучему богатырю прямо в лицо!» «Ну-ну, — говорит Змей, — не сердись, прости и вторую вину; а я за то тебе покорюсь, уйду отсюда. Признаться, мне самому уж надоело на одном месте сидеть. Дай только три дня сроку собраться». — «Ишь, еще три дня сроку, — говорит Таракан. — Ну да ладно, собирайся, и чтоб через три дня здесь твоим духом не пахло — а то, смотри, брат: как муху раздавлю!»

Змей, честь-честью, одарил его на прощанье, проводил — и явился Таракан назад к царю. Царь удивляется: «Неужели, богатырь, ты жив? Неужели Змея победил?» «А то как же! Семьдесят богатырей я одним махом бью, а мелкой сошке и сметы нет — да чтоб мне с одним Змеем не управиться! Только смерти предать этого Змея нельзя, потому что он бессмертный. А я его победил и так изувечил, что через три дня он отсюда совсем уберется и назад в преисподнюю улетит». Несказанно обрадовался царь: «Ну, могучий богатырь! Коли вправду освободил ты мою землю от Змея, отдам тебе мою дочь, царевну, в супружество и быть тебе моим наследником».

Сейчас нарядили Таракана в богатое платье и задал царь на радостях богатый пир. Всю ночь до утра пировали; днем выспались — и опять пировать до другого утра.

В тот самый день, как наступил Змею срок уходить, проснулся Таракан поздно — сердитый,

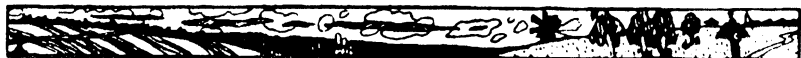

голова болит. И вдруг слышит он: на дворе шум, крик, кто-то его кличет, кого-то стража прочь гонит... Он выглянул в окно: батюшки!.. Его жена за ним пришла, прознала, выследила и к нему, в царский дворец, ломится. Вот тебе и царская дочь невеста!.. Делать нечего, надо к жене выходить, из беды вывертываться: уж сам царь стоит на крыльце и пальцем его манит. Вышел Таракан. «Вот, нареченный зятюшка, — говорит ему царь, — эта баба твоей женой называется». «Велите, ваше царское величество, ее, дрянь этакую, в шею вытолкать... С чего она взяла, какая она мне жена? Она простая баба-дура, а я сильномогучий богатырь, молодец холостой, никогда и женат-то не был». Сейчас бабу подхватили и вытолкали вон взащей.

Лютует баба за воротами, ругается, всякие пакости Таракану сулит за то, что отрекся он от нее, как попал в честь. Да с чего он таким барином стал?.. Разузнала, разнюхала, что Таракан сильномогучим богатырем называется, что будто он Змея застращал, и кинулась, себя не вспомня, баба к Змею. Змей уж совсем собрался выбираться, последнюю подводу с добром укладывал. Вдруг Тараканова жена — и вот она. «Стой! — кричит. — Ты чего это хвост-то поджал, уходишь отсюда?» «А оттого, — говорит Змей, — что я обещался сильномогучему богатырю Таракану». «Какому богатырю! Да он, Таракан — мой муж, простой мужик — от воробьиного крыла валится, один на улицу ночью выйти боится, только хитростью и берет. И тебя, Змей, он обманул». Змей не верит: «Я, — говорит, — его силу сам видел!»

Стала его Тараканиха заверять: «Да пойдем сейчас со мной; ты его одним пальцем, как муху, раздавишь!» Подумал-подумал Змей и говорит: «Кто тебя знает! Ты говоришь, что ты богатыря Таракана жена; может, ты с хитростью пришла, меня заманиваешь, чтоб он меня убил». Баба давай клясться-божиться, что она затем только Змея и зовет, чтоб Таракана извести. «Ну, ладно, — говорит Змей, — я за тобой пойду; только обяжу тебя веревкой и за конец держаться буду, чтоб ты не убежала, коли захочешь меня обмануть». Баба и на то согласна.

Сидит Таракан в царском дворце, пирует; вдруг на улице — крик, шум... Что такое? Вбежал придворный: «Беда! Змей прямо сюда, ко дворцу, идет и ведет его та самая баба, которая женой богатыря Таракана назвалась!..» Перепугался Таракан, ни жив ни мертв; совсем было уж наладился со страху под стол забиться, да опаматовался: все равно от бабы нигде не спрячешься... Как выскочит он в отчаянности на крыльцо, да как закричит: «Молодец, жена, ловко! Веди его сюда на лютую казнь, веди! Хорошо мой приказ исполнила!» Змей остановился. «А, — говорит, — вот оно что! Я так и знал». Ухватил веревку, на которой Тараканиха была привязана, покрутил-покрутил вокруг себя да как хлопнет бабу об землю — только мокрое пятно осталось. А сам повернулся, да бежать...

Вечером пришли из Змеева дворца дозорные, которых туда царь послал, и говорят: «Убрался Змей со всем своим добром неведомо куда, и духом его не пахнет». Царь обрадовался пуще

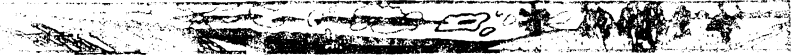

прежнего, наградил Таракана несметным богатством, в генералы его произвел и выдал за него замуж свою дочь, прекрасную царевну.

Долго ли, коротко ли — живет Таракан у царя в наследниках, словно сыр в масле катается. Вдруг подступил под то царство чужестранный богатырь, поганое Идолище — голова с пивной котел. С Идолищем несметное войско, и шлет он царю грамоту: «Выдавай, царь, за меня твою дочь, прекрасную царевну; не то царство твое огнем пожгу, всех людей мечом посеку и тебя лютой смерти предам!..» Как царю быть, что делать? Собрал царь свое войско и говорит зятю, богатырю Таракану: «Веди, сильномогучий богатырь, дорогой зятюшка, войско в кровавый бой, обороняй твою молодую жену и меня, старика!» Таракан ни жив ни мертв. «Вот,— думает,— когда мне конец пришел!» А увильнуть никак нельзя... Нечего делать, собрался он и едет из столицы впереди войска.

Был в царском войске барабанщик — из жидов. И очень этому барабанщику не хотелось воевать идти. Вот он и надумал перебежать к Идолищу, чтоб все ему про царское войско и про Таракана-богатыря рассказать и так к Идолищу подольститься. Хорошо. Перебежал он к поганому Идолищу. «Так и так,— говорит.— Не страшно тебе царское войско, а страшен Таракан-богатырь, потому что он и силою, как Самсон, силен и умом хитер, как Соломон премудрый». И рассказал Идолищу про Тараканову силу. «Не иначе,— говорит,— ты с ним в бой вступиай, как с

хитростью. Смотри: что он делать будет — так и ты ему точь-в-точь подражай».

Выступает из городских ворот войско, а впереди его Таракан чуть ползет, от страха насилиу на седле держится; весь, как глина, белый и все назад оглядывается: как бы от неминуемой смерти уйти. А навстречу ему выезжает поганое Идолище — голова с пивной котел, в плечах косая сажень, между глаз калена стрела ложится. Под Идолищем конь, словно лютый зверь. Машет Идолище булатным мечом, вызывает на смертный бой супротивника.

Вдруг загремели в царском войске барабаны, затрубили трубы... Тараканов конь испугался и кинулся вперед. «Ну,— думает Таракан,— сейчас мне и смерть!» Закрыв глаза, припал к седлу... А Идолище стоит, смотрит и дивится: «Ишь, на какие хитрости Таракан-богатырь идет! Ладно, не перехитришь!» Да и сам глаза закрыл и к седлу пригнулся. Несет конь Таракана на Идолище; вот-вот уж совсем близко... Выглянул Таракан одним глазком, увидел, что у супротивника глаза закрыты, да и догадлив был — выхватил саблю и ударил Идолище по шее со всей силы... Повалилось Идолище кулем с своего коня мертвое, да и Таракан-богатырь — с своего от страха кверху тор-машками кувырнулся... Что тут храброму богатырю делать? Конь убежал, вражье войско подступает... Оглянулся он, видит: Идолища конь стоит над хозяином, как вкопанный. Таракан его цап за узду! Карабкался-карабкался: нет — высок конь, не влезть на него с земли. Привязал он коня к столетнему дубу, влез на дуб, прыгнул

сверху в седло... Как рванется богатырский конь, вырвал дуб с кореньями, потащил его и кинулся, словно бешеный, назад, прямо в середину поганого войска. Топчет конь войско копытами, бьет столетним дубом, а Таракан-богатырь ухватился за седельную луку — чуть на коне держится... Тут подоспело и царское войско. Трубы трубят, барабаны гремят, басурмане бегут...

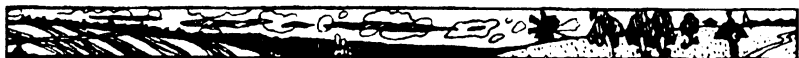
После такой победы уж не было сильномогучему богатырю Таракану супротивника. Стал он жить в славе, в чести да в богатстве. А как помер старый царь, на его место славный богатырь Таракан на престоле сел.

И говорил Таракан-царь: «Я ли не сильномогучий богатырь: одним махом семьдесят богатырей бью, страшного Змея одолел, Идолище поганое смерти в бою предал — а без удачи-счастья и мне бы несдобровать!»

Мальчик-с-пальчик

Тужили мужик с женой, что детей у них не было; наконец услышал Бог их молитву... Когда пришло время, родился у бабы мальчик крепкий, здоровый; за этим следом второй родился, не хуже старшего. А после всех еще и третьего Бог дал: всем был хорош мальчик, только ростом не вышел — не больше мизинца. Так и назвали его отец с матерью: Мальчик-с-пальчик.

Старшие братья растут, как все ребята: телом шибко, а умом потихоньку. А Мальчик-с-пальчик в рост ничего не поднимается, а умом — уж словно большой. Вот раз мужик с утра уехал в поле работать. Баба напекла к обеду блинов и охает: «Ох-ох-ох!» «Чего ты, матушка?» — спрашивает ее Мальчик-с-пальчик. «Некого послать отцу блинков снести». — «Давай я снесу». — «Куда тебе: ты еще мал». — «Ничего, матушка — я где боком, где скоком».

Дала ему мать миску с блинами; он надел свою шапочку, что отец ему из желудя сделал, и пустился: прыгает в траве, точно кузнечик, а сам песенку поет: «Идет матушкин сынок, несет батюшке блинок! Идет матушкин сынок, несет батюшке блинок!..» Вдруг пошел дождь, да такой-то спорый. Мальчик-с-пальчик испугался: забьет его, маленького, каплями. На счастье, по пути гриб-мухомор ему попался; ну, ничего — он под ним дождик и переждал.

Долго ли, коротко ли, дошел Мальчик-с-пальчик до поля, где отец пахал. Поле паханное, как по нему карабкаться? Давай он вопить-кричать: «Батюшка! Перенеси меня через высокие горы!» Отец дивится: «Что такое? Глас слышу, а человека не вижу». «Это я, твой младший сынок; меня мать с блинами к тебе послала». Отыскал его отец между бороздами, взял блины и стал обедать. «Ну, времени терять нечего, — говорит отцу Мальчик-с-пальчик, — ты пообедай, батюшка, да отдохни, а я за тебя бороновать стану». «Куда тебе бороновать, сынок: ты еще мал, а лошадь, поди, править надо». «Ничего, посади меня ло-

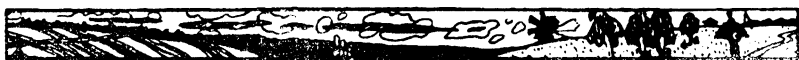
шади в ухо, я справлюсь». Отец поднял его, посадил лошади в ухо, и стал Мальчик-с-пальчик работать. Когда нужно, «но!» кричит; где требуется, «тпру!» скажет — лошадь и понимает.

Ехал мимо богатый барин в коляске. Остановился барин и дивится: что такое? Лошадь боронует, кто-то ей приказывает, а кто — не видать. «Экое, братец, у тебя диво,— говорит барин мужику.— Кто это за тебя работает?» — «Сынок мой, он у лошади в ухе сидит». «Вот так работник,— говорит барин.— Не продашь ли его мне?» «Нет, барин, он мне самому надобен: хоть мал, да удал; на ногу скор, на посылки легок». А Мальчик-с-пальчик успел уж из уха у лошади вылезти: по гриве на землю спустился и дергает отца за сапог. «Чего тебе, сынок?» — «Не спорь, батюшка, продавай меня барину за сто рублей; я не пропаду, опять к тебе приду». «Ладно,— говорит мужик барину,— пожалуй, продам сынка за сто рублей». «Получай деньги».

Взял барин Мальчика-с-пальчик, посадил в карман и уехал. Едет-едет, вдруг запросился мальчик из кармана. «Пустите, барин, на землю». — «Зачем?» — «Нужно». — «Ну, не стоит слезать». — «Нет, так нельзя: я не невежа какой-нибудь...» Нечего делать, спустил его барин на землю, а он пошнырял-пошнырял по траве, заметил кротовую нору да и залез в нее, затаился. Дело-то было уж вечером, темно. Искал его барин, искал — всю траву кругом перешарил — так и не нашел: поехал домой с пустыми руками.

Сидит Мальчик-с-пальчик один; кругом темно — жутко ему. Вдруг зашумело что-то сзади

его в норе; слышно, как земля со стенок обсыпается — лезет к выходу чудище, черное, страшное, с медведя ростом... Как выскочит Мальчик-с-пальчик из норы, чуть жив со страху — известно: для него крот страшнее, чем медведь для большого человека...

Выскочил он на дорогу, а мимо идут воры да промеж собой сговариваются: как им богатого мельника обворовать. Мальчик-с-пальчик думает: «Хоть с ворами пойти, только бы одному в поле не ночевать!» И крикнул им: «Здравствуйте, добрые молодцы, берите и меня к себе в товарищи». Воры разглядели его: «Куда тебе,— говорят, — ты маленький!» А он им: «Пригожусь и я: в подворотню пролезу, дверь отопру». «Ну, ладно, пойдем!»

Пришли они вчетвером к мельникову двору. Мальчик-с-пальчик в подворотню пролез, ворота отомкнул; воры их отворили и вошли во двор. «Ну,— говорят,— ты, Мальчик-с-пальчик, теперь полезай в чулан через дыру, что для кошки под дверью прорублена, отвориай оконце да нам сюда через него добро подавай». «Ладно». Залез Мальчик-с-пальчик в чулан и давай кричать во всю глотку: «Что вам вперед подавать, шубу или кафтан?» «Не шуми,— говорят ему воры,— тащи, что под руку попадется». А он еще громче: «Нет,— кричит,— и в воровстве без порядка нельзя...»

От того крика проснулся мельник, зажег фонарь и вышел посмотреть. Воры — бежать, а Мальчик-с-пальчик попался. Ухватил его мельник за вихор: «Ах ты, мразь этакая,— говорит,— от земли не видать, а уж за воровство берешься! Ну,

постой: я с тобой утром разделаюсь!» Сейчас вытащил у лошади из хвоста волос, привязал Мальчика этим волосом за ногу к столбу на дворе, а сам пошел ночь досыпать.

Перед зарей утренней выходили со двора в поле коровы. Одна корова, шедши мимо Мальчика, понюхала его, лизнула да ненароком и проглотила... Душно ему сидеть у коровы в животе. А как наелась корова в поле травы — так и тесно стало Мальчику; повернуться негде, жара нестерпимая. А как вернулась корова домой, да стала тянуть пойло, что ей хозяйка приготовила, — тут уж Мальчик-с-пальчик не стерпел — давай вопить-кричать: «Будет, не надо больше пойла! Сейчас захлебнусь!» Хозяйка, услышавши, что корова говорит, испугалась: «Не к добру это, хозяин! Коровато говорит человеческим голосом». Хозяин послушал и тоже испугался: «И то, не к худу ли. Надо корову зарезать!» Зарезали корову, освежевали, а всю требуху за деревню в овраг выкинули, вместе с Мальчиком.

Ночью бежал оврагом голодный волк; увидел требуху и проглотил ее целиком, вместе с Мальчиком. Плохо пришлось Мальчику у волка в животе — только и волку не лучше: стал волк к стаду подбираться, чтоб овечку стащить, а Мальчик как завопит: «Берегись, народ: волк идет! Берегись народ: волк идет!» «Молчи, глупый живот!» — говорит волк. «Не замолчу: я баранины не хочу». — «Ну, молчи, сделай милость! Я тебе теленочка поймаю». — «Не замолчу: я и телятины не хочу!» «Чего ж ты, живот, хочешь?» — спрашивает волк. «Хочу колбасы!» Волк и лапа-

ми развел: «Где я тебе колбасы возьму?...» А Мальчик из живота ему отзывается: «Беги,— говорит,— в такое-то село!..» И рассказал волку, как пройти в то село, где его отец с матерью жили. «В крайнем,— говорит,— дворе пролезь в подворотню: там щель такая есть; заберись в чулан: там колбасы много к празднику наготовлено».

По сказанному, как по писанному, пробрался волк к отцу Мальчика в чулан и давай колбасу уплетать. Ел-ел. «Ну что, живот, довольно, что ли?» — «Нет, мало еще: ешь дочиста». Как наелся волк так, что его, словно пузырь, раздуло,— давай Мальчик-с-пальчик у него в животе бунтовать — вопить-кричать. «Ох, молчи, сделай милость, не бунтуй!» — просит его волк. «Не хочу молчать, хочу бунтовать...»

На тот шум-крик выскочили из избы отец и мать: отец — с топором, мать — с кочергой. Волк было наутек кинулся, да и застрял в подворотне — не может живот в щель протиснуть. Давай отец с матерью серого потчевать. Только было отец размахнулся, чтоб пополам волка разрубить, вдруг слышит: «Тише, батюшка, тише, матушка! Меня, вашего сыночка, не убейте». «Где ты, дитятко?» — «У волка в животе сижу». Вытащил отец волка за хвост из подворотни, убил его; а потом взрезала мать волку живот и вынула оттуда своего сыночка, невредимого.

Стал после этого Мальчик-с-пальчик жить в отцовском доме. Братья его уж порядочно подросли, а он так маленьким и остался; зато уж куда умен-догадлив стал. Раз пошли они с братьями по грибы в лес — около села начинался бо-

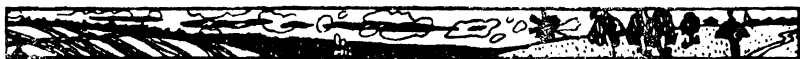

льшой-пребольшой дремучий бор, без конца-краю. Братья идут себе лесом, только смотрят, как бы грибов побольше набрать; а Мальчик-с-пальчик идет и грибы собирает, и дорогу примечает — позади себя все белые камушки кидает; он их с собою целый кармашек набрал, как из дому уходил. Бродили-бродили по лесу ребятаки, устали, прилегли на траву отдохнуть да и заснули. Долго ли, коротко ли — известно, крепок ребячий сон — проснулись, а кругом тьма непроглядная, уж ночь наступила. Старшие братья до смерти испугались, боятся, что ночью совсем в лесу заплутаются, а Мальчик-с-пальчик — ничего. «Подождите,— говорит,— братцы: вот скоро месяц взойдет, мы живо домой дойдем». И вправду, как взошел месяц — камушки-то беленькие, которые Мальчик-с-пальчик кидал по дороге, они и видны... От камушка к камушку — и добрались ребятаки домой еще не очень поздно.

Не раз так-то ходили братья в лес и благополучно ворочались. Только случилось им как-то в лесу запоздниться: ночь наступила, уж поздно, дождь пошел — не видно дороги: что хочешь, то и делай. Пошли они наугад. Шли-шли, истомились, изголодались... «Так, братцы, мы совсем заблудимся,— говорит Мальчик-с-пальчик.— Дай-ка я влезу на дерево, погляжу: не видать ли где огня». Сказано — сделано: влез он на высокую-высокую сосну, на самую верхушку и кричит оттуда: «Огонек вдали виден! Идите, братцы, кругом сосны, да откликайтесь мне. А когда я крикну: «стой!» — остановитесь. В ту сторону, значит, от сосны и пойдем, когда я слезу». Ишь-

ты, хитрый какой Мальчик был: понял, что не знать, куда ему на огонь идти, будет, когда с сосны слезет!

Вот и пошли ребятки в ту сторону, где огонь был виден. Шли-шли: видят, среди поляны изба стоит, и в окне огонек светится. Они постучались: «Стук-стук!» «Кто тут?» — «Мы, трое мальчиков, в лесу заблудились. Пустите переночевать». — «Входите». Отворили мальчики дверь да так и присели со страха: сидит в избе за столом Баба-Яга, костяная нога, страшная-страшная, сидит и свои железные зубы на камне точит, а из-за нее три дочки, ягишны-девочки, выглядывают. «Хорошо,— говорит Яга,— что пришли; переночуйте, погостите у меня, мальчики...»

Сейчас собрала Яга на стол, накормила ребят пирогами досыта и уложила спать всех на одну постель, вместе с своими дочками. Старшие братья, как легли, так сейчас и заснули, а Мальчик-с-пальчик не спит. Когда уводила их Баба-Яга спать, он приметил, что она печку жарко растопила и положила в нее калить острую косу. «Не хочет ли Баба-Яга нас той косой зарезать и потом в печке зажарить да съесть,— думает Мальчик-с-пальчик.— Как нам теперь от смерти спастись?»

Вдруг слышит он, что подошла Баба-Яга к двери и спрашивает: «Что, ребятки, заснули?» «Нет,— отвечает Мальчик-с-пальчик,— мы еще не спим...» Немного погодя опять Яга спрашивает: «Что, спите, ребятки?» «Нет, не спим»,— отвечает Мальчик-с-пальчик. «Ну,— говорит Баба-

Яга,— спите — не спите, все равно: я сейчас вас резать буду, не то печка остынет...» Что делать? Завертелся Мальчик-с-пальчик в постели и нащупал, что у дочек Бабы-Яги на головах золотые венчики надеты. «Постой,— думает,— сниму-ка я с ягишен венчики да надену на себя и на братьев; может, не ошибется ли Яга-Баба...» Только успел переменить, лезет Баба-Яга, и у нее в руке каленая коса так и светится. Пошарила Яга по постели. «Ишь,— говорит,— как они во сне с места на место перевалились: чуть и своих дочек не убила». Чик! — и отрезала головы, на которых венчиков не было,— как раз своих дочек-то и зарезала...

Только вышла Баба-Яга зачем-то на минуту — давай Мальчик-с-пальчик братьев толкать-будить: «Вставайте, братцы! Беда! Узнает сейчас Яга, что своих дочек зарезала, не миновать нам лютой смерти». Растолкал братьев, вскочили они поскорей, вылезли в окно и пустились бежать куда глаза глядят по дремучему бору.

Бегут-бегут, вдруг застонала земля, завыл ветер, деревья к земле приклонились — это Баба-Яга выскочила в погоню... Как увидала она, что своих дочек по ошибке зарезала,— от злости даже зубами железными заскрипела. Надела сапоги-скороходы, что сверх воды ходят, и кинулась в лес очертя голову, чтобы мальчиков поймать. А куда бежать?.. Широко-велик дремучий бор... Уж она бегала-бегала, искала-искала, изморилась и перед утром легла отдохнуть под дубом. А в том дубе, в дупле, спрятался Мальчик-с-пальчик с братьями; сидят, притаились.

Только заснула Баба-Яга, Мальчик-с-пальчик вылез из дупла, подкрался к ней да и снял с нее сапоги-скороходы, что поверх воды ходят. Снял и говорит братьям: «Ну, братцы, теперь нам Баба-Яги бояться нечего, не догнать ей нас». Подхватил он братьев, шагнул в сапогах-скороходах раз, шагнул другой — и вышли они из лесу на поле, прямо к своей деревне.

— Прощайте, братцы,— говорит Мальчик-с-пальчик,— идите домой да скажите отцу с матерью, что я пошел к царю: буду у него гонцом служить. Когда заработаю денег много — вернусь домой.

И пошел Мальчик-с-пальчик к царю, нанялся у него на службу в быстрые гонцы — с сапогами-скороходами это ремесло не мудреное,— заработал денег много и принес их отцу с матерью полностью.

Петр I и мужик

Наехал царь Петр на мужика в лесу. Мужик дрова рубит.

Царь и говорит:

— Божья помощь, мужик!

Мужик и говорит:

— И то мне нужна божья помощь.

Царь спрашивает:

— А велика ли у тебя семья?

— У меня семьи два сына да две дочери.

— Ну не велико твое семейство. Куда ж ты деньги кладешь?

— А я деньги на три части кладу: во-первых — долг плачу, в-других — в долг даю, в-третьих — в воду мечу.

Царь подумал и не знает, что это значит, что старик и долг платит, и в долг дает, и в воду мечет.

А старик говорит:

— Долг плачу — отца-мать кормлю; в долг даю — сыновей кормлю; а в воду мечу — дочерей ращу.

Царь и говорит:

— Умная твоя голова, старичок. Теперь выведи меня из лесу в поле, я дороги не найду.

Мужик говорит:

— Найдешь и сам дорогу: иди прямо, потом сверни вправо, а потом влево, потом опять вправо.

Царь и говорит:

— Я этой грамоты не понимаю, ты сведи меня.

— Мне, сударь, водить некогда, нам в крестьянстве день дорого стоит.

— Ну, дорого стоит, так я заплачу.

— А заплатишь — пойдем.

Сели они на одноколку, поехали.

Стал дорогой царь мужика спрашивать:

— Далече ли ты, мужичок, бывал?

— Кое-где бывал.

— А видал ли царя?

— Царя не видал, а надо бы посмотреть.

— Так вот, как выедем в поле, и увидишь царя.

— А как я его узнаю?

— Все без шапок будут, один царь в шапке.

Вот приехали они в поле. Увидал народ царя — все поснимали шапки. Мужик пялит глаза, а не видит царя.

Вот он и спрашивает:

— А где же царь?

Говорит ему Петр Алексеевич:

— Видишь, только мы двое в шапках — кто-нибудь из нас да царь.

Лиса-исповедница

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам.

Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насеста-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес — разгуляться, а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и поджидает: скоро ли петух подойдет.

А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе.

В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала-думала, да и придумала:

«Дай прельщу его!»

Подходит к дереву и стала здороваться:

— Здравствуй, Петенька!

«Зачем ее лукавый занес?» — думает петух.

А лиса приступает со своими хитростями:

— Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Ты, Петя, на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму.

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит:

— Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за всё ответишь: попомнишь про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, — а я в то время три дня ничего не ела, — и ты крыльями захлопал и ногами затопал!..

— Ах, лиса! — говорит петух. — Ласковые твои словеса! Премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвиrneю, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдет про нас слава добрая.

Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

Пастушья дудочка

Жили в одном селе старик да старуха, бедные-пребедные, и был у них сын Иванушка. С малых лет любил он на дудочке играть. И так-то он хорошо играл, что все слушали — наслушаться не могли. Заиграет Иванушка грустную песню — все пригорюнятся, у всех слезы катятся. Заиграет плясовую — все в пляс идут, удержаться не могут.

Подрос Иванушка и говорит отцу да матери:

— Пойду я, батюшка и матушка, в работники наниматься. Сколько заработаю — все вам принесу.

Попрощался и пошел.

Пришел в одну деревню — никто не нанимает. В другую пришел — и там работники не нужны.

Пошел Иванушка дальше.

Шел-шел и пришел в дальнее село. Ходит от избы к избе, спрашивает:

— Не нужен ли кому работник?

Вышел из одной избы мужик и говорит:

— Не наймешься ли ты овец пасти?

— Наймусь, дело не хитрое!

— Не хитрое оно, это так. Только у меня такое условие: если хорошо пасти будешь — двойное жалованье заплачу. А если хоть одну овечку из моего стада потеряешь — ничего не получишь, прогону без денег!

— Авось не потеряю! — отвечает Иванушка.

— То-то, смотри!

Уговорились они, и стал Иванушка стадо пасти.

Утром чуть свет уйдет со двора, а возвращается, когда солнце сядет.

Как идет он с пастбища, хозяин с хозяйкой уже у ворот стоят, овец считают:

— Одна, две, три... десять... двадцать... сорок... пятьдесят...

Все овцы целы!

Так и месяц прошел, и другой, и третий. Скоро надо с пастухом рассчитываться, жалованье ему платить.

«Что это? — думает хозяин. — Как это пастух всех овец сберегает? В прошлые годы всегда овцы пропадали: то волк задерет, то сами куда забредут, потеряются... Неспроста это. Надо посмотреть, что пастух на пастбище делает».

Под утро, когда все еще спали, взял хозяин овчинный тулуп, выворотил его шерстью наружу, напялил на себя и пробрался в хлев. Стал среди овец на четвереньки. Стоит дожидается, когда пастух погонит стадо на пастбище.

Как солнышко взошло, Иванушка поднялся и погнал овец. Заблеяли овцы и побежали. А хозяину хоть и трудно, только он не отстаёт — бежит вместе с овцами, покрикивает:

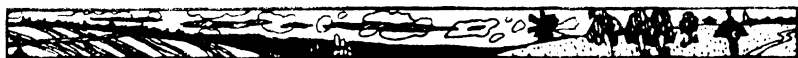
— Бя-бя-бя! Бя-бя-бя!

А сам думает:

«Теперь-то я все узнаю, выведаю!»

Думал он, что Иванушка его не приметит. А Иванушка зорким был, сразу его увидел, только виду не подал — гонит овец, а сам нет-нет и

стегнет их кнутом. Да все метит прямо хозяина по спине!

Пригнал овец на опушку леса, сел под кусток и стал краюшку жевать.

Ходят овцы по полянке, щиплют траву. А Иванушка за ними посматривает. Как увидит, что какая овца хочет в лес забежать, сейчас на дудочке заиграет. Все овцы к нему и бегут.

А хозяин все на четвереньках ходит, головой в землю тычется, будто траву щиплет.

Устал, утомился, а показаться стыдно: расскажет пастух соседям — сраму не оберешься!

Как наелись овцы, Иванушка и говорит им:

— Ну, сыты вы, довольны вы, теперь и поплясать можно!

Да и заиграл на дудочке плясовую.

Принялись овцы скакать да плясать, копытцами постукивать! И хозяин туда же: хоть и не сыт и не доволен, а выскочил из середины стада и давай плясать вприсядку. Пляшет, пляшет, ногами разные штуки выделывает, удержаться не может!

Иванушка все быстрее да быстрее играет.

А за ним и овцы и хозяин быстрее пляшут.

Уморился хозяин. Пот с него градом так и каплет. Красный весь, волосы растрепались... Не выдержал, закричал:

— Ой, батрак, перестань ты играть!.. Мочи моей нет!

А Иванушка будто не слышит — играет да играет!

Остановился он наконец и говорит:

— Ой, хозяин! Ты ли это?

— Я...

— Да как же ты сюда попал?

— Да так, забрел невзначай...

— А тулуп зачем надел?

— Да холодно с утра показалось...

А сам за кусты, да и был таков.

Приплелся домой и говорит жене:

— Ну, жена, надо нам поскорее батрака вы-проводить подобру-поздорову, надо ему жалова-ные отдать...

— Что так? Никому не отдавали, а ему вдруг отдадим...

— Нельзя не отдать. Он так нас осрамит, что и людям не сможем показаться.

И рассказал ей, как пастух заставил его пля-сать, чуть до смерти не уморил.

Выслушала хозяйка и говорит:

— Настоящий ты дурень! Нужно же тебе было плясать! Меня-то он не заставит! Как придет, ве-лю ему играть. Посмотришь, что будет.

Стал хозяин просить жену:

— Коли ты такое дело затеяла, посади меня в сундук да привяжи на чердаке за перекладину, чтоб мне вместе с тобой не заплясать... Будет с меня! Наплясался я утром, чуть жив хожу.

Хозяйка так и сделала. Посадила мужа в бо-льшой сундук и привязала на чердаке за пере-кладину. А сама ждет не дождется, когда вернет-ся батрак с поля.

Вечером, только Иванушка пригнал стадо, хо-зяйка и говорит ему:

— Правда ли, что у тебя такая дудка есть, под которую все пляшут?

— Правда.

— Ну-ка поиграй! Если и я запляшу — отдадим тебе жалованье, а не запляшу — так прогоним.

— Хорошо, — говорит Иванушка, — будь по-твоему.

Вынул он дудочку и стал плясовую наигрывать. А хозяйка в это время тесто месила. Не удержалась она и пошла плясать. Пляшет, а сама переваливает тесто с руки на руку.

А Иванушка все быстрее да быстрее, все громче да громче играет.

И хозяйка все быстрее да быстрее пляшет.

Услыхал дудочку и хозяин на чердаке. Стал в своем сундуке руками да ногами шевелить, поплясывать. Да тесно ему там, все головой о крышку стучается. Возился, возился да и сорвался с перекладины вместе с сундуком. Прошиб головой крышку, выскочил из сундука и давай по чердаку вприсядку плясать! С чердака скатился, в избу ввалился. Стал там вместе с женой плясать, руками да ногами размахивать!

А Иванушка вышел на крылечко, сел на ступеньку, все играет, не умолкает.

Хозяин с хозяйкой за ним во двор выскочили и ну плясать да скакать перед крыльцом.

Устали оба, еле дышат, а остановиться не могут.

А глядя на них, и куры заплясали, и овцы, и коровы, и собака у будки.

Тут Иванушка встал с крыльца да, поигрывая, к воротам пошел. А за ним и все потянулись.

Видит хозяйка — дело плохо. Стала упрашивать Иванушку:

— Ой, батрак, перестань, не играй больше! Не выходи со двора! Не позорь перед людьми! Почетному с тобой рассчитаемся! По уговору жалованье отдадим!

— Ну нет! — говорит Иванушка. — Пусть на вас добрые люди посмотрят, пусть посмеются!

Вышел он за ворота — еще громче заиграл. А хозяин с хозяйкой со всеми коровами, овцами да курами еще быстрее заплясали. И крутятся, и вертятся, и приседают, и подпрыгивают!

Сбежалась тут вся деревня — и старые и малые, смеются, пальцами показывают...

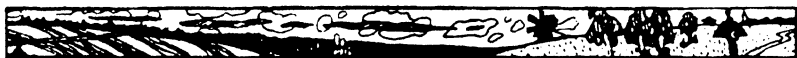
До самого вечера играл Иванушка. Утром получил он свое жалованье и ушел к отцу, к матери. А хозяин с хозяйкой в избу спрятались. Сидят и показаться людям на глаза не смеют.

Лутонюшка

Жил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутонеем занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд полено, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила.

Вот старик услышал крик, прибежал поспешно

в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слезы стала говорить ему:

— Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке — я бы его ведь ушибла поленом-то!

Ну, и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря:

— И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..

Кричат оба что ни есть мочи!

Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает:

— О чем вы кричите?

Они сказали о чем:

— Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!

— Ну,— сказал Лутоня,— исполать вам!

Потом взял свою шапку в охапку и говорит:

— Прощайте! Если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня! — и ушел.

Шел, шел и видит: мужики на избу тащат корову.

— Зачем вы тащите корову? — спросил Лутоня.

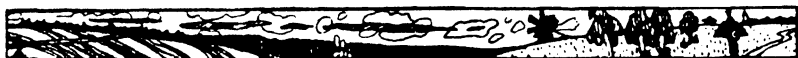
Они сказали ему:

— Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!

— Ах, дураки набитые! — сказал Лутоня, взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове.

Мужики ужасно тому удивились и стали про-

сить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их.

— Нет,— сказал Лутоня,— у меня таких дураков еще много по белу свету.

И пошел дальше. Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти.

— Что вы делаете? — спросил Лутоня.

— Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку.

— Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю.

Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтобы остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Вот идет Лутоня и видит: два мужика над бревном трудятся, что есть силы за концы тянут.

— Что это вы, братцы, делаете?

— Да вот,— говорят, — бревно коротко — вытянуть хотим.

Посмеялся Лутоня и дальше пошел.

Идет и видит: баба что-то решетом в избу носит.

— Что это ты, тетушка, решетом носишь?

— Свет, родимый, ношу, свет! — отвечает баба.— Чтобы по ночам лучины не жечь.

Посмеялся Лутоня над глупой бабой и пошел дальше.

Шел, шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидел он: хозяйка-старушка сварила саламату, поставила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной.

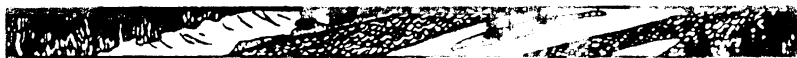
— Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти? — сказал Лутоня.

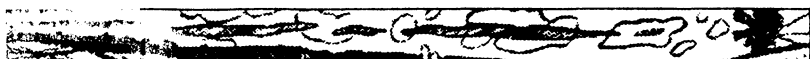
— Как зачем,— возразила старуха охриплым голосом, — ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана-то в погребе.

— Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дело пошло бы по масличку!

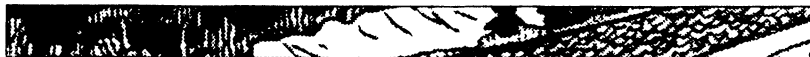
— И то, родимый!

Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся донельзя, залез на полати и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

БЫДНИНЫ

— Встреча Святогора с Ильєю Муромцем —

Захотелось славному казаку Илье Муромцу повидать старого Святогора. Поехал Илья к Святым горам. Скитался долго по утесам добрый молодец, устал, а все Святогора не видно.

Прилег Илья отдохнуть немножко и заснул ни много ни мало на двенадцать дней.

Слышит Илья сквозь сон — храпит его конь богатырский, говорит ему человеческим голосом:

— Спишь ты, отдыхаешь, свет Ильи Иванович, над собой беды близкой не чувствуешь: наезжает на нас Святогор-богатырь; полезай-ка скорее на сырой дуб, а меня отпусти в чистое поле.

Взобрался Илья на дуб, смотрит: приближается богатырь ростом выше леса стоячего, головой достает до облака ходячего; за плечами у него огромный ларь хрустальный.

Слез Святогор с коня, открыл ларь золотым ключом, вышла из ларя жена его, красавица, стала стол убирать, яствами сахарными устанавливать.

Увидала Святогорова жена Илью Муромца на

дубу высоком, испугалась, как бы не разгневался на него Святогор, не убил бы во гневе доброго молодца, и спрятала жена богатыря Илью в карман Святогора еще и с конем вместе.

И день и два носит Святогор Илью у себя в кармане, сам про то не зная, не ведая, да стало невмочь коню Святогора такую тягость на себе поднимать: ходит конь — спотыкается, припадает на резвые ноженки.

Гневается Святогор на коня.

— Ах ты, травяной мешок! что ходишь лениво, на каждом шагу спотыкаешься?

— Как же мне не спотыкаться? — говорит конь, — возил я, бывало, тебя, богатырь, да жену твою богатырскую, а теперь уже третий день, как ношу двух могучих богатырей да еще коня Ильева.

Почувствовал Святогор, что в кармане у него что-то шевелится, сунул туда руку, достал из кармана Илью Муромца вместе с конем.

— Кто ты такой, добрый молодец, откуда родом? — спрашивает Святогор.

— Зовут меня Ильею Муромцем, а родом я из села Карачарова.

Говорит Святогор Илье:

— Будь же ты мне меньшим братом, а я научу тебя всем похваткам, поездкам богатырским.

И поехали богатыри в путь-дорогу вместе по горам и скалам; ездили долго ли, коротко ли — наехали на дивное диво: стоит на горе огромный гроб каменный, а около него лежит каменная крышка.

Говорит Святогор Илье:

— Полезай-ка ты, старый казак, Илья Муромец, в этот гроб каменный: посмотрим, придется ли он тебе по мерке.

Лег Илья в гроб — гроб ему не по мерке: и широк и длинен.

А как вышел Илья из гроба да лег Святогор на его место — пришлась гробница Святогору по мерке, словно нарочно для него сделана.

— Меньший брат! — просит Святогор, — накрой меня теперь крышкой!

— Нет, старший брат, не хочу тебя хоронить заживо. Это ты шутики надумал нехорошие!

Но Святогор взял сам крышку и надвинул ее на гроб — случилось невиданное чудо: срослись края крышки с гробом; хочет Святогор подняться — не тут-то было, не хватает силушки поднять камень, что давит грудь его богатырскую.

— Душно мне, тяжело, брат меньшей! Помоги мне из гроба на божий свет выйти!

Взял Илья богатырский меч Святогора, только не в силу старому казаку размахнуться им, по каменной крышке ударить.

— Нагнись ко мне, — говорит Святогор, — я дохну на тебя духом своим богатырским!

Дохнул на Илью Святогор, и почувствовал Илья, как сразу в нем силушки прибавилось. Размахнулся он Святогоровым мечом и ударил по гробовой крышке.

Зазвенел меч о камень, погнулся, а на месте, где им Илья ударил, поперек всего гроба полоса железная выросла.

Ударил Илья еще раз — другая полоса железная по крышке протянулася.

Стонет, задыхается Святогор.

— Нагнись еще, меньший брат,дохну на тебя еще своим духом богатырским, передам тебе всю свою великую силушку: может быть, тогда освободишь меня.

— Будет с меня и этой силы, — отвечал Илья, — передашь ты мне всю свою диковинную силушку — и меня тогда, как тебя, мать земля носить не станет.

Тогда Святогор промолвил:

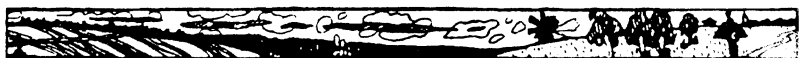
— Хорошо ты сделал, меньший брат, что меня сейчас не послушал:дохнул бы я на тебя мертвым духом. Тут бы тебе и конец был. Прощай же — видно, мне судьба здесь смерть принять. Владей моим мечом-кладенцом, а коня моего привяжи здесь ко гробу; никому не совладать с ним — никого не будет носить он после меня.

Распрощался Илья со старшим своим братом названным; три раза в землю дивному гробу поклонился, пролил слезу горячую, призадумался да и поехал тихонечко в путь-дороженьку дальнюю.

Илья Муромец

Под старым городом Муромом, среди лесов дремучих да болот и топей непроходимых, жил в богатом селе Карачарове исправный крестьянин

Иван Тимофеевич с женою своею Евфросиньею Яковлевной.

Под старость уже послал им господь бог сына, которого они называли Ильею. Всем бы взял Ильюша: был он и здоров, и крепок, и разумом вышел — одно горе — не владел он ни руками, ни ногами, сидел сиднем тридцать лет.

Сидит однажды Илья в избе один-одинешенек; пора была летняя, страдная; все ушли работать на дальнее поле; сидит Илья, об своей участи горькой раздумывает и слышит, подходят под окна его избы двое калик перехожих. Стучатся калики в окно:

— Отвори-ка нам дверь, Илья Муромец,пусти к себе в дом калик перехожих отдохнуть по пути.

Отвечает Илья:

— Не могу я, божьи люди, с места сдвинуться, ворот отворить: сижу я сиднем вот уже тридцать лет; не владею ни руками, ни ногами.

Но повторяют калики свою просьбу и во второй, и в третий раз. Шевельнулся Илья на печи: что за диво! Чувствует, что может встать; резвые ноженьки его держат, руками он владеет. Вскочил Илья живо с печи, отворяет каликам ворота, в дом их к себе ведет.

Говорят ему калики:

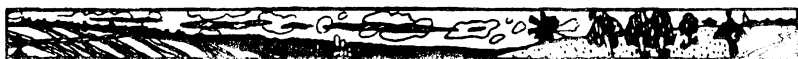
— Принеси нам испить!

— Добрые люди, — отвечает Илья, — ведь я без рук, без ног!

— Иди себе, иди, Илья Иванович! нас не обманывай!

Пошел Илья в погреб; налил чару зелена вина

в полтора ведра, приносит каликам. Дали калики Илье испить того вина, спрашивают Илью:

— Много ли в себе чувствуешь силушки?

— Кабы был от земли столб до неба, а в столбе кольцо золотое, — говорит Илья, — взял бы я за это кольцо, всю бы землю разом перевернул.

Переглянулись калики:

— А ну, Илья, принеси нам еще чашу бражки.

Пошел Илья в погреб; идет, по дороге за дуб хватится — дуб с корнем из земли вырвет, ноги у него по колена в земле вязнут. Принес он браги; дали ему еще выпить калики.

— Сколько теперь, Илья, чувствуешь в себе силушки?

— Божьи люди, теперь во мне силушки половинушка!

— Довольно с тебя и этой силушки, — говорят калики, — будешь ты, Илья, великим богатырем, и смерть тебе в бою не написана; смело можешь выходить в бой со всяким богатырем, не бейся только со Святогором-богатырем — его и сама земля через силу носит, не бейся с Самсоном великим — его стерегут ангелы божьи, не затевай борьбы с родом Микулы Селяниновича — его любит мать земля сырая; не трогай Вольгу Святославича — этот, если силой не возьмет, одолеет тебя хитростью-мудростью.

— Слушай еще, как достать себе коня богатырского: пойдя ты в чистое поле, купи первого жеребчика, какого встретишь, поставь его у себя в конюшне на три месяца, откорми пшеницей белояровой. Через три месяца выводь коня по саду

в три ночи, вываляй в трех росах утренних, подведи к высокому тыну; как научиться конь тын высокий перескакивать по ту и по другую сторону — поезжай на нем куда хочешь.

Тут простились калики с Ильею и скрылись из глаз. Заснул Илья по их уходе крепким сном богатырским; спал ни много ни мало целых двенадцать дней.

Пришли домой с работы родители и сестры Ильевы, увидели, что Илья руками, ногами владеет, изумились, глазам своим не верят, плачут от радости.

Спрашивает Илья у родителей:

— Родители мои милые, где вы крестьянскую работу работали?

— Работали мы, Ильюша, луг-пожню за три версты от дома.

— Сведите меня на ту пожню, укажите мне мою работу!

Стал Илья лес расчищать; старые деревья с корнем повыворотил, повалил, надломил дубы крепкие, распахал поле великое, запрудил корнями речку быструю; столько один в три часа наработал, сколько отец, мать с работниками в три дня не сделали.

Купил себе меж тем Илья жеребчика у мужика-прохожего, как ему калики советовали, дал за него цену неслыханную, пятьсот рублей с полтиною, выкормил, вырастил, в росах вывалял; стал жеребчик конем на диво, Илье верным другом-товарищем.

Пошел Илья к родителю просить благословения на путь-дорогу, на великие подвиги.

Не гром гремит, не стук стучит — то Илья к отцу речь держит; не сырой дуб к земле клонится, не листочки его расстилаются — то Илья отцу земно кланяется, просит себе благословенья:

— Родимый ты мой батюшка! дай мне своего благословенья в славный стольный Киев-град поехать, киевским чудотворцам поклониться, послужить верой-правдой Солнышку Владимиру, постоять за веру христианскую.

Отвечает старый крестьянин, Иван Тимофеевич:

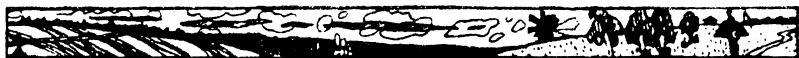
— Поезжай с богом; на добрые дела даю тебе свое благословение родительское; только на худые дела нет тебе моего благословения; не проливай напрасно крови христианской, не делай зла даже и татарину, за сирых, бедных заступайся.

Поклонился Илья отцу с матерью до земли, пошел снаряжаться в путь-дороженьку: выковал себе из трех железных полос три стрелы могучие; стал Илья и меч себе разыскивать — только не нашлось по нем меча: возьмет Илья меч за рукоять, тут рукоять у него в руке и останется. Сковал тогда себе Илья копьё булатное, доброго коня оседлал; положил войлочки на войлочки, потнички на потнички, поверх всего надел на коня седло черкасское с двенадцатью шелковыми подпругами, а тринадцатая была всех крепче, из железа выкована.

Пошел Илья к горе силу пробовать; уперся в гору — гора свалилась в реку, вода в новое русло повернула, и доньше обвал тот старики молодым показывают.

Зашил Илья в ладанку горсть земли родимой,

надел ее на шею, пустил корочку хлебца по Оке-матушке за то, что тридцать лет кормила его Ока, поила; отстоял службу божую; сел на доброго коня и поехал в чужедальнюю сторонушку.

Илья Муромец под Черниговом

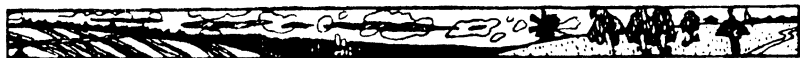
Едет Илья Муромец по чистому полю, к Киеву-городу торопится: ударил он коня по крутым бедрам; рассердился ретивый конь, скачет выше леса стоячего, чуть пониже облака ходячего, на реках броду не спрашивает, с берега на берег перепрыгивает: первый скок скочил — на пятнадцать верст вперед ушел, в другой раз скочил — колодезь скачком пробил; у колодезя срубил Илья сырой дуб, поставил часовеньку, написал на ней свое имя. В третий скок принес Илью конь к городу Чернигову.

Под Черниговом стоит сила несметная; три татарских царевича, с каждым сорок тысяч воинов; от пыли да пару лошадиного не видать днем красного солнышка, не видать вечером ясного месяца; из города жителям нет ни входа, ни выхода.

Разгорается в Илье сердце богатырское, жарче Илья распаляется; стал добрый молодец думу думать:

«Как быть? Не побью татар — исполню завет

отцовский; побую — жителей освобожу черниговских».

И решил Илья помочь народу христианскому — освободить Чернигов от злых полчищ татарских.

Взял Илья в руки саблю острую; где размахнется — лягут целой улицей татары побитые, повернется — набьет татар целой площадью, тех конем потопчет, тех стремянами помнет. Пробылся Илья к трем царевичам, приостановился, да и говорит:

— Что мне теперь с вами делать, цари-царевичи? В плен вас взять — нельзя мне вас с собой возить; мне еще лежит дорога дальняя; голову с вас снять — жаль царский род губить. Поезжайте-ка вы к себе домой, расскажите своим людям, что Русская земля не опустела, что есть в ней славные, могучие богатыри!

А в Чернигове тем временем все к смерти готовятся, на страшный бой последний выходить собираются, в божьих церквах причащаются. Видят: Илья в город въезжает, глазам не верят.

— Как это ты, добрый молодец, в город пробрался мимо несметной татарской рати?

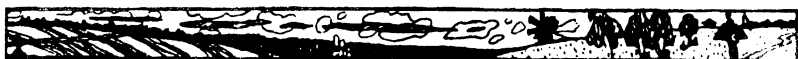
Отвечает Илья:

— Не поздно ли, добрые люди, вы на бой выходить собрались? Взойдите-ка на стену, взгляните в чистое поле.

Пришли на стену жители черниговские: что за диво дивное? Лежит побита вся татарская рать несметная.

Побежали назад к Илье, низко кланяются богатырю могучему, хлебом-солью чествуют; зовет

его к себе воевода Черниговский откусать и воеводство свое ему отдает, спрашивает о роде-племени, об имени-отчестве.

Говорит Илья:

— Родом я из города Мурома, из села Карачарова, крестьянский сын, Илья Иванович. Некогда мне над вами воеводствовать; спешу в стольный град Киев к Владимиру-князю: покажите мне туда дорогу прямоезжую.

Отвечают черниговцы:

— Нельзя тебе, добрый молодец, ехать дорогой прямоезжею: залегла ее река Смородина бурливая, болота, топи глубокие, и свил себе в тех краях гнездо Соловей-разбойник; зашипит по-змеиному, заревет по-звериному — потеряешь напрасно буйную головушку; нет там никому ни прохода, ни проезда.

— Стыдно мне, богатырю, бояться реву звериного, шипу змеиного, стыдно мне по окольным дорожкам прятаться: уж ехать — так прямо! — говорит Илья черниговцам и повернул коня прямо к реке Смородине, в Брынские леса густые.

— Илья Муромец и Соловей-разбойник —

Приехал Илья Муромец в темные леса Брынские, видит перед собою дивное диво: стоят рядом девять дубов могучих, вершиной в облако небесное упираются; пусто все кругом; глушь, топь

непроходимая; бежит из этих страшных мест всякая тварь живая от злодея Соловья-разбойника, что в дубах развесистых залег, от людского глаза прячется.

Услышал Соловей топот коня богатырского, засвистал по-соловьиному, зашипел по-змеиному, зарывал по-звериному; конь под Ильею со страху на колени пал.

Рассердился Илья Муромец на своего бурушку.

— Ах ты, травяной мешок! только и годен ты волкам на съеденье! Чего боишься? Неужели не слышал никогда реву звериного, шипу змеиного?

Натянул Илья свой тугой лук; взвилась каленая стрела, угодила Соловью прямо в правый глаз, свалился Соловей с дуба.

Подобрал тут Илья разбойника, привязал к луке коня и поехал с ним в гнездо Соловьиное. Состроил себе Соловей палаты на диво из добра награбленного. Двор у Соловья на семи верстах, обнесен весь железным тыном, на каждой тычинке по маковке, на каждой маковке по голове богатырской воткнуто. Стоят за оградой три терема златоверхих, сады их окружают тенистые, зеленые, цветами алыми расцвеченные. Под каждым теремом вырыты подвалы глубокие; много лежало в них серебра, золота, камней драгоценных, скатного жемчуга горами наложено.

Вышла Соловьева жена на широкий двор, смотрит в трубку подзорную, видит недоброе дело: едет чужой богатырь, везет с собой ее мужа к седлу привязанного.

Бросилась она с чердака в терем, разбудила девять сыновей своих.

— Встаньте, проснитесь, ясные мои соколы! Пойдите в глубокие подвалы, отомкните кованые ларцы: едет чужой человек, везет отца вашего ремнями к седлу привязанного; просите, молитесь чужого богатыря, чтоб отпустил на волю отца вашего; приготовьте подарки богатые: серебра, золота, скатного жемчуга.

Не стали слушать матери удалые сыновья разбойника: надумали они недобрую думушку:

— Обернемся черными воронами, заключем Илью Муромца, отца на свободу выпустим!

Вышла старшая дочь Соловьева, Польша, к воротам, ухватила подворотню в девяносто пуд, у ворот ждет, притаилась. Стал Илья въезжать во двор — замахнулась на него Польша подворотней, что было силы; отвел Илья ее руку легонечко, попала подворотня в самую богатыршу, тут Польша и смерть пришла.

Видят жена и дети Соловьевы, что не в силах они с Ильей бороться; принесли ему богатый выкуп, просят, молят, чтобы отпустил разбойника на волю.

Не послушал Илья просьб их, повез Соловья в Киев. Бежит конь Ильи быстрее сокола: вот они уже и на Днепре-реке, а перевозчицей была тут другая дочь Соловья, Катюша. Просит ее разбойник:

— Дочь моя любимая, Катюшенька, не перевози ты богатыря на другую сторону: проси раньше, чтоб отпустил он на волю твоего отца-старика, — тогда перевезешь Илью на другой берег.

Слез тут Илья со своего бурушки; в левую руку взял шелковый повод, а правой рвет с корнем дубы крепкие; намостил из дубов мост прочный через Днепр, сам перешел и коня перевел.

Вынул тогда Илья из кармана шелковую плетку о семи ремнях, говорит перевозчице:

— Теперь мы с тобой, красная девица, рассчитаемся!

Ударил раз Катюшу — с ног она свалилась; ударил другой — ей и смерть приключилась.

Было время после обедни воскресной, как приехал Илья Муромец в Киев к ласковому князю Владимиру, прямо на двор великокняжеский; привязал Илья бурушку к столбу белодубовому посреди двора, наказал бурушке крепко-накрепко:

— Береги, бурушка, пуще глаза Соловья-разбойника, чтоб не ушел он из стремени булатного.

Вошел Илья в палаты княжеские, помолился образу Спаса Пречистого, отдал поклон на все стороны, особенным низким поклоном поклонился князю с княгинею, все исполнил как надо, по обычаю.

Ласково встретил богатыря Владимир-князь, велел поднести ему чару зелена вина в полтора ведра, стал Илью расспрашивать:

— Расскажи нам, добрый молодец, какого ты роду-племени, чтобы нам знать, как называть тебя, величать, какое тебе место дать?

— Ласковый князь, зовут меня Ильею Ивановичем; родом я из города Мурома. Приехал я к тебе в Киев дорожкой прямоезжею, торопился

поспеть к заутрене, а к обедне не поспел. Задержали меня дела важные.

Говорят князю бояре:

— Ласковый князь! в глаза тебе лжет богатырь: ведь дорога прямоезжая к Киеву залегла вот уже тридцать лет: не дает Соловей-разбойник ни проезда, ни прохода ни одному человеку. Не выпил ли добрый молодец по дороге лишнюю чару зелена вина, что больно расхвастался!

— Солнышко-князь! оттого я в дороге и позамешкался, что очищал ее от Соловья-разбойника: самого Соловья я привез на твой широкий двор к седлу привязанного; не хочешь ли взглянуть на мою удачу богатырскую?

Тут поднялись с мест и сам князь, и гости, побежали на двор Соловья смотреть. Стал Владимир Соловью приказывать:

— Зашипи-ка, Соловей Рахманович, по-змеиному, зареви по-звериному.

Отвечает Соловей:

— Не твой хлеб, князь, кушаю: не тебя и слушаю.

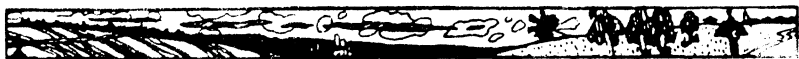
Просит Солнышко-князь Илью, чтобы заставил Соловья реветь да шипеть.

— Запеклись у Соловья уста, — говорит Илья, — кровью от раны запечатались; вели, ласковый князь, дать ему чару зелена вина в полтора ведра.

Взял Соловей чару одной рукой, выпил за один раз, попросил еще чару пива пьяного да чару меду сладкого, закусил калачиком крупитчатым.

И велел Илья Соловью засвистать в полсвиста.

Не послушался Соловей; зашипел, заревел во всю мочь Соловьиную, оглушил в Киеве весь народ православный, сам Владимир-князь к земле пригнулся, подняться не может, прекрасная княгиня Евпраксия еле жива от страху.

Говорит Владимир Илье:

— Уйми Соловья — это шутки пошли плохие!

Расправился тут Илья с Соловьем по-своему за все дела его злодейские: схватил его за желтые кудри да ударил о серый камень — с тем Соловьё и конец пришел.

А Илья заслужил себе честь, славу великую; и Владимир-князь затеял новый пир на радостях, что нет Соловья в живых и некому больше изводить богатырей могучих, обижать христиан православных.

Илья Муромец и Идолище поганое

Выехал однажды Илья Муромец в чистое поле; день был летний, длинный да жаркий; едет старый Илья, не торопится, отпустил на бурушке поводья шелковые.

Встречает Илья по дороге калику перехожую, говорит ему:

— Здравствуй, старчище-Иванище, откуда бредешь, куда путь держишь?

— Иду я, брат Ильюшенька, ко святым местам, во святой град Иерусалим во Иордане-реке

искупаться, ко гробу Христову приложиться, а был я только что в Царь-граде славном.

— Все ли в Царь-граде по-прежнему, по-бывалому,— спрашивает Илья,— так же ли в церквах божьих звонят, такую ли же милостыню дают нищей братии — каликам переходим?

— Нет, Ильюшенька, пришли для Царь-града плохие времена; все в нем не по-прежнему; по-новому, да не по-хорошему. Завладел Царь-градом Идолище поганое; нет от него самому царю никакой воли, никому ни милостыни, ни пощады; святые образа из церквей повыносили, саблями порубили; не слышать звону колокольного.

Рассердился Илья на калику:

— Как же ты, старчище-Иванище, за церкви божии не заступился, с Идолищем в бой не вышел! Силы у тебя вдвое больше, чем у меня самого, а трусости хоть отбавляй. Ну-ка, давай мне скорей твое платье каличье, шапку земли греческой да палицу в девяносто пуд. Пойду я с Идолищем переведаюсь, а ты сиди тут, коня моего стереги, пока не вернусь.

Не смеет калика ослушаться Ильи; поменялись они платьем.

Пошел Илья в Царь-град; каждый шаг по версте делает, земля под ним содрогается.

Говорят татары в Царь-граде:

— Что это за мужик-невежа сюда явился? Шумит, стучит без толку; наш Идолище даром что в две сажени ростом, а шуму такого не делает.

Подошел Илья к окну царских палат белокаменных, кричит громким голосом:

— Великий царь Константин Боголюбович, подай мне ради Христа золотой милостыньки, пора мне уж перестать странствовать да о душе подумать.

Пошатнулся терем от Ильева возгласа, хрустальные окна поразбивались, сердце у татар в груди замерло.

Узнал гостя царь Константин Боголюбович, обрадовался, а Идолище говорит:

— Позови-ка, царь, этого калику сюда в палаты, посади за стол белодубовый, хочу я поговорить с ним; накормим его досыта, напоим допьяна.

Посадили Илью за царский стол; сел с ним рядом Идолище поганое, стал его выпрашивать:

— Скажи мне, калика перехожая, видал ли ты на Руси богатыря Илью Муромца, каков он из себя?

— Как мне не знать Ильи; мы с ним братья крестовые; ростом он с меня и лицом на меня похож.

Усмехнулся Идолище:

— Не велик же ваш богатырь! А помногу ли Илья хлеба ест, зелена вина пьет?

— Ест Илья по три калачика крупитчатых, зелена вина пьет на три пяточка медных.

— Плох же ваш богатырь, — говорит Идолище, — такого богатыря я на ладонь посажу, а другой прикрою — так из него и дух вон выйдет; дуну на него, и унесет его ветер в чистое поле. Вот я — так по три хлеба сразу ем; по три ведра зелена вина пью; щей целой бочки едва на обед мне хватает.

— Нашел чем хвастать! — отвечает Илья. — Вот у нашего батюшки была корова жирная; много она пила, ела, оттого и лопнула, как бы с тобой того же не случилось.

Не понравились татарину эти речи; схватил он нож острый, да как пустит им в Илью; Илья сам отклонился, нож правой рукой отмахнул — попал нож в дубовую дверь; упала дверь с петель, придавила двенадцать татар, что стояли за нею; кого убило, кого ранило; стонут раненые, клянут свое Идолище.

Тут Илья не стал долго раздумывать, хватил Идолище клюкой по голове раз-другой; свалился Идолище на пол, кричит не своим голосом.

Взял его Илья за ноги, стал им помахивать, побивать им татар неверных, сам приговаривает:

— Это ружье по мне: крепок татарин, не рвется, не разбивается.

Перебил Илья в три часа всю силу татарскую; благодарит его царь Константин Боголюбovich, не знает с радости, как Илью принять, чем употчевать! Просит его навсегда в Царь-граде жить остаться.

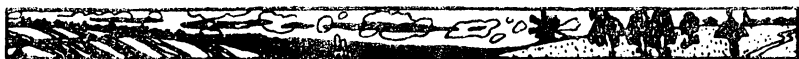
— Будешь ты у нас, Илья Иванович, воеводою!

Говорит Илья:

— Добрый царь Константин Боголюбovich! Служил я тебе всего три часа, а заслужил слово ласковое и хлеб-соль обильную — на том тебе великое спасибо. Жаль мне с тобой расставаться, да нельзя бросить своего товарища, поджидает он меня на дороге.

Отпустил Илью Константин Боголюбovich, на-

сыпал ему на дорогу целую миску красного золота, а вторую — чистого серебра, а третью — скатного жемчуга.

Взял Илья с радостью эти подарки, говорит:

— Это я все заработал!

Распрощался Илья с царем, поехал на поле, где поджидал его старчище Иванище; видит Илья: сидит калика еле жив; не мог с конем богатырским справиться; мыкал-мыкал бурушка калику переходящую, совсем измучил.

Переменился Илья с каликой платьем, надел опять свои доспехи богатырские, назад в Киев поехал, говорит Иванищу на прощанье:

— Смотри, вперед не трусь! Не выдавай христиан поганым татарам, выручай из беды несчастных — на то тебе и силу бог дал великую!

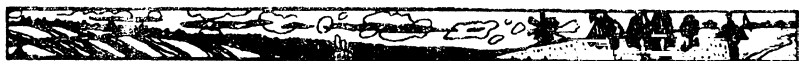
Ссора Ильи с князем Владимиром

Пришел Илья на пир к князю Владимиру; входит богатырь в гридню княжескую, осеняет себя святым крестом, отдает поклоны по обычаю.

Не узнал князь своего могучего богатыря, который столько для него потрудился: не одну тысячу врагов княжеских положил на месте. И говорит Владимир Илье:

— Не припомню тебя, добрый молодец, не знаю, как твое имя-отчество; садись с нами за стол; вот там в конце есть для тебя маленькое ме-

стечко; другие-то места получше все перезабраны князьями-боярами, дьяками думными, могучими богатырями да удалыми богатыршами.

Не понравились старому богатырю эти речи.

— Сам ты, князь, ешь, пьешь с воронами, а меня сажаешь с воронятами, где пониже да похуже. Я на это не согласен!

Разгневался князь, словно лев, потемнел, как ночь осенняя:

— Где это видано, чтобы кто-нибудь смел сравнивать нас всех с воронами да с воронятами! Встаньте-ка, богатыри могучие, возьмите этого человека под одну руку трое, да под другую трое, ведите его на широкий двор, отрубите ему буйную голову.

Размахнулся Илья правой рукой, стряхнул с себя троих богатырей; без памяти все на землю попадали; размахнулся левой — легли рядом и остальные трое.

Послал Владимир еще шесть да шесть богатырей; всех смахнул с себя Илья — лежат на земле, не шелохнутся. Вынул тут Илья тугой свой лук, пустил стрелу каленую, приговаривает:

— Ты лети, стрела, к окошкам княжеским, отбей над окошками золотые маковки.

Набрал Илья золотых маковок целую грудку, продал их, наменял денег видимо-невидимо; пошел по улицам киевским, собрал к себе всех бродяг, всю нищую братию; напоил их, накормил; зелена вина для них приказал выкатить целые бочки. Гуляет нищая братия, погуливает; за Илью бога молит, неладные шутки по Киеву пошучивает.

Говорит Добрыня Владимир-Солнышку:

— Не знаешь ты, князь, не ведаешь, какого богатыря могучего ты обидел: ведь это сам Илья Муромец; видишь — на широком дворе стоит его конь богатырский, ни к чему не привязан, а у стремени Соловей-разбойник прикован. Пошли скорее посла к Илье, чтобы позвал его назад на пир твой великокняжеский.

Стал тут Владимир раздумывать, кого бы послать ему за Ильєю: послать смелого Алешу Поповича — не сумеет Алеша упросить Илью Муромца прийти на пир; послать Чурилу Пленковича — он по дороге где-нибудь заболтается. А надо посла разумного да вежливого; говорит Владимир Добрыне:

— Пойди, Добрынюшка, за Ильєю; он тебя всех лучше послушает; ведь вы с ним братья названные.

Пошел Добрыня, а сам думает:

«Может быть, на смерть иду!»

Нашел Илью Добрыня посреди нищей братии; сидят все рядышком за столами белодубовыми, и пир у них идет великий.

Зашел Добрыня сзади Ильи, взял его за плечи могучие да и говорит:

— Братец мой крестовый, уйми ты свое сердце горячее; послал меня к тебе ласковый князь Владимир; сам знаешь, посла не казнят, не бьют. Просит тебя Владимир не гневаться, вернуться на почестный пир.

Отвечает Илья:

— Хорошо ты сделал, Добрыня, что зашел сзади меня, а то бы и тебе несдобровать. Хорошо,

я вернусь на пир; только пусть Владимир пригласит вместе со мной и мою младшую братию, всех нищих-убогих; пусть велит открыть по всему Киеву погреба глубокие на три дня, чтобы всякий, кто хочет, приходил пить зелена вина безданно, беспошлинно да славил бы старого казака Илью Муромца.

Велел Владимир открыть погреба и лавки, поить, кормить народ целых три дня. Вернулся тогда Илья в палаты княжеские; сам князь Владимир-Солнышко встал ему навстречу, взял его за белые руки, поцеловал в уста, стал усаживать на лучшее место.

Не сел Илья на большое место: остался сидеть посреди нищей братии; и пошел тут пир на весь мир; сидят они, веселятся, ласковые речи поговаривают, гуслеры поют им песни звонкие про славную старинушку.

— Борьба Ильи Муромца с Калином-царем —

Подступил к Киеву неверный Калин, татарский царь, привел с собой сына своего Таракашку Корабликова да зятя Ульюшева, сорок царей-царевичей, сорок королей-королевичей; с каждым дружины несметное множество; на сто верст вокруг Киева орды татарские раскинулись...

Ходит по своему стану царь Калин Калинович, говорит дружине такие речи:

— Кто из вас умеет говорить по-русски, переводить по-татарски? Пусть тот снесет мое письмо князю Владимиру, чтобы сдал он Киев-город без бою, без напрасного кровопролития.

Нашелся татарин, который умел говорить по-русски, вызвался передать письмо Калина князю Владимиру.

Приезжает татарин в Киев на княжий двор; коня своего оставляет посреди двора непривязанным, входит в гридню, святым крестом себя не осеняет, поклонов не отдает по обычаю, бросает письмо Калина на белодубовый стол. В письме написано:

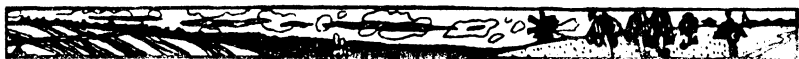
«Сдавай, князь, Киев нам — татарам без бою, без кровопролития да больше хлеба напеки, пива лучшего навари, ожидай нас в гости; я приду к тебе в Киев, жену твою Евпраксию замуж за себя возьму. Добром мне не покоришься — заставлю тебя покориться силою!»

Прочел князь письмо, закручинился, расплакался и стал про себя думу думать, как тут быть ему:

«Неладных я дел наделал: поссорился со всеми богатырями могучими; никого из них не осталось в Киеве. Если бы был тут хотя один старый казак Илья Муромец, заступился бы он за народ православный, потрудились бы ради господ бога. А я разгневался на него в недобрый час, приказал посадить в подвалы глубокие, заморил голодной смертью! Ох, горе, горе!»

Приходит тут в гридню дочь князя Владимира; была она девица добрая да разумная; как приказал князь засадить Илью в глубокие погре-

ба — каждый день ходила княжна к богатырю со своими девушками, хлеб-соль старому казаку приносила.

Говорит княжна:

— Свет родимый батюшка, пошли слуг в погреба глубокие; может быть, жив еще Илья Муромец.

Покачал Владимир головой; однако пошел сам в темницу к Илье Муромцу; отбили у дверей железные замки — видит князь: сидит старый богатырь, жив-невредим; читает святое Евангелие. Обрадовался князь, до земли поклон отдал Илье Муромцу.

— Славный богатырь, Илья Иванович! съезди к Калину-царю, сразись с ним ради матушки родной земли; постой за христиан православных, за святые божьи церкви.

Илья зла не помнил; поехал сейчас же с князем Владимиром к Калину-царю, захватили они с собой дары богатые; стали просить Калина, чтобы дал им сроку три года к смертному бою приготовиться.

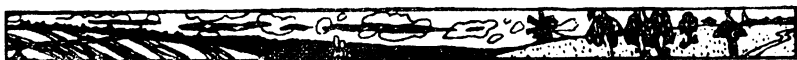
Говорит Калин:

— Нет вам срока ни на три года, ни на три месяца; дам вам сроку на три дня; приготовляйтесь к верной смерти.

Уехал Илья Муромец из орды, дал совет князю Владимиру: заложить накрепко двери городовые в Киеве, вырыть вокруг города рвы глубокие, насыпать холмы высокие, а сам богатырь отправился в дальнее чистое поле.

Ехал Илья Иванович долго ли, коротко ли, приехал к шатру белополотняному; у шатра стоят тринадцать коней богатырских, в шатре сидят

за обедом тринадцать богатырей могучих. Вышел Илья навстречу крестный отец его, богатырь Самсон Самсонович.

— Садись с нами, крестник, за стол, хлеба-соли отведашь богатырских.

Сел Илья за стол; стал рассказывать богатырям, какая беда стряслась над Киевом, просит Самсона прийти Владимиру на помощь.

Отвечает славный Самсон Самсонович:

— Не могу я ни сам поехать, ни богатырей своих отпустить с тобой. Дал я зарок не служить князю Владимиру за то, что он не почитает богатырей могучих, слушает злые наветы бояр продажных.

Упросил Илья Муромец Самсона Самсоновича поехать под Киев не ради князя Владимира, ради Руси-матушки, ради церквей божиих, на помощь христианам православным, и зарок его на себя взял.

Приехали богатыри под Киев уже под вечер; раскинули шатры, прилегли отдохнуть перед боем; одному Илье не спится, не дремлет. И пробрался Илья на бурушке в полки татарские; начал среди татар поезживать, боевой палицей помахивать; махнет правой рукой — повалятся татары целой улицей, отмахнется — ложатся татары частой площадью. Говорит Илье бурушка человеческим голосом:

— Слушай меня, старый казак Илья Муромец: выкопал неверный Калин под стенами Киева три глубоких подкопа: из первого да из второго вынесу я тебя на себе, а в третьем оба мы свои головы сложим.

Разгневался Илья:

— Ах ты, мешок травяной, не видал татарских подкопов! Неужели из этих ямок не в силах меня вынести?

Ударил Илья бурушку по крутым бедрам; взвился стрелой добрый конь; вынес Илью из первого и из второго подкопа, в третьем оба на дне остались.

Прибежали тут татары, схватили доброго молодца, заковали в железные цепи, привели к Калину-царю.

Говорит Калин Илье:

— Останься у меня на службе, славный богатырь; дам тебе за столом место рядом с собою, подарю табун коней резвых, серебра, золота возьмешь, сколько захочешь.

Говорит Илья:

— Если б были у меня руки свободны, послужил бы я тебе — отсек бы твою буйную голову.

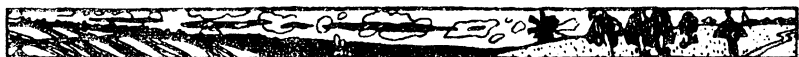
Отдал тогда Калин приказ вывести Илью в поле и побить калеными стрелами. Идет Илья мимо церкви, господу богу взмолился:

— Господи! не выдай меня неверным татарам.

Услышал бог молитву Ильи, послал к нему двух ангелов, оборвали они с рук Ильи шелковые веревки, с ног сняли железные цепи; ухватил Илья одного татарина за ноги; стал им направо-налево помахивать; ложатся татары сотнями. Тут к Илье подбежал верный бурушка; сел на него Илья, поехал на горы высокие, натянул тугой лук, пустил каленую стрелу, сам приговаривает:

— Ты лети, стрела, выше леса дремучего, пади прямо в белый шатер богатырский, пробей

крышу, устремись в грудь Самсону-богатырю, затронь его сердце богатырское в груди белой; что он спит до сих пор, над собой беды не слышит?

Ударила стрела в Самсона, вскочил богатырь на резвые ноги:

— Вставайте, братцы названные: стрела мне в грудь попала; это крестник мой, Илья, зовет на помощь.

Сели тут богатыри на своих добрых коней; земля сырая под ними поколебалась; летят во весь опор на татарские полчища; в три часа перебили всю силу татарскую.

Говорят татары:

— Закажем и детям и внукам ездить под Киев-город, с русскими богатырями меряться силушкой!

Вышел сам Владимир-Солнышко с прекрасной княгиней Евпраксией, приказал слугам расстилать богатырям под ноги драгоценные сукна, одарил их богатыми подарками, позвал на почетный пир. Тут богатыри с князем примирились; стали опять служить ему верой-правдою.

Три поездки Ильи Муромца

Едет старый казак Илья Муромец по чистому полю, глубокую думушку думает:

«Приходит старость древняя, надвигается старость тучей черною, налетает черным вороном, а

молодость буйная, привольная улетела далеко ясным соколом. И то сказать, довольно пожил я на белом свете, прожил триста годков без малого».

Подъезжает тут старый богатырь к белому камню Латырю: расходятся от камня в разные стороны три дороги; на камне написаны такие слова:

«Кто поедет по средней дорожке — тому быть убитому; кто поедет направо — тому быть жено-тому; налево ехать — быть богатому».

Думает Илья:

«На что мне, старому, богатство? И жениться на старости лет нет у меня никакой охоты; поеду по той дорожке, где быть мне убитому».

Ехал добрый молодец три часа, проехал триста верст и нагоняет толпу разбойников-станичников.

Увидали его разбойники, говорят между собою:

— Убьем старого богатыря; конь у него хороший; пригодится нам.

Стали они бить старого казака; стоит Илья, не шелохнется.

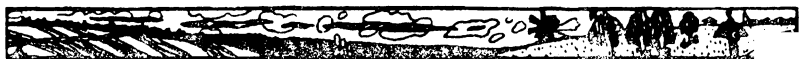
— Нечего вам взять у меня, — говорит Илья разбойникам, — одежда у меня небогатая; правда, кафтан мой стоит пятьсот рублей да есть у меня крест на груди ценой в три тысячи, а конюбурушке и цены нет!

Смеются разбойники:

— Сам про свои богатства старый болтает, чтобы знали мы, чем поживиться.

Как схватит тут Илья шапку с головы — начал шапкой помахивать направо-налево; падают

разбойники замертво, валяются целыми толпами. Перебил Илья разбойников, вернулся назад к камню и написал на нем:

«Неправду говорит надпись: ездил по средней дорожке — убит не был».

«Дай, — думает Илья, — поеду по той дорожке, где быть мне женатому».

Повернул Илья направо; опять едет три часа, проехал триста верст; увидел перед собою несказанное чудо: стоит богатый город, весь палатами боярскими да княжескими застроен; во дворце царском смотрит из окна на дорогу прекрасная королева.

Увидела она Илью, вышла старому казаку навстречу, ласковое слово ему промолвила, взяла его за руки белые, ввела в царскую гридню, просит хлеба-соли у ней откусать, а слугам приказала Ильеву бурушке засыпать пшеницы белояровой.

Попировал Илья, отведал зелена вина, яств сахарных, кланяется прекрасной королевне, благодарит за хлеб, за соль.

Говорит ему королева:

— Наверно, устал ты с дороги, славный богатырь, не хочешь ли пойти прилечь, отдохнуть от длинного пути?

Привела королева Илью в богатый покой, указала ему для отдыха кровать пуховую.

Посмотрел Илья недоверчиво на высокую кровать и не захотел лечь отдыхать, а взял королеву за руки и опустил ее что было силы на кровать пуховую; перевернулась под царевной кровать, провалилась красавица в глубокий погреб.

Говорит Илья служанкам королевны:

— Подайте мне золотой ключ; я хочу отворить погреб глубокие.

Не дают ему ключа. Пошел Илья к дверям темницы; разбросал руками доски, которыми были заложены двери; ногой как толкнет двери железные — обе половины с петель упали.

Вывел Илья на свет божий из погреба сорок царей-царевичей, сорок королей-королевичей.

— Вернитесь по своим царствам, — говорит им Илья, — молитесь бога за старого богатыря Илью Муромца. Кабы не освободил я вас — сложили бы вы тут свои буйные головы.

А душечку красную девицу разрубил Илья на части за ее злодейские дела; раскидал по полю куски ее тела белого; серые волки их порастерзали, черные вороны порасклевали.

Вернулся Илья к камню — написал на нем:

«По другой дорожке ездил — женат не был!»

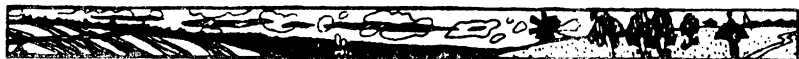
Поехал Илья на третью дорожку, где ему богатому быть; едет Илья три часа, проехал триста верст; видит — перед ним стоит чудный крест, всеми цветами отливает.

Покачал старый головой:

«Этот крест не зря здесь поставлен, стоит он над погребом глубоким; много в погребе золота, серебра хранится, дорогого скатного жемчуга».

Снял Илья крест чудный с глубокого погреба, вынул богатства зарытые, несметные, настроил на них прекрасных церквей божиих с чистым звоном колокольным по всему стольному Киеву. Прилетела тут за Ильей сила небесная; сняли его

святые ангелы с верного бурушки и унесли в киевские пещеры святые. В них и до сих пор покоятся богатырские мощи нетленные, а православный народ во всех концах матушки Руси вспоминает великие дела Ильи, старому казаку славу поет, честь воздает.

Добрыня Никитич

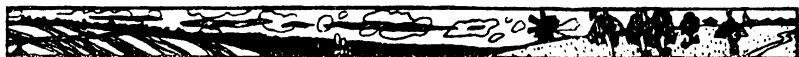
Жил-был в Киеве именитый боярин Никита с женою Мамелфой Тимофеевной, а у них был маленький сынок Добрыня. Рано осиротел Добрынюшка, потеряв доброго отца, но честная вдова Мамелфа Тимофеевна сумела вырастить и воспитать своего пригожего, умного сына, обучила его всем наукам и мудростям; вежлив да ласков был Добрынюшка на диво всем, а уж как начнет в гусли играть — слушают все, не наслушаются.

Молод был еще Добрынюшка, всего-то двенадцати лет от роду, — как разгорелось его сердце ретивое, храброе; захотел он ехать в чистое поле, искать подвигов богатырских.

Говорит ему родимая матушка:

— Молод ты еще слишком, милый сын, чтобы ездить богатырствовать в чистое поле, но уже если и поедешь ты, слушайся моего завета родительского: не купайся в Пучай-реке, та река — бурливая, свирепая; средняя волна в ней, как стрела, бьет; смотри, чтобы не погибнуть тебе понапрасну.

Не послушался Добрыня родимой матушки; идет он в конюшню, седлает своего доброго коня черкасского седлом; кладет потнички на потнички, войлочные на войлочные, седло подтягивает двенадцатью шелковыми подпругами, да еще тринадцатой железной, чтобы крепко седло держалось, чтобы не сбросил конь по дороге доброго молодца.

И поехал Добрынюшка к горе высокой, где скрывался Змей Горыныч; стерег злодей православных христиан, своих пленников. Хочет Добрынюшка пленников из беды выручить, потоптать злых змеенышей копытами коня своего богатырского.

Ехал Добрыня долго ли, коротко ли, подъехал к Пучай-реке; а день был летний, солнечный; стало богатырю жарко; захотел он выкупаться в Пучай-реке.

Слез Добрыня с коня, снял свое платье цветное и поплыл по реке; плывет потихонечку и думает себе:

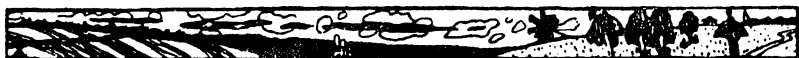
«Говорила мне родимая матушка, будто Пучай-река сердитая да бурливая, а она тихая да смиренная — не волнуется, не шелохнется».

Не успел Добрыня додумать своей думушки, как вдруг откуда ни возьмись нанесло тучу черную, хоть и ветру до того не было. Молнии за сверкали, искры целым снопом посыпались.

Смотрит Добрынюшка: налетел страшный Змей Горыныч о двенадцати хоботах, сам кричит богатырю:

— Попался ты теперь, Добрыня, в мои руки; что хочу, то с тобой и сделаю: захочу — задушю

между хоботами, в нору снесу; захочу — сейчас на месте съем.

Нырнул Добрыня под воду; плывет под водой до берега, на берег вышел — нет на берегу ни коня, ни оружия; одна богатырская шапка лежит под кустиком; набил ее Добрыня песком доверху, как хватит шапкой по Змею Горынычу, отшиб ему все двенадцать хоботов; упал змей на траву навзничь. Вынул тут Добрыня кинжал булатный, хочет отрубить змею голову. Взмолился змей:

— Не убивай меня, добрый молодец! Положим мы с тобой такой договор: я не буду больше летать на Русскую землю, забирать в плен православных христиан, а ты не ездь ко мне в чистое поле, не топчи своим конем моих малых змеенышей.

Согласился Добрыня на этот договор и отпустил змея. Взвился змей под облака, полетел над Киевом-городом; увидал змей в княжеском терему девицу-красавицу, племянницу князя Владимира, Забаву Путятишну. Нарушил змей уговор с Добрынею: схватил красавицу, унес ее в свою нору.

Ужаснулся князь Солнышко, опечалился; три дня собирал он всяких волхвов-ведунов, советовался с ними, как бы выручить от злодея свою племянницу — никто не вызывается помочь князю в этом деле.

Говорит Алеша Попович:

— Пошли, князь, на выручку к Забаве Путятишне брата моего названного, Добрынюшку; он один может помочь тебе в твоей напасти, потому

что у них со змеем договор сделан, чтобы змей не смел уводить в плен православных христиан.

Посылает князь Добрыню к змею; не отказывается Добрынюшка от службы богатырской, только вернулся он домой невесел, глубокую душушку раздумывает.

Спрашивает Мамелфа Тимофеевна:

— Что с тобой, дитятко мое милое, что вернулся ты невесел с княжеского пиру; не обидели ли тебя местом, не обнесли ли чарой зелена вина, кто-нибудь над тобой не насмеялся ли?

— Нет, родимая матушка, принял меня князь с почетом, никто меня не обидел, только наложил на меня Владимир великую службу: посылает меня выручать от змея Забаву Путятишну.

Говорит мать Добрыне:

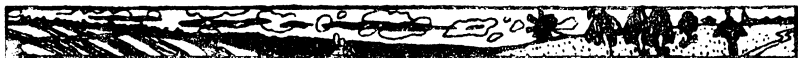
— Ляг да отдохни теперь, Добрынюшка, а потом подумаем, как пособить горю: утро вечера мудренее.

Поутру встал Добрыня раненько; снарядила его матушка в путь-дорогу, дала ему с собой шелковую плеточку.

— Милое дитятко, как приедешь ты по чистому полю к горам Сорочинским, где живет змей со змеенышами, ударь своего бурушку плеточкой промеж ушей, ударь еще по крутым бедрам. Станет бурушка поскакивать, змеенышей с ног стряхнет, потопчет всех до одного!

Послушался Добрыня совета своей матушки: как стал у горы Сорочинской на бурушке поскакивать, забивать змеенышей до смерти, — выскочил сам змей из норы, говорит Добрыне:

— Зачем, Добрынюшка, нарушаешь наш уговор, побиваешь моих деток?

Рассердился Добрыня на змея:

— Как ты смел, злодей, утащить к себе в нору князеву племянницу! За то я потоптал твоих змеенышей. Отдавай мне сейчас Забаву без бою, без ссоры, а то, смотри, плохо тебе придется!

Не отдал змей князевой племянницы и затеял с Добрыней великий бой: бились они целых три дня, хочет уже Добрыня отступить к змею, да слышит богатырь голос сверху:

— Бился ты, Добрынюшка, с змеем трое суток, бейся еще три часа — одолеешь змея.

Послушался Добрынюшка хорошего совета; через три часа убил Змея Горыныча; хлынула у змея кровь из раны ручьями, затопила чистое поле; ходит конь Добрыни по колена в крови. Стал просить Добрынюшка мать сырую землю, чтобы она расступилась, убрала в себя кровь змеиную. Расступилась земля. Спустился тогда Добрынюшка в глубокие подвалы, освободил Забаву Путятишну, а с ней вывел из погребов всех других пленников змея: сорок царей-царевичей, сорок королев-королевичей.

Говорит Добрыня Забаве:

— Много я за тебя странствовал, красна девица; теперь поедem в Киев, отвезу тебя к князю Владимиру.

Поехал Добрыня с Забавой в Киев, наехал по дороге на огромный след богатырский; захотел Добрыня с чужим богатырем померяться силушкой; а тут кстати встречается ему Алеша Попович, его крестовый брат.

Говорит Добрыня Алеше:

— Милый брат названный, отвези-ка ты Забаву Путятишну к князю Владимиру, а я поеду по следу богатырскому.

Повернул Добрыня назад своего доброго коня, догоняет в чистом поле могучую богатыршу Настасью Микуличну, дочь Микулы Селяниновича; захотел Добрынюшка побороться с нею: подсккал к Настасье Микуличне сбоку, ударил ее по голове; богатырша даже и не почувствовала удара Добрыни, едет себе дальше, не оглядывается.

Удивился Добрыня: «Неужели растерял я всю свою прежнюю силушку?» Ударил тут Добрыня в крепкий дуб: раскололся дуб на щепочки.

«Нет, — думает себе Добрыня, — еще со мной вся моя силушка!» Еще и еще раз налетел Добрыня на Настасью Микуличну, ударил ее и раз и другой сильнее прежнего.

Оглянулась на него богатырша да и говорит:

— Я думала, что меня комарики покусывают, а это богатырь дерется!

Взяла Настасья Добрыню за русые кудри, подняла одной рукой, спрятала в карман вместе с конем. Едет себе дальше.

Взмолился тут конь Настасьи Микуличны:

— Пожалей меня, Настасья Микулична, не могу больше возить тебя с богатырем да еще коня богатырского!

Вынула богатырша Добрыню из кармана и говорит:

— А вот я посмотрю на богатыря, как он мне понравится: если старый да нехороший — так го-

лову ему срублию, а молодой да пригожий — так замуж за него выйду.

И понравился Добрыня Настасье Микуличне; поехали они вместе в Киев к князю Солнышку; сыграли веселую свадьбу, затеяли почестный пир. Щедро наградил Владимир славного богатыря за его великую службу, за то, что выручил Добрыня от злого змея молодую Забаву Путятишну.

Женитьба Алеши Поповича на Настасье Микуличне

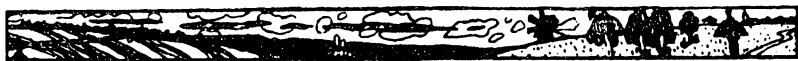
Послал однажды Владимир-князь могучего богатыря Добрынюшку исправлять службы княжеские: порасчистить дорожку прямоезжую в Золотую Орду, покорить чудь белоглазую, пособрать дани с калмыков да с татар.

Стал Добрыня собираться в дальнюю поездку; горько плачет мать его, Мамелфа Тимофеевна, все спрашивает милого сына, когда его домой ждять.

— Государыня-матушка! — отвечает Добрыня, — жив буду — вернусь; не буду жив — и ждять вам будет некого.

Прибежала тут жена Добрыни, молодая Настасья Микулична, слезами уливается, ухватила за стремя богатырское — не может расстаться с милым мужем, просит, молит:

— Скажи мне, Добрынюшка, когда вернешься домой из чиста поля?

— Милая жена, слушай, что я скажу тебе: жди ты меня три года, жди еще три года; если же я и через шесть лет не приеду, знай, что нет меня на свете; тогда живи себе как хочешь: хочешь, оставайся вдовою; хочешь, иди замуж за кого надумаешь: хоть за купца богатого, хоть за именитого боярина или за крестьянина домовитого; не ходи только замуж за моего брата названого, Алешу Поповича; за ним плохо тебе жить будет, наживешь себе великого горя.

Поклонилась Добрынюшке Настасья Микулична земным поклоном, простился богатырь и с родной матушкой, поехал в чужедальнюю сторонушку.

Стала Настасья Микулична ждать домой мужа своего, Добрынюшку; ждет не дождется — а время идет да идет:

День за днем — словно дождь дождит,
А неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.

Прошло и три года, прошло и шесть лет: нет как нет Добрынюшки. Вернулся к этому времени из поля Алеша Попович; привез с собою нерадостные вести, говорит, будто Добрыни уже нет в живых:

— Видел я его в чистом поле убитым; богатырская грудь насквозь прострелена; сквозь его труп проросли цветы алые.

Горько плачет мать богатыря, Мамелфа Тимофеевна; горючие слезы глаза ей выели; а Настасья Микулична говорит:

— Велел мне Добрыня ждать его шесть лет; буду ждать еще шесть лет теперь уже по своей охоте.

Но прошло и еще шесть лет; нет от Добрыни никакой весточки; стал Владимир уговаривать молодую вдову Добрынину:

— Нет твоего мужа в живых; неужели будешь весь век жить вдовою? Выходи замуж хоть за князя-боярина, хоть за купца богатого, а лучше всего тебе выйти за смелого богатыря, Алешу Поповича.

Позабыла Настасья Микулична мужнину заповедь — пошла замуж за Алешу.

Устроил князь Солнышко перед свадьбой веселый пир в честь жениха и невесты; пируют они день, другой — а Добрыня в это время был в Царь-граде; все свои подвиги богатырские он совершил счастливо, отправил со славой княжескую службу, уже думает домой возвращаться.

Медленно плетется его добрый конь по дороге в Киев, не ест пшеницы белояровой, не пьет воды студеной.

Спрашивает Добрыня верного коня:

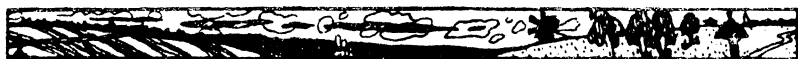
— Что ты невесел, добрый мой конь, идешь, спотыкаешься — не чуешь ли ты над собой какой невзгодушки?

Отвечает конь:

— Не знаешь ты, главный богатырь, не ведаешь, какая печаль тебя дожидает в Киеве: сегодня вечером молодая жена твоя с Алешей венчается.

Разгорелось тут у Добрыни сердце богатырское; бьет он верного коня по бедрам, летит конь

словно сокол, перескакивает одним прыжком высокую стену киевскую, въезжает прямо во двор Добрыни. Идет добрый молодец в горницы, расталкивает привратников, придверников, ни у кого дороги не спрашивает.

Бегут слуги к Мамелфе Тимофеевне, жалуются на богатыря.

Говорит ему Мамелфа Тимофеевна:

— Неладно ты поступаешь, добрый молодец, слуг моих бьешь, в дом ко мне силой врываешься; кабы был жив милый сын мой Добрынюшка, не сносить бы тебе головы, уходи-ка отсюда подобру-поздорову.

— Напрасно, честная вдова Мамелфа Тимофеевна, плачешь ты о смерти сына,— промолвил Добрыня,— сын твой жив и здоров; я его третьего дня сам видел; поехал он к Царь-граду, а мне наказал, как буду в Киеве, чтобы поклон тебе свез, узнал, как поживает его молодая жена, Настасья Микулична.

Заплакала Мамелфа Тимофеевна:

— Шесть лет тому назад привез мне Алеша Попович весточку о том, что сын мой, Добрыня, лежит в чистом поле убитым, а сегодня Настасья Микулична идет за Алешу замуж.

— Матушка, родимая! посмотри на меня, ведь я и есть твой сын.

Не узнает его матушка родимая.

— Смеешься ты над старухой, добрый молодец! Не похож ты вовсе на моего милого сына: у Добрынюшки лицо было белое, очи ясные, как у сокола, платье цветное, лапотки из семи шелков;

а ты пришел весь в лохмотьях, загорелый да худой!

— За двенадцать лет, милая матушка, платье мое цветное износилось, лицо загорело, очи помутнели.

— У моего сына, — говорит Мамелфа Тимофеевна, — на ноге была черная родинка.

Снял Добрыня сапог, увидела мать знакомую меточку, плачет от радости, обнимает милого сына.

— Матушка, — просит Добрыня, — давай скорей мои гусли звонкие, неси платье скоморошье, снаряжай меня на пир к князю Владимиру.

Идет Добрыня в гридню княжескую, расталкивает придверников, привратников, ни у кого не спрашивается; не узнают его слуги, бегут жаловаться на него князю.

А Добрыня кланяется князю в пояс, спрашивает его смело:

— Укажи мне, князь Солнышко, где мое место скоморошье?

Разгневался Владимир:

— Ах ты, неуч, одно только и есть тебе место: за печкой муравленой.

Сел Добрыня за печку, взял свои звонкие гусли, стал напевать песни родимые, напевы к ним прибирать царьградские.

Говорят гости князя между собою:

— Это, видно, не простой скоморох, а славный русский богатырь.

— Удалый добрый молодец! — промолвил тут князь Владимир, — выходи из-за печи, садись за дубовый стол, хлеба-соли нашей откусать, белой

лебеди отведают; выбирай себе любое место: или рядом со мной, или напротив, или садись, куда сам захочешь.

Не сел скоморох рядом с князем, сел против обрученной невесты Алеши.

— Солнышко-князь! Позволь мне налить чару зелена вина, поднести ее, кому сам захочу.

Налил Добрынюшка чару зелена вина, опустил в нее свой золотой перстень, подносит чару молодой невесте.

— Молодая Настасья Микулична, принимай эту чару одной рукой, выпивай одним духом: выпьешь чашу до дна — увидишь что-то доброе, не выпьешь чаши до дна — не бывать добра.

Как выпила Настасья Микулична чашу до дна — увидела на дне золотой мужнин перстень, обрадовалась, вскочила из-за стола, говорит князю:

— Солнышко-князь! не тот мой муж, что со мной рядом сидит, а тот, что сел напротив на скамеечке, чару зелена вина дал мне выпить.

И упала Настасья Микулична Добрыне в ноги.

— Прости меня, мой любимый муж, что ослушалась я твоего приказа, пошла замуж за Алешу Поповича.

— Не своей ты волею замуж шла, — говорит Добрыня, — а удивляюсь я на князя Владимира да на княгиню Евпраксию, что они от живого мужа жену за другого сватают. Еще больше удивляюсь я на Алешу Поповича; знал он, что жив я, здоров — а сам на моей жене захотел жениться.

Застыдился князь Владимир своего поступка,

а Алеша со страху еле на ногах держится, просит прощения у Добрыни, кланяется в пояс.

Нахмурился Добрыня:

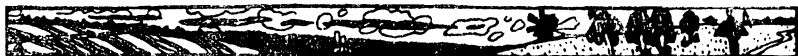
— Простил бы я еще тебе эту вину, да не могу тебе простить, что привез ты лживую весть о моей смерти; огорчил мою родимую матушку, заставил ее надрывать свое сердце слезами горячими!

Ухватил тут Добрыня Алешу за желтые кудри, хочет бросить Алешу о кирпичный пол, убить до смерти, да подоспел вовремя старый казак Илья Муромец, положил Добрыне руку на плечо и говорит:

— Удержи, Добрынюшка, свое сердце горячее, не наказывай лютой смертью своего крестового брата.

Оставил Добрыня Алешу, ушел с княжеского пира, вернулся в свой светлый терем, ведет за руку жену молодую; словно солнышко в небе воссияло, словно месяц тихий засветился, как вернулся к себе в дом славный богатырь Добрыня Никитич. Стал он жить-поживать вместе с родимой матушкой да молодой женой: зажили они без горя, без заботушки, лучше прежнего. А Алеша со стыда уехал из Киева в чужую дальнюю сторону.

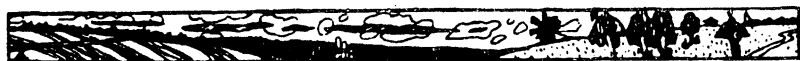

Содержание

Сказки

Морской царь и Василиса Премудрая	7
Финист — ясный сокол	18
Баба-яга.	28
Летучий корабль	34
Сивко-Бурко, вещий Каурко	46
Царевна-лягушка	59
Хрустальная гора.	68
Заколдованная королева	71
Вещий сон.	81
Волшебное кольцо	92
Белая уточка	111
По щучьему веленью	115
Окаменелое царство.	124
Птичий язык	128
Два Ивана — солдатских сына	131
Семь Симеонов	148
Василиса Прекрасная	154
Никита Кожемяка	166
Фома Беренников.	168

Хитрая наука	173
Марья Моревна.	179
Морозко.	193
Солнце, Месяц и Ворон Воронович	199
Лиса и кувшин.	202
Лиса и козел.	202
Коза и волк	203
Дочь-семилетка.	206
Мудрые ответы.	210
Неразгаданная загадка	212
Царица-гусляр	214
Лихо одноглазое	218
Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и сером волке	220
Правда и Кривда	234
Глупый мужик.	236
Лисичка-сестричка и волк	239
Пойди туда — неведомо куда.	242
Барин и гусак	256
Барин и собака.	259
Чего на свете не бывает	262
Барин и староста	265
Кашица из топора	267
Солдатская загадка	269
Морока	271
Не любо — не слушай, а лгать не мешай.	274
Про серебряное блюдечко и наливное яблочко.	280
Таракан-богатырь.	285
Мальчик-с-пальчик	297
Петр I и мужик	306
Лиса-исповедница.	308
Пастушья дудочка	310
Лутонюшка	315

Былины

Встреча Святогора с Ильей Муромцем	321
Илья Муромец	324
Илья Муромец под Черниговом	329
Илья Муромец и Соловей-разбойник	331
Илья Муромец и Идолище поганое	336
Ссора Ильи с князем Владимиром	340
Борьба Ильи Муромца с Калином-царем	343
Три поездки Ильи Муромца	348
Добрыня Никитич	352
Женитьба Алеши Поповича на Настасье Микуличне	358

РУССКИЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ
И БЫЛИНЫ

Редактор
Р. Архипова

Художественный редактор
И. Марев

Технический редактор
Т. Фатюхина

Корректоры
Л. Царская, Н. Кузнецова

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0599260.

Подписано в печать 15.02.99 г.

Гарнитура Школьная. Формат 60×90¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,0.

Уч.-изд. л. 16,92. Заказ № 611.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

*На всех континентах Земли –
в Европе, Азии, Америке,
Африке, Австралии –
с незапамятных времен
рождались и жили
прекрасные сказки. Сотни
поколений из уст в уста
передавали сказку, хранящую
мудрость, опыт и знания
народа, его фантазии
и мечты, его идеалы...
В серии «Сказки мира»
собраны лучшие сказки нашей
планеты, представлена
замечательная галерея
сказочных сокровищ
человечества.*

Путешествие по сказочному миру

начинается с русских народных сказок...

Василиса Прекрасная, Иван-царевич,

Емеля, Баба Яга, былинные герои –

Илья Муромец, Святогор,

князь Владимир и другие

известные с детства персонажи

оживают в рисунках

Ивана Билибина

и в прекрасном собрании сказок

и былин, сохранивших дух

и музыку родного языка.

ISBN 5-300-02502-X

9 785300 025021

ТЕРРА

ТЕРРА – КНИЖНЫЙ КЛУБ